

Русская Старина

Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Август
1885

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го іюля 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XII.

АВГУСТЪ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го іюля 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

Іюнь, 1885 годъ.

Іюль, 1885 годъ.

стр.

Августъ, 1885 г.

ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ КИСЕЛЬ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КІЕВСКАЯ СТАРИНА».

ЛИТОГРАФІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГЕТМАНСТВО БРЮХОВЕЦКАГО.

Въ исторіи каждаго народа бываютъ такъ называемые переходные періоды, когда жизнь народная подвергается сильной внутренней ломкѣ, подготовленной ходомъ событій. Переживать такіе періоды тяжело даже въ томъ случаѣ, если они служатъ только ступенью къ лучшему будущему; тѣмъ тягостнѣе они тогда, когда ведутъ за собой не пышное возрожденіе народной жизни, а медленное, постепенное угасаніе ея. Такую трудную пору пришлось переживать Малороссіи въ концѣ XVII в. Вѣкъ этотъ былъ бурнымъ для всей Европы: на западѣ ея онъ ознаменовался цѣлымъ рядомъ крупныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, обусловленныхъ разнообразными религіозными и политическими мотивами (Тридцатилѣтняя война, Англійская революція, возстаніе Мазаніелло въ Италіи); на востокѣ—это было время обширныхъ народныхъ движеній, главнымъ представителемъ которыхъ явилось козачество великорусское и малорусское.

Упорная борьба малорусскаго козачества съ польскимъ государствомъ привела къ тому, что Малороссія отдѣлилась отъ Польши и на переяславской радѣ 1654 г. присягнула на подданство московскому царю. Но рѣшеніе это оставалось долгое время только юридическимъ; Польша не могла помириться съ такой утратой и начала борьбу съ Москвой за обладаніе Малороссіей. Эта долгая борьба поддерживалась тѣми особыми условіями, какія представляла жизнь самой Малороссіи. Стремленіе освободиться отъ польскаго гнета, объединявшее и одушевлявшее всѣ слои населенія, было удовлетворено: переяславской радой Малороссія доказала свое право

распоряжаться своей судьбой; теперь предстояло ей болѣе трудное дѣло: устроить жизнь свою на новыхъ началахъ.

Вполнѣ самостоятельное существованіе среди сильныхъ сосѣдей представлялось невозможнымъ, союзъ съ однимъ изъ нихъ являлся неизбѣжнымъ. Возникшая борьба между Польшей и Москвой давала возможность Малороссіи сравнивать выгоды союза съ однимъ изъ этихъ двухъ государствъ, степень культуры и формы общественнаго быта которыхъ были очень различны. Такимъ образомъ, въ самой Малороссіи были сторонники съ одной стороны Москвы, съ другой—Польши. За союзъ съ Москвой стояла часть старшины козацкой и главнымъ образомъ народная масса, для которой слова «ляхъ» и «панъ» были синонимами; къ Польшѣ тянула другая часть старшины, болѣе развитая политически, и высшее духовенство. Малороссія является не только театромъ войны между двумя враждующими государствами, но въ ней самой начинается внутренній разладъ, который усиливается съ возникновеніемъ двое-гетманства при Юріѣ Хмельницкомъ и достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ промежутокъ времени отъ 1663 до 1687 г. Это мрачное время, когда Малороссія, подвергаясь разоренію извнѣ, терзаясь внутренней безурядицей, казалось, изживала сама себя въ непосильной борьбѣ, запечатлѣлось въ памяти народа подъ мѣткимъ и образнымъ названіемъ «руины». Прологомъ къ этой исторической драмѣ служитъ гетманство Брюховецкаго (1663—1668 г.), въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типическія черты того времени: безпомощность народной массы, безъидейность и эгоизмъ ея руководителей. Гетманство Брюховецкаго—глубоко-скорбная страница въ исторіи Малороссіи; изложить главнѣйшіе факты и по возможности уяснить значеніе этого гетманства—составляетъ задачу настоящаго очерка.

17-го іюня 1663 г. подъ г. Нѣжиномъ было особое оживленіе. Поле пестрѣло народомъ: городовые козаки, мѣщане, посполььство и запорожцы, прибывшіе сюда, смѣшивались въ шумную толпу, а среди поля, окруженный «ратными людьми», стоялъ богатый шатеръ московскаго боярина Великогагина. Здѣсь должна была совершиться «черная рада» для избранія козацкаго гетмана «вольными голосами». Настроеніе толпы было тревожное и наказной гетманъ

Якимъ Сомко предупреждалъ Великогагина принять мѣры къ сохраненію порядка. На этотъ разъ дѣло шло не о простомъ выборѣ гетмана, а о побѣдѣ одного изъ двухъ искателей гетманской булавы—наказнаго гетмана Якима Сомка и запорожскаго кошеваго Ивана Брюховецкаго. Они явились на раду соперниками: каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ, каждый по своему искалъ опоры въ народной массѣ и расположенія представителей московской власти, но личныя свойства и прошедшая дѣятельность каждаго изъ нихъ были очень различны.

Якимъ Сомко былъ шуриномъ Богдана Хмельницкаго, и это обстоятельство рано выдвинуло его въ ряды козацкой старшины. Во время гетманства Выговскаго онъ оставался въ тѣни; извѣстно только, что онъ не ладилъ съ этимъ гетманомъ. Отъ той поры дошло до насъ свидѣтельство о Сомкѣ современника его, поляка Криштофа Перетятковича, который въ качествѣ посла велъ переговоры съ Выговскимъ. Перетятковичъ разсказываетъ, что въ числѣ козацкихъ пословъ, прибывшихъ на вальный варшавскій сеймъ 4-го апрѣля 1659 г. для утвержденія гадячскихъ статей, былъ и «родной дядя Хмельницкаго (Юрія), Самченко». На сеймѣ этомъ обсуждались нѣкоторыя «невыгодныя статьи, на которыя Рѣчь Посполитая никакъ не могла согласиться». Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было послать Перетятковича къ Выговскому, чтобы склонить его на уступки.

Перетятковичъ, снабженный 400 золотыхъ на дорогу и секретными королевскими грамотами, выѣхалъ вмѣстѣ съ «хорошо одареннымъ» Самченкомъ (Сомкомъ). «Ты самъ, Боже, видишь, какія испытанія терпѣлъ я отъ него (Сомка) до Бѣлой-Церкви!» восклицаетъ Перетятковичъ. «Прежде всего онъ хотѣлъ знать, съ какою цѣлью я ѣхалъ къ Выговскому, и домогался, чтобы я ему открылъ это; обѣщалъ мнѣ дать 12 тысячъ и прислать на Волынь множество серебра, лошадей и скота, съ тѣмъ, чтобы я прибылъ въ его домъ въ Переяславѣ, передалъ ему эти деньги на имѣніе на его имя и до тѣхъ поръ въ немъ оставался, пока онъ самъ пріѣдетъ съ женою и дѣтьми. Онъ повидимому весьма радовался тому, что ему дано дворянство и грамота на десятую часть Козельца и часто мнѣ говорилъ: «уже дѣти мои не будутъ ходить чинить плотины», а между тѣмъ злоумышлялъ иное и

задумывалъ погубить меня или отослать къ царю съ упомянутыми депешами. Пріѣхавши такимъ образомъ со мною въ Бѣлую-Церковь, онъ задержалъ меня полтора дня, не отпуская отъ себя, и тайно сносился съ бѣлоцерковскимъ полковникомъ и тамошнею старшиною; но Всевышній Господь избавилъ меня отъ сѣти ловящихъ: Самченко разгнѣвался за то, что я не ѣхалъ съ нимъ въ Переяславъ, и оставилъ меня, а я поспѣшилъ въ Чигиринъ»[1]). Вскорѣ послѣ того Якимъ Сомко выступаетъ открыто противъ Выговскаго, пользуясь тѣмъ недовольствомъ, которое возбудилъ гадячскій договоръ въ народной массѣ. По иниціативѣ Сомка была созвана «черная рада», на которой Выговскій былъ лишенъ гетманства; Сомко, основываясь на родствѣ своемъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, пытался выдвинуть свою кандидатуру, но неудачно: онъ долженъ былъ уступить мѣсто Юрію Хмельницкому, за котораго стояло Запорожье. Но въ 1660-мъ году, когда Юрій Хмельницкій передался полякамъ послѣ битвы у Слободищъ, а Шереметьевъ былъ разбитъ подъ Чудновымъ, Сомко вмѣстѣ съ полковниками нѣжинскимъ и черниговскимъ становится во главѣ оппозиціи въ пользу Москвы. Онъ былъ избранъ сначала переяславскимъ полковникомъ (вмѣсто ушедшаго къ полякамъ Цыцуры), а затѣмъ на радѣ старшинъ, оставшихся вѣрными Москвѣ, получилъ званіе наказнаго гетмана. Неустанно отбиваясь отъ соединенныхъ войскъ польскихъ и Хмельницкаго, выдержавъ двѣ осады въ Переяславѣ и всяческими усиліями отстаивая лѣвобережную Украйну, Сомко успѣлъ создать себѣ нѣкоторую военную репутацію и вѣроятно имѣлъ сторонниковъ среди той козацкой старшины, которая стояла за союзъ съ Москвою и цѣнила чистоту козацкаго рода. По крайней мѣрѣ лѣтописи даютъ единогласно симпатичные отзывы о Сомкѣ: называютъ его «статечнимъ и розумнимъ»[2]), говорятъ, что онъ «былъ воинъ храбрій, уроди, возраста и красоты зѣло дивной, всего-же паче царскаго величества слуга найвѣрнѣйшій»[3]), «войскамъ былъ добримъ приводцею» и боролся съ непріятелями, «не щадячи живота»[4]). Лѣтопись Гра-

[1]) «Объявленіе объ услугѣ Рѣчи Посполитой его милости гг. Крыштофа Перетятковича». Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1873 г.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, р. II, стр. 18.

[3]) Лѣтопись Грабянки, стр. 122.

[4]) Лѣтопись Самовидца, стр. 36.

бянки сообщаетъ даже цѣлый легендарный разсказъ о смерти Сомка [1]). Надо думать, что печальный конецъ этого неудавшагося гетмана и то обстоятельство, что онъ былъ жертвой ненавистнаго Брюховецкаго, не остались безъ вліянія на отзывы о Сомкѣ лѣтописцевъ-современниковъ. Иначе относились къ нему запорожцы. Въ замѣчательномъ посланіи своемъ къ Юрію Хмельницкому они прямо называютъ Сомка «властолюбцемъ», подымающимъ кровопролитіе и междоусобную брань съ племянникомъ «для власти гетманской» [2]), а письмо, которое въ мартѣ 1662 г. писалъ Сѣрко самому Сомку, наполнено самыми ѣдкими укорами наказному гетману. Сѣрко отъ имени всего войска запорожскаго укоряетъ Сомка за солидарность съ Выговскимъ и Хмельницкимъ, за присвоеніе себѣ гетманства безъ вѣдома «черной рады», напоминаетъ ему, какъ онъ «на сеймъ бѣгавъ для титлъ и маетностей» и какъ когда-то «на Дону виномъ шинковалъ» и грозитъ «думой черныхъ людей войсковыхъ» за пролитіе невинной крови, въ которой—прибавляетъ онъ—«вы по шею бродите» [3]). Но лучшимъ матеріаломъ для характеристики Сомка служитъ переписка его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и представителями московской власти. Она даетъ намъ право заключить, что Сомко былъ человѣкъ далеко не даровитый, не способный возвыситься надъ уровнемъ совершающихся вокругъ него событій, болѣе корыстолюбивый, нежели честолюбивый: самымъ гетманствомъ своимъ онъ дорожитъ какъ-бы съ точки зрѣнія матеріальной выгоды. Сознавая шаткость своего положенія и желая упрочить его, онъ старается всячески заслужить довѣріе Москвы: малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи тревожитъ его. Когда московскій посланецъ выговариваетъ ему за то, что онъ подписывается въ письмахъ своихъ съ «вичемъ» (по имени и отчеству), Сомко извиняется собственной безграмотностью и неумѣлостью своего писаря, наивно добавляя, что «такія великаго государя дѣла» ему и писарю «не за обычай» и обѣщаетъ впредь не писаться съ «вичемъ» [4]). Также оправдывается онъ и по поводу описки въ

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 182.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, р. II, стр. 31.

[3]) «Акты южной и западной Россіи», т. VII, стр. 337.

[4]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 87.

царскомъ титулѣ, при чемъ спѣшитъ прибавить, что образецъ царскихъ титуловъ далъ писарю переяславскій протопопъ, по винѣ котораго и случилась описка [1]). Въ каждомъ письмѣ Сомка къ царю находимъ жалобы на козни противниковъ, отъ которыхъ онъ проситъ защиты, какъ человѣкъ «беззаступный и простой». Опаснымъ соперникомъ Сомка былъ раньше Брюховецкаго нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, тоже природный козакъ, участникъ войнъ Богдана Хмельницкаго, прославившійся военными заслугами и пользовавшійся нѣкоторой популярностью среди козачества. Подобно Сомку, онъ не чуждъ былъ въ свое время участія въ замыслахъ Выговскаго и даже долженъ былъ по гадячскому договору обратиться изъ Золотаренка въ Золотаревскаго, получивъ шляхетское званіе; но затѣмъ, какъ человѣкъ опытный, онъ увидѣлъ безплодность попытки Выговскаго и во время съумѣлъ стать сторонникомъ Москвы и претедентомъ на гетманство. Какъ человѣкъ богатый, онъ не жалѣлъ и денегъ на усиленіе своей партіи. Кромѣ того онъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ московскимъ правительствомъ: ѣздилъ въ Москву и переписывался съ царемъ. Въ Москвѣ считали нужнымъ оказывать вниманіе обоимъ кандидатамъ, не зная, за кѣмъ останется побѣда. Подобное отношеніе раздражало Сомка и, вѣроятно, было причиной того, что въ бесѣдѣ съ московскимъ посломъ Федоромъ Протасьевымъ онъ позволилъ себѣ высказать мнѣніе о необходимости ограничить права полковниковъ и усилить власть гетмана присылкой изъ Москвы особаго лица, въ присутствіи котораго гетманъ имѣлъ-бы право судить виновныхъ старшинъ и постановлять даже смертные приговоры [2]). Соперничество съ Золотаренкомъ было причиной того, что двѣ попытки Сомка получить «совершенное гетманство» вмѣсто «наказнаго», путемъ не полной рады, потерпѣли неудачу. На радахъ возникали разногласія и наконецъ обѣ стороны просили царя о назначеніи новой окончательной рады, рѣшеніе которой долженъ былъ подтвердить присланный изъ Москвы уполномоченный. Московское правительство не спѣшило съ этимъ дѣломъ, ожидая, очевидно, какого-нибудь новаго кандидата, котораго можно было-бы

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V-й, стр. 94.

противопоставить двумъ враждующимъ соперникамъ. Попытка выдвинуть вновь на гетманство Юрія Хмельницкаго не удалась, такъ какъ онъ, сбросивъ гетманскій санъ, постригся въ монахи. Скоро третій кандидатъ нашелся; это былъ кошевой Брюховецкій. Василій Золотаренко, разсчитывавшій на поддержку Запорожья, увидѣлъ себя обманутымъ и потерявъ надежду на успѣхъ своей кандидатуры, соединился съ Сомкомъ. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1663 г. могъ быть выборъ между двумя соперниками, но мѣсто Золотаренка занялъ Брюховецкій.

Съ полнымъ единодушіемъ, но только съ отрицательной стороны, относятся малорусскія лѣтописи къ Брюховецкому, называя его «служкой Хмельниченковымъ, завистливымъ Брюховецкимъ»[1]), «недугомъ злобы и гнѣва обузданнимъ», «губителемъ»[2]), который подкупалъ другихъ въ свою пользу «подарунками и обетницями»[3]) и т. п. Молодость свою Брюховецкій провелъ при Богданѣ Хмельницкомъ, въ качествѣ «старшаго слуги». Онъ не былъ «природнымъ козакомъ»; о происхожденіи его мы находимъ нѣкоторыя данныя въ словахъ Сомка: «Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ ляхомъ да окрестился, а въ войскѣ не служилъ и козакомъ не бывалъ». Впослѣдствіи онъ былъ слугой и при Юріѣ Хмельницкомъ, который, какъ видно, относился къ нему съ довѣріемъ: такъ, когда Юрій Хмельницкій задумалъ выступить кандидатомъ на гетманство въ 1659 г. и хотѣлъ заручиться поддержкой запорожцевъ, онъ съ этой цѣлью послалъ на Запорожье Брюховецкаго. Брюховецкій удачно выполнилъ свою миссію, но не возвратился къ гетману, а остался на Запорожьи, гдѣ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть большую популярность. Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій уже въ качествѣ кошеваго явился въ Москву и въ короткое время своего пребыванія тамъ успѣлъ набросить тѣнь подозрѣнія на Сомка, сообщивъ, что онъ приходится роднымъ дядей Юрію.

Въ 1662 г. Брюховецкій съ запорожцами явился на помощь Ромодановскому противъ Хмельницкаго и, проживши нѣсколько

---

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр.

[2]) Лѣтоп. Велички, т. II, р. IV, стр. 38.

[3]) Лѣтопись Сомова, стр. 39,

недѣль при немъ, успѣлъ заслужить расположеніе московскаго боярина и свести знакомство съ епископомъ Меѳодіемъ, старанія котораго впослѣдствіи разчистили Брюховецкому дорогу къ гетманству. Брюховецкій былъ хитрый и ловкій человѣкъ. Подъ скромной внѣшностью въ немъ таились честолюбивыя мечты, осуществить которыя было не легко. Онъ былъ по природѣ даровитъ, отличался наблюдательностью, которая много помогала ему въ сношеніяхъ съ людьми; кромѣ того онъ обладалъ если не образованіемъ, то по крайней мѣрѣ грамотностью и умѣлъ говорить: «былъ во всѣхъ рѣчехъ цикавій», по свидѣтельству Величка. Сходясь съ людьми, онъ скоро располагалъ ихъ къ себѣ тонкой лестью, притворной скромностью или-же широкими замыслами, наконецъ просто «обетницями и подарунками», смотря по тому, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Видя вокругъ себя разладъ и смуту, способный и ловкій честолюбецъ могъ имѣть надежду на успѣхъ при извѣстной осторожности и настойчивости. И мы видимъ, что Брюховецкій прежде всего вѣрно намѣтилъ себѣ точку опоры: ею въ то время могло быть только Запорожье.

Въ средѣ городовой козацкой старшины Брюховецкому трудно было найти себѣ сторонниковъ. Для нея онъ былъ человѣкомъ чужимъ, «служкой Богдана Хмельницкаго», «не природнымъ козакомъ». Стремленіе козацкой старшины выдѣлиться въ сословную корпорацію зародилось чуть-ли не съ первыхъ дней существованія самой старшины и хотя жизнь разрушала искусственно создаваемыя рамки, но уничтожить самаго стремленія она не могла. Въ эпохи великихъ народныхъ движеній, въ моменты наибольшаго напряженія народныхъ силъ каждая личность становится выше своего обычнаго уровня и общій интересъ заставляетъ молчать на время личныя страсти. Борьба съ Польшей, затрогивавшая всѣ живые интересы страны, на время объединила всѣхъ и наряду съ тѣми, кто боролся за волю и вѣру, стали и тѣ, кто непрочь былъ на освобожденной землѣ установить православное панство. Но время шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснялась и рознь между интересами народной массы и козацкой старшины и чѣмъ шире разросталось козацкое движеніе, чѣмъ больше усиливалось въ немъ участіе посполитства, тѣмъ болѣе крѣпла среди козацкой старшины мысль о гарантіи своихъ имущественныхъ интересовъ и объ усвоеніи себѣ сословныхъ правъ.

Для извѣстной части городоваго козачества шляхетскій строй польскаго государства, украшенный всѣмъ блескомъ внѣшней культуры, былъ идеаломъ; для другихъ, не вѣрившихъ въ возможность союза съ поляками, «какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ», былъ больше по-сердцу союзъ съ Москвой, суливш͏ій имъ кромѣ того немаловажныя личныя блага. Правда, боярство московское не было такъ привлекательно, какъ полноправное шляхетство польское, но и оно имѣло свои заманчивыя стороны въ родѣ жалованныхъ вотчинъ «со крестьяны» и т. п. Были, конечно, и среди старшины козацкой люди безкорыстно идейные, руководивш͏іеся въ дѣятельности своей не личными или сословными интересами; но такихъ, какъ всегда и вездѣ, было немного. Ко времени Брюховецкаго обѣ партіи—московская и польская успѣли уже ясно обозначиться, но условія того времени не давали возможности ни одной изъ нихъ сложиться въ строго опредѣленныя формы. И та, и другая партія цѣнили однако чистоту рода: козацкая генеалогія успѣла уже сложиться. Брюховецкій зналъ это и не разсчитывалъ на поддержку козацкой старшины, но сдѣлалъ попытку заручиться приверженцами и здѣсь: онъ обратился къ честолюбію и корыстолюбію отдѣльныхъ лицъ, т. е. къ тѣмъ рычагамъ, которые сдвигали и не такія препятствія. Такимъ образомъ онъ успѣлъ склонить на свою сторону Василія Дворецкаго, Матвѣя Гвинтовку и нѣкоторыхъ другихъ.

Всѣ надежды свои Брюховецкій возлагалъ на народную массу, представителемъ которой являлось Запорожье. Крестьянское населеніе самой Украйны было слишкомъ подавлено громадностью переживаемыхъ бѣдствій. Крѣпкой защиты оно не видало нигдѣ: козацкихъ силъ не хватало на оборону не только селъ, но и мѣстечекъ и даже городовъ; чужеземныя войска, приходивш͏ія на помощь, смотрѣли на страну, какъ на свою собственность, которую они отбивали изъ рукъ противника для того, чтобъ тотчасъ-же получить ее въ свою власть. Борьба затягивалась, Украйна оставалась постоянно полемъ битвы и только временно переходила изъ рукъ въ руки. Эти временные переходы были ужасны. Какой нибудь городъ или мѣстечко на правомъ берегу Днѣпра сдавались лѣвобережнымъ войскамъ, которые обыкновенно, по своей малочисленности, не могли удержать его за собой. Осажденные вновь польскими войсками, жители держались до послѣдней крайности,

въ надеждѣ на близкую помощь; но она не приходила, городъ брался приступомъ и подвергался жестокому погрому.

Иногда жертвой искупленія бывали предводители осажденныхъ, которыхъ населеніе города рѣшалось выдать; бывали случаи, когда это дѣлалось по ихъ даже собственному почину. Такъ паволоцкій полковникъ, Иванъ Поповичъ, перебившій всѣхъ поляковъ и евреевъ въ своемъ городѣ, былъ осажденъ правобережнымъ гетманомъ Тетерею и не дождавшись помощи отъ Брюховецкаго, сдался, выговоривъ прощеніе остальнымъ жителямъ. Онъ погибъ на глазахъ паволочанъ. Бывало и такъ, что отнятый поляками городъ подвергался вторично осадѣ отъ лѣвобережнаго войска; помня прошлыя невзгоды, жители рѣшались отстаиваться въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, за измѣну которой они такъ жестоко поплатились уже, должна-же теперь защитить ихъ; но надежда эта часто обманывала ихъ и тогда снова повторялись кровавыя сцены. Въ лучшемъ случаѣ, если жители умѣли вымолить себѣ жизнь, погромъ ограничивался раззореніемъ. То, что творилось въ обширныхъ размѣрахъ въ правобережной Украйнѣ, повторялось въ меньшемъ видѣ на лѣвомъ берегу. Страна опустѣла, обезлюдѣла.

Полной безпомощностью звучатъ слова жителей м. Зѣнкова въ письмѣ ихъ къ Сомку; объявляя о своемъ желаніи быть по прежнему въ подданствѣ московскаго царя, они пишутъ: «а что въ нынѣшнее время зимнее не могли-сьмы съ тѣмъ открыть, хотя сердце наше жадало къ тебѣ, возбраняли намъ наступаючіе поганскіе, также войскъ козацкихъ и ляцкихъ силы; ибо намъ бѣднымъ, своеваннымъ и въ конецъ разоренннымъ, не можно малой горсти всякому противитьца, ни откуды не имѣючи никакіе помочи, а потомъ въ невинности своей погибать прежде времяни» [1]). Если это говоритъ городъ и при томъ лѣвобережный, то какъ-же безгранично безпомощны были жители деревень? Не мудрено, что лѣтописецъ подъ 1660-мъ годомъ отмѣчаетъ распространившійся слухъ о нарожденіи антихриста на востокѣ и близкой гибели міра [2]). Все, что могло, бѣжало отъ этой жизни, пытки злѣе, и бѣжало на Запорожье. Община запорожская быстро пополнялась

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 67.

[2]) Лѣтопись Велички, т. II, р. I, стр. 16—17.

этими бездомными сиромахами, приносившими съ собой и свое озлобленіе противъ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію долженъ былъ защитить ихъ: противъ смѣнявшихся одинъ за другимъ гетмановъ, противъ козацкой старшины, противъ наиболѣе зажиточнаго и обезпеченнаго городоваго козачества. Характерно для того времени письмо отъ всего «войска запорожскаго къ черни городовой» (1662 г.): въ немъ запорожцы совѣтуютъ «городовой черни и войску» не вѣрить измѣнникамъ, не слушать ихъ прелестныхъ словъ, не принимать ихъ вольностей и не губить своихъ душъ «для проклятого шляхетства лядского», прибавляя, что имъ «чернякамъ того шляхетства ненадобно»[1]). Живя на Запорожьи, Брюховецкій имѣлъ время присмотрѣться къ тому, что происходило на его глазахъ, и съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ народа. Не трудно представить себѣ, что и какъ говорилъ онъ въ своихъ бесѣдахъ съ запорожцами, если въ самомъ непродолжительномъ времени мы видимъ его уже кошевымъ.

Конечно, онъ заявлялъ себя искреннимъ другомъ этой голоты, искреннимъ ненавистникомъ всякой неправды и насилія, искреннимъ ревнителемъ вѣры и свободы, огражденіемъ которыхъ долженъ служить союзъ съ Москвой. Такого именно гетмана хотѣло видѣть Запорожье и выставило Брюховецкаго своимъ кандидатомъ. Брюховецкій всячески старался поддержать свою популярность и въ перепискѣ своей съ высшими властями относительно запорожцевъ высказываетъ нѣжную заботливость; онъ постоянно употребляетъ такія выраженія, какъ «чернь съ милою охотою позволяетъ», «мои односумы» и т. п. Запорожье въ то время пользовалось огромнымъ авторитетомъ, такъ какъ за него стояла народная масса, и потому голосъ его на «черной радѣ» былъ обыкновенно рѣшающимъ. Оттого-то Брюховецкій и настаивалъ такъ усиленно на созваніи именно «черной рады».

Но, кромѣ того, онъ хотѣлъ заручиться еще поддержкой со стороны лицъ, пользовавшихся довѣріемъ московскаго правительства[2]). Съ этой цѣлью онъ завелъ сношенія съ Гр. Гр. Ромодановскимъ, который, въ качествѣ предводителя московскихъ войскъ, былъ въ

[1]) «Акты южной и западной Россіи», т. V.
[2]) «Акты южной и западной Россіи», т. V.

то время однимъ изъ главныхъ представителей московской власти въ Украйнѣ, и внушить ему расположеніе. Наконецъ Брюховецкому удалось найти себѣ очень важнаго союзника, въ лицѣ епископа Меѳодія. Эти два человѣка поняли другъ друга. Оба они были одного типа: неглупые, способные, неискренніе, медленно, осторожно, но упорно шедшіе къ намѣченной цѣли, не стѣсняясь въ средствахъ и маскируя свои планы. Меѳодій давно уже пользовался благосклонностью Москвы: во время гетманства Выговскаго, будучи еще скромнымъ нѣжинскимъ протопопомъ, Максимомъ Филимоновичемъ, онъ писалъ московскому царю о необходимости ввести воеводъ московскихъ въ украинскіе города[1]), и потомъ во всѣхъ смутахъ заявлялъ себя сторонникомъ Москвы и давалъ ей совѣты. Въ 1661 г. Максимъ Филимоновичъ получилъ санъ епископа мстиславскаго и оршанскаго и былъ назначенъ блюстителемъ кіевской митрополіи, которая оставалась вакантной. Трудно сказать навѣрно, насколько опредѣлены были честолюбивые планы Меѳодія. Но сопоставляя его исканіе популярности и связей въ Москвѣ, поведеніе его въ болѣе позднее время, когда рѣчь шла о назначеніи митрополита изъ Москвы, и временный разрывъ его съ Брюховецкимъ по этому поводу, а затѣмъ примиреніе ихъ въ послѣдніе годы гетманства, можно предположить, что честолюбивыя мечты были не чужды епископу, когда онъ встрѣтился съ Брюховецкимъ. Союзъ ихъ и взаимная поддержка могли гарантировать обоимъ достиженіе цѣли; кромѣ того у Меѳодія было еще побужденіе стать на сторону Брюховецкаго,—это вражда къ Сомку. Неизвѣстны причины этой вражды; одна только лѣтопись упоминаетъ, что Сомко могъ подкупить Меѳодія, но не захотѣлъ. Меѳодій явился главнымъ противникомъ избранія Сомка въ «совершенные» гетманы и даже пытался выгнать его изъ церкви, не допустивъ къ присягѣ послѣ козелецкой рады[2]); встрѣтясь какъ-то у Ромодановскаго, Сомко и Меѳодій такъ поспорили, что дѣло едва не дошло до убійства[3]). Потому-то Меѳодій готовъ былъ поддерживать каждаго противника Сомка и раньше стоялъ на сторонѣ Золотаренка. Онъ

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи, т. XI.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 128.

[3]) Лѣтопись Величко, т. II, разд. III, стр. 27.

усердно старался выставить въ самомъ дурномъ видѣ Сомка предъ московскимъ правительствомъ, доносилъ, что Сомко не хочетъ ѣхать на раду и не пускаетъ туда полковниковъ, что онъ сносится тайно съ Юріемъ Хмельницкимъ и т. п. Въ жалобахъ Сомка на враговъ одно изъ первыхъ мѣстъ отводится Меѳодію.

Видя, вѣроятно, въ Брюховецкомъ болѣе надежную опору для своихъ цѣлей, Меѳодій скоро оставилъ Золотаренка и сталъ дѣйствовать въ пользу новаго союзника. Уже въ 1661 г., въ бесѣдѣ съ московскимъ посланнымъ Ѳедоромъ Протасьевымъ, Меѳодій передавалъ великому государю совѣтъ не назначать гетманомъ ни Сомка, ни Васюты (Золотаренка) во избѣжаніе усобицы [1]). Устраненіемъ двухъ претендентовъ расчищалось мѣсто для третьяго, который и выдвигается тогда-же, пока въ скромной роли вѣрнаго царскаго слуги. Къ тому-же Протасьеву Брюховецкій, бывшій тогда въ Переяславѣ, привелъ козака Семенова, бѣжавшаго изъ чигиринской тюрьмы, который сообщилъ вѣсти о тяжелой болѣзни Хмельницкаго, о ненадежности его по отношенію къ московскому царю и о томъ, что «къ нему, Юрасу, отъ наказнаго гетмана Якима Сомка листы приходятъ частые о всемъ» [2]). Этимъ бросалась новая тѣнь на Сомка. Измѣну Сомка Брюховецкій подчеркиваетъ при каждомъ удобномъ случаѣ: пересылаетъ какія-то перехваченныя письма его Ромодановскому и даже въ самую Москву [3]). О собственныхъ видахъ на гетманство онъ не проговаривается ни однимъ намекомъ и по этому поводу высказывается болѣе, чѣмъ безкорыстно: «намъ не о гетманствѣ надобно стараться», пишетъ онъ Меѳодію, только о князя малороссійскаго отъ его царскаго величества, на которое княжество желаю Ѳедора Михайловича имѣти, чтобъ порядокъ лутчый былъ и обереженье всякое»..., «а я самъ, какъ Богъ подастъ, послѣ той рады ненадобной буду со всимъ войскомъ видѣти порядокъ тотъ» [4])... и т. д. Смиреніе и вѣрность Брюховецкаго цѣнились по заслугамъ и пріобрѣтали ему довѣріе Москвы,

---

[1]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 89.

[2]) Ibid.

[3]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 97.

[4]) «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 101, подъ именемъ Ѳедора Михайловича здѣсь разумѣется думный дьякъ Ртищевъ.

если и не полное, то по крайней мѣрѣ такое, на которое могъ разсчитывать третій человѣкъ въ виду двухъ соперниковъ, успѣвшихъ взаимной враждой и клеветами заявить себя подозрительными и безпокойными людьми.

Не трудно было предугадать, чѣмъ кончится «черная рада» въ іюнѣ 1663 г.: на сторонѣ Сомка было нѣсколько колеблющихся полковъ, удерживаемыхъ старшиною, за Брюховецкаго стояли запорожцы, народъ и часть городовыхъ козаковъ. Не успѣлъ еще Великогагинъ дочитать царской грамоты, дозволявшей козакамъ избрать гетмана вольными голосами, какъ раздались съ одной стороны крики: «Сомка», съ другой «Брюховецкаго» и вслѣдъ затѣмъ произошла свалка, въ которой Сомко со своими полками былъ оттиснутъ, бунчукъ наказнаго гетмана сломанъ и запорожцы, поставивъ на столъ Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ. Сомко скрылся въ шатеръ Великогагина, протестуя противъ незаконнаго избранія; московскіе послы были также смущены и объявили о созваніи новой рады на слѣдующій день. Но дѣло на этотъ разъ кончилось тѣмъ, что козаки Сомка передались Брюховецкому, который торжественно былъ объявленъ гетманомъ. Московскіе послы вручили ему гетманскіе клейноты и приняли отъ него присягу на вѣрность московскому царю. Якимъ Сомко, Василій Золотаренко и другіе представители козацкой старшины были арестованы и потомъ выданы Брюховецкому. На ихъ мѣста были тутъ-же назначены лица, заранѣе намѣченныя Брюховецкимъ, въ томъ числѣ Матвѣй Гвинтовка, получившій званіе полковника нѣжинскаго и Василій Дворецкій—полковника кіевскаго. Желая какъ можно скорѣе и вѣрнѣе избавиться отъ Сомка и остальныхъ противниковъ своихъ, Брюховецкій писалъ въ Москву, будто у Сомка хранятся доставшіяся ему при пораженіи Выговскаго подъ Хмельникомъ гадячскія статьи, скрѣпленныя присягой и будто Сомко имѣлъ въ виду, ставши гетманомъ, предложить Москвѣ условія гадячскаго договора, или-же отказаться отъ подданства. Остальныхъ арестованныхъ онъ обвинялъ въ содѣйствіи этимъ замысламъ [1]). Обвиненіе было направлено мѣтко. 18-го сентября 1663 г. въ г. Борзнѣ были казнены осужденные войсковымъ судомъ: Якимъ Сомко, Василій Золотаренко, бывшіе

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, р. IV, стр. 38.

полковники: лубенскій—Степанъ Шамрицкій, переяславскій Аѳанасій Щуровскій, черниговскій Аникій Силичъ и съ ними Павелъ Киндѣй, Ананка Семеновъ и Кириллъ Ширяй. Обозный Цесарскій и полковникъ Дворецкій, присутствовавшіе при казни, отвезли въ Москву въ оковахъ еще десять человѣкъ, которые были сосланы въ Сибирь [1]). Покончивши съ противниками, Брюховецкій постарался отдѣлаться и отъ тѣхъ сторонниковъ, дальнѣйшее вмѣшательство которыхъ въ его дѣла было вовсе нежелательно гетману. Значительная часть запорожцевъ, прибывшихъ на «черную раду», не возвратилась въ Сѣчь,—они являлись обузой для Брюховецкаго, который однако скоро придумалъ, какъ распорядиться съ ними. Раздавши нѣкоторымъ изъ нихъ козацкіе уряды и благодаря этому заручившись ихъ расположеніемъ, онъ раздѣлилъ остальныхъ на мелкіе отряды и распредѣлилъ по разнымъ полкамъ, въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ. Эти отряды, не имѣвшіе опредѣленнаго назначенія, располагались военнымъ постоемъ по городамъ и селамъ. Мѣра, придуманная гетманомъ, достигала двойной цѣли: 1) раздробляя силы запорожцевъ, она ослабляла ихъ и 2) она развивала озлобленіе противъ запорожцевъ въ населеніи, для котораго «военный постой», особенно въ то трудное время, былъ тяжелымъ игомъ. Крутыя мѣры Брюховецкаго вызвали противъ него раздраженіе съ первыхъ-же дней его гетманства; но дѣло было сдѣлано, а грозныя внѣшнія обстоятельства требовали сосредоточенія народныхъ силъ. Въ ноябрѣ 1663 г. въ Батуринъ пріѣхалъ дьякъ Башмаковъ для подтвержденія и укрѣпленія договорныхъ статей со стороны гетмана и старшины.

Батуринскія статьи были повтореніемъ переяславскихъ 1659 г., установленныхъ съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ, касавшихся сбора податей въ царскую казну и раздачи жалованья козацкому войску, рѣшено было послать челобитье царю, такъ какъ, по заявленію гетмана и старшины, статьи эти не могли быть приняты въ виду критическихъ военныхъ обстоятельствъ. Одной изъ первыхъ заботъ новаго гетмана было возвращеніе передавшихся полякамъ лѣвобережныхъ городовъ и отраженіе польскихъ и козацкихъ войскъ подъ предводительствомъ

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 141.

правобережнаго гетмана Тетери. Кажется, въ это время какъ московское правительство, такъ и люди близко знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи начинаютъ сознавать если не невозможность, то крайнюю трудность овладѣть правобережной Украйной. Царь Алексѣй Михайловичъ даетъ въ этомъ смыслѣ инструкціи своимъ уполномоченнымъ для переговоровъ съ Польшей; еще раньше Сомко въ письмѣ къ царю высказываетъ мысль—уступить Польшѣ правобережные города, выведши изъ нихъ жителей на лѣвый берегъ. Стремленіе къ свободѣ личности и гарантіи сословныхъ правъ въ средѣ правобережной старшины, безпомощное положеніе народной массы, подчинявшейся силѣ и способной на активный протестъ тогда, когда чаша терпѣнія переполнялась, и настойчивая борьба со стороны поляковъ за утраченныя владѣнія—все это были серьезныя препятствія для объединенія Украйны подъ московской властью. Для этого нужны были большія матеріальныя и нравственныя силы, которыми не обладало тогда московское государство. Москва могла предложить для успокоенія Украйны одно исконное средство и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ задавала вопросъ: «ссоритесь, обираете другъ друга,—не хотите-ли воеводъ его царскаго величества?» [1]). Ни Москвѣ, ни Польшѣ, однако, не хотѣлось мириться на маломъ и пока шли переговоры, исподоволь подготовившіе андрусовскій договоръ, война въ Украйнѣ продолжалась. Первые годы гетманства Брюховецкаго заняты главнымъ образомъ военными дѣлами. Онъ настойчиво пишетъ въ Москву о присылкѣ возможно большаго числа ратныхъ людей и даетъ нѣкоторые совѣты на счетъ веденія войны. Такъ, отправляя нѣсколькихъ калмыковъ, вмѣстѣ съ другими посланцами, въ Москву, онъ говоритъ, что считалъ необходимымъ удовлетворить выраженное ими желаніе видѣть царя, потому что калмыки, непримиримые враги татаръ, могутъ быть очень полезными союзниками запорожцевъ: «а намъ таковыхъ и потребно—лихаго недобрымъ казнити, пусть нечистый съ поганымъ бьетца, дабы чистымъ и законнымъ пространство отъ безбожныхъ было» [2]). Сообщая постоянно о своихъ военныхъ затрудненіяхъ, Брюховецкій не уставалъ обвинять въ бездѣйствіи и медлительности

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи». т. XI, стр. 23.

[2]) «Акты южной и западной Россіи т. V, стр. 170.

Ромодановскаго, расположенія котораго онъ еще такъ недавно заискивалъ; онъ не удержался и отъ другаго, болѣе опаснаго обвиненія, когда писалъ, что Ромодановскій «будто сговорился съ непріятелемъ»[1]). Война велась довольно успѣшно, Брюховецкому удалось возвратить нѣкоторые лѣвобережные города: Потокъ, Переволочну, Кременчугъ, гдѣ засѣлъ было правобережный наказной гетманъ Петръ Дорошенко. Но важнѣе всего было то, что соединеннымъ московскимъ и козацкимъ войскамъ удалось отстоять г. Глуховъ, осажденный польскимъ королемъ, успѣвшимъ побѣдоносно переправиться на лѣвый берегъ.

Послѣ неудачной осады Глухова Янъ Казиміръ отступилъ въ Польшу и волненіе, вызванное въ народѣ появленіемъ его на лѣвомъ берегу, стало стихать. Въ то-же время посланный въ Запорожье отрядъ, подъ начальствомъ Григорія Косагова, вмѣстѣ съ запорожскимъ отрядомъ Сѣрка, выступивъ изъ Сѣчи, воевали съ союзниками поляковъ татарами и доходили до Перекопа, разоряя татарскія селища. Такое отвлеченіе татаръ ослабляло польскія силы, а то обстоятельство, что Сѣрко, запорожскій герой, былъ на сторонѣ московскихъ войскъ, поддерживало популярность московской власти въ народѣ. Правда, въ 1664 г. еще Косаговъ писалъ, что Запорожье шатается подъ вліяніемъ прелестныхъ писемъ Тетери, и ожидая всякихъ бѣдъ, посылалъ завѣщаніе свое отцу. Но не смотря на это, запорожскія войска въ томъ-же 1664 г. участвовали вмѣстѣ съ козаками Брюховецкаго въ битвахъ съ поляками. Въ правобережной Украйнѣ царилъ разладъ. Кіевскій воевода, бывшій гетманъ, Иванъ Остаповичъ Выговскій съ Іосифомъ Тукальскимъ, преемникомъ митрополита Балабана на правомъ берегу, и монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ, не прочь были пойти на сдѣлку съ Москвой, которая, вѣроятно, не оставалась глуха къ такимъ намѣреніямъ. Но польскія власти разрушили эти замыслы: Выговскій былъ разстрѣлянъ, а Тукальскій и Хмельницкій заточены въ Маріенбургскую крѣпость. Лѣвобережныя войска переходили за Днѣпръ, успѣли взять нѣсколько городовъ, пытались овладѣть самимъ Чигириномъ, который, однако, отстоялся. Подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неудачъ, не имѣя опоры въ населеніи, которое не разъ волей

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V, 192.

и неволей сдавало города лѣвобережнымъ войскамъ, Тетеря сталъ настойчиво писать королю о необходимости заключить миръ съ Москвой, прося въ противномъ случаѣ отставки отъ гетманства. Такимъ образомъ упорная борьба принуждала къ уступкамъ и Москву и Польшу: разоренной и обезсиленной Малороссіи предстояло присутствовать при раздѣлѣ собственной территоріи между двумя болѣе сильными соперниками.

Во главѣ Украйны стояли два человѣка, Тетеря и Брюховецкій—равно способные на личную интригу, но не на борьбу за общественные интересы. Ставши гетманомъ, Брюховецкій далъ просторъ той жаждѣ власти и корыстолюбія, которыя онъ находилъ нужнымъ сдерживать прежде, но при этомъ онъ долженъ былъ неминуемо натолкнуться на протестъ всѣхъ слоевъ населенія и особенно двухъ болѣе сплоченныхъ группъ—городоваго козачества и мѣщанства. Назначивши на мѣста старшинъ такихъ людей, которые лично ему обязаны были своимъ возвышеніемъ, Брюховецкій не могъ уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, не подвергаясь опасности утратить гетманство, а число этихъ враговъ возрасло послѣ кровавой расправы его съ Сомкомъ. Въ глазахъ ихъ новый гетманъ являлся незаконнымъ, а своимъ образомъ дѣйствій онъ нарушалъ стародавнія права козацкія. Самовольное назначеніе полковниковъ и смѣщеніе ихъ, пристрастные приговоры войсковаго суда, составленнаго изъ сторонниковъ гетмана, его стремленіе усилить гетманскую власть, съ помощью власти московской, возбуждали противъ него общее раздраженіе даже у людей, имъ-же выдвинутыхъ, которые никогда не могли быть вполнѣ увѣрены въ прочности своего положенія. Стремленіе къ ограниченію правъ козацкой старшины и усиленію своей власти особенно замѣтно проявляется у гетмановъ лѣвобережныхъ, для которыхъ общественный строй московскаго государства являлся образцомъ. «Многіе козаки пишутся въ мѣщане», говорилъ Брюховецкій Леонтьеву, «а я тому и радъ, думаю, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаю всѣхъ козаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ» [1]). Гетманъ, избранный «черной радой» и опиравшійся на поддержку Москвы, имѣлъ возможность держать въ рукахъ до поры до времени своихъ противниковъ; но они платили ему

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россія», т. XI, стр. 194.

глухимъ недовольствомъ и чувствуя свое безсиліе дѣйствовать открыто, прибѣгали къ доносамъ, которые въ это время являются наиболѣе употребительнымъ средствомъ борьбы.

Другая черта характера Брюховецкаго—корыстолюбіе—была причиной той ненависти, какую возбудилъ онъ среди мѣщанъ. Брюховецкій враждебно относился къ привиллегіямъ, полученнымъ городами отъ польскихъ королей и подтвержденнымъ потомъ московскимъ правительствомъ. Онъ неоднократно писалъ въ Москву о несправедливости такого привиллегированнаго положенія мѣщанъ, сравнительно съ козаками, и стремился захватить въ свои руки право налагать поборы и повинности. Мѣщане вынуждены были иногда прибѣгать къ защитѣ представителей московской власти, какъ это было, напримѣръ, въ Кіевѣ при воеводѣ Чаадаевѣ. Когда этотъ воевода былъ смѣщенъ, по наговорамъ Брюховецкаго, озлобленіе мѣщанъ на гетмана еще усилилось. Народъ для Брюховецкаго былъ средствомъ совершить переворотъ въ свою пользу; для того-же, чтобъ упрочить свое положеніе, Брюховецкій нашелъ другую опору. Переписка его съ Москвой хорошо характеризуетъ тѣ пріемы, какіе употреблялъ гетманъ, чтобы пріобрѣсть довѣріе и благосклонность власть имущихъ. Прежде всего онъ заявляетъ себя безупречно вѣрнымъ сыномъ своего отечества, а подъ именемъ отечества готовъ разумѣть не только Малороссію и Великороссію нераздѣльно, но и всѣ тѣ восточныя, западныя и сѣверныя земли, отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ которыхъ писался московскій царь. Въ своей вѣрности онъ не допускаетъ и тѣни сомнѣнія и если встрѣчается съ подозрѣніемъ такого рода, то оправдывается съ какой-то рабской гордостью. Характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ окольничьему Богдану Матвѣевичу Хитрово, который въ бесѣдѣ съ полковникомъ Дворецкимъ презрительно отозвался о гетманѣ за его доносы на Ромодановскаго и за то, что онъ ратныхъ людей голодомъ моритъ. Брюховецкій краснорѣчиво оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, объясняя, что затрудненія въ продовольствіи ратныхъ людей неизбѣжны, такъ какъ «послѣ пороги военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно, что послѣ войны людямъ свобода, а не подати, особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротою и оборонять отъ непріятелей», и что ратныхъ людей въ Малороссію Москва должна

посылать ради своей-же пользы, такъ какъ Малороссія служитъ предверіемъ Великой Россіи. Нѣсколько рѣзкихъ фразъ своихъ онъ смягчаетъ словами: «это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ у монарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи проситъ». По поводу жалобъ своихъ царю на Ромодановскаго, Брюховецкій говоритъ: «не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ мнѣ утаить нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище по Богѣ, Богородицѣ и всѣхъ святыхъ онъ свѣтъ, помазанникъ Божій»[1]). Тамъ, гдѣ дѣло касается его интересовъ, онъ поступаетъ вопреки указаніямъ сверху, но умѣетъ доказать, что иначе поступить было невозможно. Такъ, будучи еще кошевымъ, онъ провелъ на Украйнѣ зиму 1662—1663 г., не смотря на приказаніе удалиться въ Сѣчь, полученное отъ царя. Какъ человѣкъ «цикавій въ рѣчехъ», онъ знаетъ, какъ много значитъ *форма* выраженія въ глазахъ власти. Онъ не допускаетъ ни малѣйшей оплошности въ титулахъ и разъ избравши себѣ формулой для подписи: «вѣрный холопъ и нижайшій подножекъ престола его царскаго величества Ивашка Брюховецкій», считаетъ себя гарантированнымъ съ формальной стороны. Онъ не стѣсняется давать совѣты, а иногда и просто заявлять несогласіе съ тѣмъ или другимъ указомъ, на томъ основаніи, что онъ, какъ человѣкъ мѣстный, лучше знаетъ условія, среди которыхъ ему приходится дѣйствовать для блага родины, нераздѣльнаго съ интересами его царскаго величества. Такъ, на указъ царя о выдачѣ продовольствія и одежи царскимъ ратнымъ людямъ, стоящимъ въ Малороссіи, Брюховецкій отвѣчалъ, что довольствованіе ратныхъ людей сверхъ того, что имъ выдается, было бы непосильнымъ налогомъ для населенія и потому онъ рѣшилъ не объявлять царскаго указа во всеобщее свѣдѣніе, опасаясь недовольства и волненій[2]). Мы видимъ, что совѣты его выслушиваются благосклонно, непріятные ему люди, какъ кіевскій воевода Чаадаевъ, переяславскій воевода Волконскій, смѣняются, и довѣріе Москвы

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 118—170. «Акты южной и западной Россіи», т. V, стр. 254.

[2]) Акты южной и западной Россія, т. V, стр. 224.

къ новому гетману растетъ. Чтобы упрочить за собой окончательно это довѣріе, Брюховецкому нужно было сдѣлать еще шагъ, на который указывали уже ему представители московской власти: нужно было, чтобъ гетманъ лично явился въ Москву. Ни одинъ изъ гетмановъ, со времени Богдана Хмельницкаго, не ѣздилъ представиться царю, и Хитрово между прочимъ упрекнулъ Брюховецкаго въ томъ, что и онъ, видно, пойдетъ по слѣдамъ своихъ preшественниковъ. Сильно обиженный Брюховецкій въ письмѣ своемъ, оправдываясь военными заботами, писалъ: «самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютый врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчизну, огнемъ пылающую, при такомъ неутвержденіи, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ»[1]).

Одинъ изъ этихъ львовъ, гетманъ Тетеря, убѣдившись въ томъ, что не сможетъ отстоять ни правобережной Украйны, ни своего гетманства, которое не пользовалось симпатіями населенія, удалился въ Польшу, захвативъ съ собою свое имущество и знаки гетманскаго достоинства. На время война какъ бы стихла, свелась на отстаиваніе порознь мелкихъ городовъ. Воспользовавшись этимъ, Брюховецкій сдалъ дѣла наказному гетману, переяславскому полковнику Даніилу Ермоленку, а самъ извѣстилъ въ Москву о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Въ сентябрѣ 1665 г. Брюховецкій прибылъ въ Москву; здѣсь его встрѣтили, какъ давно желаннаго гостя. Вмѣстѣ съ нимъ были: нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка, кіевскій Василій Дворецкій, лубенскій Григорій Гамалея, генеральный обозный Иванъ Цесарскій, судья Петръ Забѣла, писари: Степанъ Гречаный и Захаръ Шийкевичъ, еще нѣсколько лицъ изъ казацкой старшины, протопопъ Григорій Бутовичъ съ чернымъ попомъ Гедеономъ и дьякономъ Авксентіемъ, козаки, мѣщане, атаманы, войты, бурмистры и райцы, наконецъ, челядники и хлопцы», всего 535 человѣкъ[2]).

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, послѣ свиданія съ царемъ и московскими боярами, Брюховецкій предложилъ нѣсколько добав-

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 171; Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 257.

[2]) Акты южной и западной Россіи., т. VI, стр. 4.

леній къ старымъ договорнымъ статьямъ. Эти добавочныя статьи, числомъ 8, были составлены и подписаны гетманомъ и старшиной, а затѣмъ утверждены царемъ. Самою важною изъ нихъ была первая. Въ ней говорилось: «для усмиренія частой въ малороссійскихъ городахъ шатости, которая за прошлыхъ гетмановъ на Украинѣ бывала и нынѣ часто за непостоянствомъ малороссійскихъ городовъ жителей взрывается, чтобъ Украина съ малороссійскими городами и мѣстами, и мѣстечками, и съ слободами и съ селами и въ нихъ всякихъ чиновъ жители подъ его царскаго пресвѣтлаго величества и его государскихъ людей благородныхъ государей царевичей и ихъ государскихъ наслѣдниковъ высокодержавною и крѣпкою рукою въ прямомъ и истинномъ подданствѣ стройно пребываючи и обыкновенную должность съ городовъ и селъ въ государеву казну отдаючи, при крѣпкой и отъ непріятелей невредимой оборонѣ государской вѣчно пребывала; понеже надлежащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оные заступати монархомъ, а не гетманомъ. А чтобъ Богу и всему свѣту явно было, что онъ, гетманъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣми малороссійскими городами и съ селами, въ совершенномъ и истинномъ подданствѣ государскомъ нынѣ и впредь вѣчно пребыти хощетъ, и что самою истиною монарха своего знати желаетъ, тогда всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и отъ поселянъ, во всякомъ малороссійскомъ городѣ и селѣ живущихъ, по милосердному государскому разсмотрѣнію, погодно въ казну государеву выбирати гетманъ съ войскомъ желаетъ и челомъ бьетъ, при которыхъ поборахъ денежныхъ, гетманъ же съ войскомъ челомъ бьетъ, чтобъ примѣромъ иныхъ начальнѣйшихъ малороссійскихъ городовъ и по меньшимъ всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки на одну только горѣлку были, которые приходы кабацкіе винные въ государеву казну обрѣтатися имѣютъ; также всякіе размѣры хлѣбные, со всѣхъ мельницъ малороссійскихъ городовъ приходящіе, вкупѣ съ данью медовою, въ волостяхъ малороссійскихъ выбиратись обыклою и съ доходами отъ купцовъ чужеземныхъ приходящею, не гдѣ индѣ, токмо въ государеву же казну во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ доходить имѣютъ» [1]).

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. I, стр. 376, 615.

Въ царской резолюціи на статью эту говорилось, что царь гетмана и старшину и все войско запорожское жалуетъ, за то милостиво похваляетъ и «укажетъ въ малороссійскіе городы послать своихъ государевыхъ воеводъ» [1]. Такимъ образомъ города лѣвобережной Украйны отдавались во власть московскихъ воеводъ. Это было завѣтной мечтой московскаго правительства, осуществленію которой малороссійское казачество противилось долго и упорно. По переяславскому договору 1654 г. московскій воевода съ царскими ратными людьми долженъ былъ находиться только въ Кіевѣ; въ переяславскихъ статьяхъ, установленныхъ съ Юріемъ Хмельницкимъ въ 1659 г., Москвѣ удалось выговорить назначеніе воеводъ еще въ Черниговъ, Нѣжинъ и Переяславъ на лѣвомъ и въ Умань и Брацлавъ на правомъ берегу. Но воеводы эти имѣли въ Малороссіи значеніе только военныхъ властей, начальниковъ надъ царскими ратными людьми»; они не касались ни полковой казацкой, ни городовой мѣщанской администраціи. Московскія статьи 1665 года существенно измѣняли число и значеніе воеводъ въ Малороссіи. Въ четырехъ лѣвобережныхъ городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ и Нѣжинѣ, гдѣ воеводы уже существовали, число ратныхъ людей при нихъ было увеличено. Здѣсь были назначены воеводы во всѣ болѣе важные города Малороссіи: Полтаву, Кременчугъ, Остеръ, Новгородъ-Сѣверскъ и съ значительнымъ числомъ ратныхъ людей [2]; меньше ихъ должно было находиться при воеводахъ лубенскомъ, прилуцкомъ, миргородскомъ и др. И даже на вольное Запорожье, не знавшее воеводскаго правленія никогда, назначенъ былъ теперь въ Кодацкую крѣпость воевода съ 300 ратныхъ людей. Объ этомъ гетманъ особенно позаботился, настаивая на необходимости быть ратнымъ людямъ въ Кременчугѣ—выше пороговъ и Кодакѣ—на самахъ порогахъ, такъ какъ тогда «Запорожье будетъ подъ государскою высокою рукою и крѣпко»; [3]) нужно, говорилъ онъ, въ «Запорогахъ быть особому воеводѣ и зимовать въ Запорогахъ; тѣмъ надъ непріятелемъ и промыслъ учинить» [4]. Всѣ эти воеводы обле-

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.
[4] Ibid., стр. 19.

чены были уже не прежней властью: теперь въ ихъ рукахъ былъ сборъ податей и налоговъ; подъ ихъ надзоромъ особые переписчики должны были составить перепись населенію, съ обозначеніемъ падающей на каждаго жителя доли повинностей. Воеводы являлись экономическими хозяевами цѣлой страны, такъ какъ, кромѣ городовъ, находившихся подъ непосредственнымъ ихъ вѣдѣніемъ, во всѣхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ они должны были назначить своихъ помощниковъ для сбора податей, они же должны были устроить «винныя ранды» и наложить торговыя пошлины. Брюховецкій не дорожилъ интересами народа, а къ интересамъ мѣщанъ относился враждебно: предвидя для себя постоянныя столкновенія съ городовой администраціей по поводу сбора податей, Брюховецкій рѣшился отказаться отъ этой статьи дохода въ пользу государевой казны, ожидая себѣ за то богатыхъ милостей.

Такъ-же легко было ему поступиться и правами малорусскаго духовенства. 4-й пунктъ московскихъ статей касался назначенія митрополита въ Кіевъ. Брюховецкій выражалъ желаніе, «чтобъ въ Кіевѣ на митрополію по указу государскому русскій святитель съ Москвы посланный былъ, для того, чтобъ духовный чинъ на митрополитовъ, подъ рукою королевскою будучихъ, оглядываючись, въ шатости войску вредителной не былъ; понеже въ статьяхъ переяславскихъ и батуринскихъ такъ постановлено, что митрополиту кіевскому быти подъ послушаніемъ святѣйшаго патріарха московскаго. А такъ гетманъ съ войскомъ, для лучшія всего народа подъ рукою его царскаго пресвѣтлаго величества крѣпости и утвержденія, бьетъ челомъ о присланіи въ Кіевъ святителя русскаго»[1]). Но здѣсь ужъ само правительство московское умѣрило рвеніе гетмана, не разсчитывая на то, что духовенство малорусское, далеко не такое безпомощное, какъ мѣщане и посполъство, такъ легко позволитъ распорядиться своей судьбой. Царь отвѣчалъ на эту статью, что «учнетъ списываться съ царьградскимъ патріархомъ (отъ котораго непосредственно зависѣлъ всегда кіевскій митрополитъ) и «буде царьградскій патріархъ благословеніе о митрополитѣ въ Кіевъ подастъ, и о томъ его величества государевъ указъ будетъ въ то время»[2]).

[1]) Полное Собраніе Законовъ. т. I, стр. 876 и 619.

[2]) Ibid.

Только козацкія права рѣшился выгородить Брюховецкій отъ вмѣшательства московскихъ властей подтвержденіемъ стародавнихъ вольностей: воеводы не имѣли права вмѣшиваться въ казацкое самоуправленіе. Остальныя статьи касались обязательнаго пріѣзда гетмана для утвержденія въ Москву и нѣкоторыхъ частностей, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія великорусскихъ и малорусскихъ властей въ Украинѣ.

За вѣрность, обнаруженную Брюховецкимъ и превысившую ожиданія московскаго правительства, гетманъ и старшина козацкая были награждены: гетману пожаловано званіе боярина, старшина возведена въ дворянство, всѣ же они, кромѣ того, пожалованы городами и селами. Въ этомъ случаѣ ярко выразилось отношеніе казацкой старшины къ собственному народу: всѣ пожалованные просили, чтобы дарованныя имъ мастности «со всѣми крестьяны» были предоставлены имъ въ вѣчное владѣніе. Петрушка Забѣла, судья, да Васка Дворецкой кіевскій, Матюшка Гвинтовка нѣжинскій, да Гришка Гамалѣя лубенскій полковники, да Захарка, писарь войсковый», бьючи челомъ за пожалованье дворянствомъ и селами», обращались къ царю съ такой просьбой: «а нынѣ мы, холопи твои, тебѣ великому государю челомъ бьемъ, чтобъ ты, великій государь, тыми жъ селами, сполна, со всѣми крестьяны въ нихъ мѣшкаючими, насъ же холопей своихъ съ женами и съ дѣтми нашими на вѣчность пожаловалъ и на тое-бъ новые свои государскіе грамоты намъ холопемъ своимъ велѣлъ дати... чтобъ при дворянской чести намъ вышреченнымъ холопемъ, женамъ и дѣтемъ нашимъ не бездоходными за вѣрную нашу службишку быть и чтобъ подъ часъ высланья на Украину списчиковъ твоихъ государскихъ и напотомъ всегда и во вѣки отъ тыхъ селъ, со всѣми въ нихъ теперь и напотомъ будучими крестьяны, мы жъ холопи твои, жены и дѣти наши отдалены не были» [1]). Полученныя грамоты, дѣйствительно, дали старшинѣ юридическое право вѣчнаго владѣнія крестьянами въ пожалованныхъ деревняхъ, но фактически эти попытки ввести крѣпостное право въ Малороссіи долго еще не могли осуществиться: народъ еще слишкомъ живо чувствовалъ свое право на свободу, крѣпостническія стремленія шли слишкомъ въ разрѣзъ съ общимъ строемъ жизни.

[1]) Акты южной и западной Россіи. т. VI. стр. 22—23.

Но шагъ впередъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ. Когда Выговскій, бывшій еще писаремъ, хлопоталъ черезъ Тетерю о полученіи маетностей, то онъ просилъ имѣній въ Литвѣ. На предложеніе царя дать Выговскому указъ на маетности въ Малороссіи Тетеря отвѣчалъ, что дѣлать этого ни въ какомъ случкѣ не слѣдуетъ, такъ какъ Выговскій маетностями этими владѣть не сможетъ, опасаясь войска запорожскаго, которое будетъ противъ такого выдѣленія писаря изъ всѣхъ козаковъ. Козаки Выговскаго побьютъ за то» что выпросилъ себѣ мѣстности, и станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ кромѣ жалованья ничего не надобно»; потому-то Выговскій и проситъ литовскихъ земель: «а въ войскѣ запорожскомъ владѣть ему ничѣмъ нельзя» [1]). Въ 1665 году старшина подобными соображеніями уже не стѣснялась. Гетманъ и бояринъ получилъ, по своему желанію, въ вѣчное владѣніе Шестаковскую сотню въ Стародубскомъ полку и дворъ на Москвѣ, гдѣ бы онъ на всякій случай могъ имѣть пріютъ; кромѣ того гетманъ просилъ о прибавкѣ лично къ нему московскихъ людей, «кѣмъ бы ему ото всего оберечься». Послѣдняя просьба была вызвана боязнью гетмана, чтобъ съ нимъ не случилось что недоброе, такъ какъ, по его словамъ, козаки на него недовольны и даже умышляли на жизнь его [2]). Вообще гетманъ и козацкая старшина, бывши въ Москвѣ, не теряли времени и устраивали свои личныя дѣла, не обнаруживая большой солидарности. Такъ полковникъ Дворецкій говорилъ Желябужскому, что гетманъ держится только ими, полковниками, а козаки его не любятъ и выражалъ свое желаніе, чтобы государь не указалъ ничего зачинать въ ихъ мѣстахъ, не поговоривши съ ними, т. е. старшиною напередъ» [3]). Но тотъ же Дворецкій, подчеркивавшій значеніе старшины, старался въ то же время упрочить личное свое положеніе благосклонностью гетмана и власти московской. Здѣсь-же въ Москвѣ гетманъ достойно заключилъ свое посвященіе въ бояре женитьбой на московской боярышнѣ, кажется, дочери князя Долгорукова, а Дворецкій просилъ разрѣшенія жениться на гетманской свояче-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 9.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т., VI, стр. 10.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 16.

ницѣ [1]). Одному только не повезло въ этой поѣздкѣ—писарю Захару Шійкевичу. Съ этимъ человѣкомъ случилась здѣсь какая-то темная исторія. Какъ видно, онъ стоялъ довольно близко къ гетману и, пользуясь этимъ, относился свысока къ остальнымъ представителямъ козацкой старшины. Послѣдняя искала случая избавиться отъ него. Передъ отъѣздомъ въ Москву Дворецкій писалъ Шереметьеву, чтобъ тотъ совѣтовалъ царю отдалить отъ гетмана «Захарку, бо въ немъ есть злоба великая», и оставить его на Москвѣ. Для большей убѣдительности, высказывая желаніе, чтобы царскіе воеводы вѣдали всѣми маетностями въ Украинѣ, Дворецкій сообщалъ, что никто этому не будетъ противиться, «только единъ Захарко тому дѣлу забѣгатель давне» [2]). Въ Москвѣ, воспользовавшись ссорой Захара Шійкевича съ нѣжинскимъ протопопомъ Бутовичемъ на обѣдѣ у Долгорукаго, Дворецкій и нѣкоторые другіе съ протопопомъ явились въ малороссійскій приказъ съ жалобой на Шійкевича. Гетманъ, вѣроятно, поставленный въ неловкое положеніе, подтвердилъ эту жалобу. Главнымъ обвинителемъ явился эсаулъ Богданъ Щербакъ; отъ имени войска запорожскаго онъ просилъ объ удаленіи Шійкевича, который «всѣхъ безчеститъ пыхами своими». За писаремъ оказались и такія вины, что онъ одному изъ своихъ подписковъ голову проломилъ и т. п. Недавно пожалованный дворянствомъ и имѣніемъ, Захаръ Шійкевичъ былъ сосланъ въ Сибирь [3]).

«Переженепная Малороссія», какъ называетъ ее авторъ Исторіи Руссовъ, загостилась въ Москвѣ до декабря, когда наконецъ письма наказнаго гетмана Ермоленка и епископа Меѳодія съ настойчивыми просьбами о скорѣйшемъ пріѣздѣ заставили гетмана возвратиться въ Малороссію. Здѣсь начиналась смута.

На правомъ берегу Днѣпра мѣсто Тетери занялъ бывшій черкасскій полковникъ Петръ Дорошенко. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей того времени, жизнь и дѣятельность которыхъ освѣщена была идеей самобытности своей родины и проникнута чувствомъ искренней любви къ ней. Дорошенко оказался несостоятельнымъ, принесъ немало вреда Украинѣ, но не смотря на то онъ не можетъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 309.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 14.

быть названъ ни представителемъ сословнаго меньшинства, какъ Выговскій, ни личнымъ честолюбцемъ, какъ Брюховецкій. Дорошенко былъ старый козакъ, сподвижникъ Богдана Хмельницкаго, человѣкъ даровитый и искусный въ дипломатическихъ сношеніяхъ; онъ привозилъ на раду 1659 г. 14 договорныхъ статей Юрія Хмельницкаго, не утвержденныхъ, однако, московской властью [1]). Этотъ-то Дорошенко выступаетъ на сцену въ то время, когда правобережная Украина изнемогала отъ разоренія, а въ лѣвобережной росло недовольство, вызванное гетманствомъ Брюховецкаго. Теперь, когда выяснялась невозможность для Украины объединиться подъ польской или московской властью, Дорошенко задумалъ обратиться къ Турціи. Отрекаясь отъ Польши, Дорошенко пріобрѣталъ себѣ расположеніе народа, ненавидѣвшаго «ляховъ» не меньше, чѣмъ «бусурманъ»; отрекаясь отъ Москвы, онъ пріобрѣталъ симпатіи той части старшины, которая отстаивала политическія права. Союзъ съ Турціей могъ быть наконецъ средствомъ привести къ большей уступчивости одно изъ сосѣднихъ государствъ въ пользу федеративнаго соединенія и потому Дорошенко не прерывалъ сношеній дипломатическихъ ни съ однимъ изъ названныхъ государствъ.

Мы не станемъ слѣдить за всѣми перипетіями дипломатическихъ сношеній Дорошенка, такъ какъ разцвѣтъ его дѣятельности принадлежитъ нѣсколько болѣе позднему времени. Скажемъ только, что онъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ лицѣ митрополита Іосифа Тукальскаго, который прибылъ въ Кіевъ въ 1666 г., освобожденный изъ заточенія, и служилъ живымъ свидѣтельствомъ противъ союза съ поляками. Эти два человѣка, связанные дружбой и пользовавшіеся большой популярностью, являются какъ бы противовѣсомъ другой парѣ—Брюховецкому и Меѳодію. Ермоленко и войсковой подскарбій Ракушка писали Брюховецкому въ Москву, что Дорошенко успѣлъ побѣдить соперника своего Опару, разбить двухъ вѣрныхъ Москвѣ правобережныхъ полковниковъ—овручскаго и браиловскаго и пересылалъ «прелестные листы» на лѣвый берегъ и въ Запорожье.

Возвратившійся изъ Москвы гетманъ былъ встрѣченъ общимъ глухимъ недовольствомъ, которое скоро стало проявляться явно.

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 65.

Почипъ въ этомъ дѣлѣ обнаружился со стороны духовенства: наиболѣе рьяпымъ поборникомъ правъ его явился епископъ Меѳодій, обманувшійся въ своихъ видахъ на гетмана и ставшій теперь заклятымъ врагомъ Брюховецкаго. Между гетманомъ и епископомъ давно уже пробѣжала черная кошка: въ предъидущіе годы оба они уже дѣлали легкіе доносы другъ на друга; поведеніе гетмана въ Москвѣ по вопросу о митрополитѣ привело къ полному разрыву ихъ отношеній. Меѳодій чувствовалъ себя сильнымъ въ этой распрѣ: за нимъ стояло все духовенство съ архимандритомъ кіево-печерской лавры Иннокентіемъ Гизелемъ во главѣ. Гизель, нѣмецъ по происхожденію, рано принявшій православіе и поселившійся навсегда въ Украинѣ, пользовался большой популярностью среди украинскаго духовенства. Умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный» человѣкъ, Гизель всегда стоялъ за интересы своей второй родины, не увлекаясь личными выгодами. Эту черту его знало и московское правительство, знавшее Гизеля съ 1654 г., когда онъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ малорусскаго духовенства, представлялъ царю статьи съ просьбой объ утвержденіи стародавнихъ вольностей малорусской церкви [1]). Гизель не отличался податливостью Меѳодія, но онъ пользовался значеніемъ и потому московскія власти относились къ нему очень внимательно. Вскорѣ по пріѣздѣ Брюховецкаго Меѳодій, Гизель и другія духовныя лица явились къ кіевскому воеводѣ Шереметеву и въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ говорили о нарушеніи ихъ правъ и вольностей со стороны московскаго правительства; они ссылались на грамоту Брюховецкаго, гдѣ тотъ сообщалъ Меѳодію о намѣреніи московскаго правительства назначить на кіевскую митрополію святителя изъ Москвы. «Какъ только прійдетъ къ намъ въ Кіевъ митрополитъ изъ Москвы, говорили они, мы запремся въ монастыряхъ и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ»; «лучше смерть принять, нежели въ Кіевѣ московскому митрополиту быть» [2]). Осторожный Меѳодій колебался, однако, между рискомъ открыто стать на сторону протестующаго духовенства и попыткой пробраться на митрополичью каѳедру, хотя бы съ

---

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1884 г., статья «Иннокентій Гизель».
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 79.

благословенія московскаго патріарха. Высказываясь очень рѣзко въ присутствіи остальнаго духовенства, онъ наединѣ съ Шереметевымъ извинялся и говорилъ, что не можетъ вести себя иначе, такъ какъ самъ получилъ званіе епископа и блюстителя кіевской митрополіи изъ Москвы и потому его болѣе, чѣмъ кого другаго подозрѣваютъ въ пособничествѣ гетману [1]). Чувствуя себя между двухъ огней, Меѳодій тѣмъ съ большей ненавистью относился къ тому человѣку, который поставилъ его въ такое опасное положеніе. Бывшій другъ гетмана, онъ не упускалъ теперь случая очернить его въ глазахъ властей. Онъ говорилъ Шереметеву, что гетманъ самовольно чинитъ судъ и расправу, по наговорамъ, надъ старшиной, беретъ съ населенія тяжкіе поборы и не такъ вѣренъ, какъ кажется: епископъ совѣтывалъ Шереметеву послать въ Запорожье на развѣдки людей и письмо, въ которомъ спросить запорожцевъ, не отъ *бояръ*-ли у нихъ чинится шатость» [2]). Послѣ званнаго обѣда у архимадрита печерскаго многія духовныя лица, въ присутствіи московскаго посланца дьяка Фролова, отказались пить предложенный имъ тостъ за здоровье гетмана, говоря, что гетманъ имъ «злодѣй, а не доброхотъ» [3]). Шереметевъ убѣждалъ Гизеля не гнѣваться на гетмана, такъ какъ вопросъ о митрополитѣ будетъ отданъ царемъ на рѣшеніе цареградскаго патріарха; но Гизель замѣтилъ, что патріарха Парѳенія духовенство кіевское не признаетъ, такъ какъ онъ добылъ свой санъ подкупомъ турецкихъ властей, которыя въ угоду ему смѣнили «возведеннаго на святительскій престолъ слезнымъ прошеніемъ всѣхъ духовныхъ и мірскихъ людей Діонисія», и теперь кіевское духовенство молится за Діонисія [4]). Наконецъ малорусское духовенство послало въ Москву своего уполномоченнаго съ просьбой о дозволеніи имъ избрать изъ своей среды митрополита кіевскаго. Шереметевъ то же писалъ царю, что, московскому митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя: печерскій архимандритъ говоритъ: «если услышитъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрусь

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 80.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 96.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 103.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 105.

и вы насъ доставайте». Шереметевъ въ виду сильныхъ нелadовъ между епископомъ Меѳодіемъ и гетманомъ, которые, однако, оба пользовались довѣріемъ въ Москвѣ, совѣтывалъ царю назначить митрополитомъ черниговскаго епископа Лазаря Барановича, который тоже будетъ вѣренъ [1]).

Другой основной пунктъ московскихъ статей—назначеніе воеводъ въ украинскіе города вызвалъ неменьшее недовольство сначала среди козаковъ, а потомъ и среди мѣщанъ и поспольства. Козачество сразу отнеслось къ этому факту, какъ къ нарушенію своихъ исконныхъ правъ. Существованіе въ украинскихъ городахъ воеводъ съ отрядами ратныхъ людей, наряду съ полковой администраціей и городскими магистратами,—это ужъ было троевластіе, которое, особенно при отсутствіи рѣзкихъ сословныхъ границъ въ Малороссіи, вело къ безконечнымъ пререканіямъ и грозило смутой. Къ тому-же воеводы съ войскомъ—это была военная и финансовая сила, которая могла подавлять всякое проявленіе мѣстной жизни, не подходившее къ общему государственному режиму.

И Москва, и козаки сознавали значеніе борьбы изъ-за воеводъ, которую они вели съ 1664 г. при утвержденіи каждаго новаго гетмана [2]). Заявляя настойчиво необходимость прислать воеводъ въ Украйну, московское правительство ссылалось на желанія самыхъ городовъ, мѣщанства, не разъ заявленныя. Нѣкоторыя основанія для такихъ заявленій были. По договору 1654 г. сборы податей съ городовъ должны были вѣдаться войтами и бурмистрами и поступать на жалованье козацкому войску. Это вносило разладъ между мѣщанами и козаками: козаки презрительно относились къ мѣщанамъ, избавленнымъ отъ воинской службы, мѣщане-же съ недовольствомъ смотрѣли на свою повинность содержать козаковъ жалованьемъ изъ своихъ доходовъ. Съ вступленіемъ на гетманство Брюховецкаго статьи о жалованьи козакамъ были оговорены въ Батуринѣ и остались невыясненными, давая большій просторъ гетману въ тре-

---

[1]) Акты южной и западной Россія, т. V., стр. 147—148.

[2]) Въ малорусскихъ лѣтописяхъ сказывается враждебное отношеніе къ этому факту въ тѣхъ выраженіяхъ, какія употребляетъ лѣтописецъ, сообщая его: см. Лѣтопись Величка, т. II, р. VII, стр. 96; Лѣтопись Самовидца, стр. 47; Лѣтопись Грабянки, стр. 190.

бованіи поборовъ съ мѣщанъ, въ виду военнаго времени. Чѣмъ корыстолюбивѣе были гетманъ и старшина, тѣмъ большій произволъ допускали они и тѣмъ большую ненависть къ себѣ возбуждали въ населеніи. Неиспытанное воеводское управленіе съ его видимой опредѣленностью податей и повинностей могло казаться болѣе привлекательнымъ, чѣмъ извѣстная тягота гетманскихъ поборовъ. Доведенное до того предѣла, когда хочется «хочъ гиршого, абы иншого», населеніе городское и сельское могло видѣть въ протестѣ козаковъ противъ воеводъ простое нежеланіе ихъ потерять доходы. Поэтому сначала оно отнеслось къ назначенію воеводъ или равнодушно или, по увѣренію Шереметева и епископа Меѳодія, даже доброжелательно. Но московскіе воеводы, привыкшіе получать города на «кормленіе», не измѣнили, конечно, своимъ привычкамъ и въ украинскихъ городахъ. Вскорѣ Брюховецкій долженъ былъ писать царю, что переяславскій воевода «которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашему царского величества воеводамъ, или который козакъ къ войску не выходилъ, къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, пославъ вашего царскаго величества ратныхъ людей на становище и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ понаскучили хорошенько». Такими мѣрами, конечно, можно было только сильнѣе возбудить озлобленіе противъ новыхъ представителей власти. Самъ гетманъ постарался вознаградить себя за самоотверженіе, выказанное въ Москвѣ и до прибытія переписчиковъ, собрать «стацѣи» съ городовъ и селъ. Шереметевъ, по поводу жалобъ, доходившихъ къ нему, говорилъ съ гетманомъ, который отвѣчалъ, что поборы взимались безъ его вѣдома и впредь этого не будетъ. Епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій совѣтовали Шереметеву торопить присылку переписчиковъ до Семенова дня, а то невозможно будетъ ничего получить въ царскую казну съ обобранныхъ гетманомъ жителей [1]). Прибытіе переписчиковъ весною 1666 года мало содѣйствовало упорядоченію въ опредѣленіи налоговъ и распредѣленіи повинностей. Не зная мѣстныхъ отношеній и обычаевъ, они впадали въ грубыя ошибки: записывали однихъ и тѣхъ-же людей подъ разными прозвищами, записывали многихъ козаковъ въ крестьяне со словъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. V., стр. 99, 103.

этихъ послѣднихъ, которымъ было выгоднѣе, чтобъ подати распредѣлялись на большее число жителей; козаки бывшіе въ отсутствіи, возвращаясь домой, жаловались. Возникали пререканія и изъ-за винокурень, которыя прежде имѣли право держать только козаки, но которыя теперь отдавались воеводами на откупа и посполитству и т. д. Безурядица усиливалась, благодаря тѣмъ личнымъ отношеніямъ, какія устанавливались между пришлымъ элементомъ и мѣстными людьми; особенно негодовали козаки на обращеніе съ ними воеводъ и ратныхъ людей. Кіевскіе и нѣжинскіе жители давно уже жаловались на обиды, чинимыя ратными людьми [1]); о тѣхъ-же обидахъ писали Брюховецкому въ Москву наказной гетманъ Ермоленко, войсковой казначей Ракушка и епископъ Меѳодій; о нихъже доносилъ царю и самъ гетманъ. Изъ Полтавы, гдѣ воеводское правленіе вводилось съ 1666 г., въ іюлѣ этого года пришла жалоба отъ полтавскихъ козаковъ на воеводу Якова Хитрово, который, по ихъ словамъ, ставилъ на квартиры своихъ людей къ заслуженнымъ козакамъ, бралъ у нихъ лошадей и оскорблялъ ихъ всячески: «которой товарищъ (козакъ) прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ, или денщикамъ велитъ изъ дому изъ спрочьяго выпхнути въ шею. А сѣножати наши и луги огороженные и огороды ни въ чемъ не волни, что хотятъ, такъ и дѣлаютъ за приказаніемъ его». Старшинѣ козацкой онъ отвѣчалъ: «я су тутъ отъ государя посланъ болѣй всѣхъ, а вы всѣ подчорты» [2]). Общая жалоба на ратныхъ людей была также за оскорбленіе женщинъ.

Личность гетмана и старшинъ козацкихъ были не изъ тѣхъ, которыя могли-бы успокоить возраставшее недовольство населенія, вызвать довѣріе къ себѣ. Брюховецкій, возвратясь изъ Москвы, сталъ дѣйствовать еще самоувѣреннѣе: онъ надменнѣе прежняго обращался со своими подчиненными, произвольно смѣнялъ и судилъ ихъ, не разбирая вины, часто по одному только подозрѣнію. При этомъ онъ нерѣдко обнаруживалъ свойственное ему коварство; такъ въ февралѣ 1666 г. лубенскій полковникъ Григорій Гамалія вмѣстѣ съ игуменомъ Каллистомъ прибылъ въ гости къ гетману:

[1]) Просьбы о льготахъ податныхъ и жалобы на обиды отъ воеводъ и ратныхъ людей находимъ въ Актахъ южной и западной Россіи, т. V и VI.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 132.

«Брюховецкій принялъ его вдячне и чрезъ день тотъ гулялъ зъ нимъ коварно, а у вечоръ, оковати его велѣвши и за варту отдавши, держалъ больше року въ Гадячомъ подъ крѣпкою сторожею, маючи подобно на него подзоръ о нѣякуюсь листовную зъ Дорошенкомъ корреспонденцію»[1]). Вѣроятно подозрѣнія гетмана не оправдались, такъ какъ впослѣдствіи Григорій Гамалія является въ числѣ довѣренныхъ лицъ у гетмана. Сильнѣе поплатились войсковой судья Юрій Незамай и лысянскій полковникъ Высочанъ: они были отправлены гетманомъ въ Москву, а оттуда сосланы, первый въ Казань, второй въ Сибирь. Ссылка въ Сибирь, которою обыкновенно заканчивалось отправленіе къ царю виновныхъ или заподозрѣнныхъ, наводила панику на украинскихъ людей. Епископъ Меѳодій говорилъ, что здѣшнимъ людямъ «легче смерть принять, нежели ихъ къ Москвѣ отослать»[2]). Гетманъ-же злоупотреблялъ этимъ средствомъ: бывши въ Москвѣ, онъ убѣдительно просилъ царя не отпускать на волю тѣхъ козаковъ, которые были взяты въ плѣнъ въ усобицѣ 1660 гог., потому что «и то имъ великаго государя милость, что они отъ смерти свободны[3]). Въ этомъ сходился съ нимъ епископъ Меѳодій, писавшій гетману: «Дорошенковъ тѣхъ, которые на Москвѣ, хорошо, чтобъ покрѣпче держать»[4]). Самъ гетманъ жилъ пышно, «доступъ къ нему сталъ тяжелъ», карликъ Лучка докладывалъ ему о посѣтителяхъ, а для личной охраны при немъ былъ отрядъ запорожцевъ и сотня ратныхъ московскихъ людей. Козаки не любили гетмана и за то, что онъ былъ «бояринъ» и что при немъ впервые вошелъ въ моду обычай жаловать козацкихъ старшинъ дворянствомъ, нарушавшій начала равноправности среди козачества. Отдаленіе гетмана отъ военныхъ дѣлъ стало тоже вызывать упреки: «что это за гетманъ, который сидитъ въ городѣ, какъ въ лукошкѣ, а только за нимъ и дѣла, что вѣдьмъ жжетъ»[5]). Вѣроятно, къ числу этихъ вѣдьмъ нужно отнести полковничку гадяцкую Острую и съ ней много дру-

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, р. VII, стр. 96—97.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 99.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 15.
[4]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 45.
[5]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 246.

гихъ «чесныхъ женъ», сожженныхъ Брюховецкимъ, «передъ всѣмъ народомъ, въ Гадячомъ, за малую вину». Женщины видно играли нѣкоторую роль въ то время, по крайней мѣрѣ Брюховецкій усиленно преслѣдовалъ ихъ не только въ видѣ вѣдьмъ. Такъ еще въ 1663 году, намекая на сношенія Меѳодія съ Тетерей, гетманъ пишетъ въ Москву, что всему виною старица Ангилина, живущая въ печерскомъ монастырѣ: она учитъ грамотѣ дочь епископа и все, что услышитъ отъ нея, передаетъ Тетерѣ [1]). Поводомъ къ ссылкѣ Незамая послужило то, что онъ выдалъ пропускъ на правый берегъ 5 женщинамъ, женамъ каневскихъ козаковъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Въ 1667 г., говоря о начинающихся на Украйнѣ шатостяхъ, Брюховецкій сообщаетъ царю, между прочимъ, о пріѣздѣ въ Кіевъ съ праваго берега жены Богдана Хмельницкаго и дочери Григорія Гуляницкаго. Брюховецкій зналъ о томъ, что козаки его не любятъ, и не разъ говорилъ о грозящихъ ему опасностяхъ, что еще лучше должно было оттѣнить его вѣрность Москвѣ. Примѣру гетмана слѣдовали и старшины: унижаясь передъ нимъ, они проявляли свои властные инстинкты надъ людьми зависѣвшими отъ нихъ. Захарій Шійкевичъ дрался и «безчестилъ всѣхъ пыхами своими», полтавскій полковникъ Витязенко подъ злую руку увѣчилъ приходившихъ къ нему, заставлялъ полтавцевъ исполнять его личныя работы, выстроилъ себѣ домъ лучше гетманскаго [2]). Ермоленко, полковникъ переяславскій, усиленно годилъ гетману и хотя считалъ нужнымъ говорить предъ козаками, что онъ козакъ и дворянство ему не надобно, но не пользовался симпатіями въ своемъ полку. Въ числѣ старшинъ были люди, извѣстные военными заслугами, иногда знавшіе цѣну и образованію, какъ, напримѣръ, Василій Дворецкій, бившій челомъ о заведеніи вновь латинскихъ школъ въ Кіевѣ [3]). Имъ тягостно было подчиняться произволу гетмана; иногда это вело къ враждѣ между ними: такъ, Дворецкій навлекъ на себя подозрѣніе гетмана въ томъ, что первый сообщилъ духовенству кіевскому о назначеніи митрополита изъ Москвы

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI.
[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 187.
[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 195—196.

и гетманъ, по словамъ полковника, постоянно сталъ давать ему опасныя военныя порученія, чтобы сжить его со свѣту. Разошелся съ гетманомъ подъ конецъ и другой давній союзникъ его, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка. Брюховецкій обвинилъ его въ измѣнѣ, выразившейся въ томъ, что Гвинтовка еще въ Москвѣ долго не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ, а потомъ открыто высказывалъ нежеланіе воевать противъ правобережныхъ козаковъ, говоря: «нигдѣ того не ведется, чтобъ свой своего воевалъ»[1]). Гвинтовка былъ посаженъ гетманомъ подъ стражу и не попалъ въ Сибирь только благодаря паденію самаго Брюховецкаго. Въ общемъ однако и Гвинтовка, и особенно Дворецкій были слишкомъ связаны матеріальными эгоистическими интересами съ гетманомъ и потому предпочитали обличать его за его спиной и льстить ему въ глаза.

Была еще одна группа населенія украинскаго, которой Брюховецкій зналъ цѣну. Испытавши собственнымъ опытомъ, что значитъ авторитетъ Запорожья для Украйны, Брюховецкій въ теченіи всего своего гетманства старается поддерживать дружелюбныя отношенія съ запорожцами, придумывая въ то-же время всевозможныя средства, чтобы обезопасить себя отъ нихъ. Съ этой цѣлью онъ, подъ видомъ защиты Запорожья, настоялъ не только на введеніи туда ратныхъ людей, но и на посылкѣ постояннаго воеводы въ Кодакъ. Запорожцы однако крайне враждебно встрѣтили эти мѣры. Они никогда не смотрѣли на себя, какъ на постоянныхъ подданныхъ того или другаго государства: они могли быть союзниками и чувствуя свою силу, пользовались ею, чтобъ отстоять свое независимое положеніе. Безъ всякаго опредѣленнаго плана, иногда даже наперекоръ дипломатическимъ соображеніямъ, Запорожье преслѣдовало одну цѣль: бороться съ тѣми, кто въ данный моментъ нарушалъ права и вольности украинскаго народа. Типичнымъ представителемъ Запорожья былъ Сѣрко, извѣстный своими походами на Крымъ, готовый воевать съ ляхами противъ татаръ, съ московскими войсками противъ ляховъ и обратно. Въ описываемое время, въ борьбѣ Польши съ Москвою Запорожье стояло на сторонѣ Москвы; но, требуя отплаты за свою службу въ видѣ присылки запасовъ пороха, бо-

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 162.

рошна, холстовъ, шапокъ, сапогъ для козаковъ, которые «сильно наги» и вина въ церкви Божіи, запорожцы не продавали своей воли и продолжали считать себя независимыми. На пребываніе царскихъ войскъ въ Запорожьи они смотрѣли съ недовольствомъ, узнавши-же о назначеніи воеводы въ Кодакъ, кошевой Ждапъ Рогъ написалъ Брюховецкому слѣдующій «листъ» отъ имени войска запорожскаго: «послышали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ, но ее тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честью пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска запорожскаго, войско-же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить, какъ тѣнь за солнцемъ: пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, а какъ мрачный облакъ найдетъ, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ, вельможность твоя, умѣй счастье почитать»[1]). Московское правительство уступило явно выраженному нежеланію запорожцевъ имѣть у себя воеводу и ратныхъ людей и Косаговъ вышелъ изъ Запорожья.

Брюховецкій видѣлъ признаки грозящей смуты. Онъ писалъ въ Москву о необходимости осторожно взимать поборы съ малороссійскихъ своевольныхъ и непостоянныхъ людей: «пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу, а вдругъ ожесточить опасно»; сообщалъ онъ также о шатости духовенства, запорожцевъ и наконецъ о томъ, что въ Переяславѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту». Смута эта вскорѣ и проявилась: въ іюлѣ 1666 г. переяславцы убили своего полковника Данила Ермоленка и хотѣли покончить съ воеводой, но онъ выжегъ большой городъ и, запершись въ маломъ, отстоялся. Виновники бунта, отправленные частью къ Шереметеву, частью

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россія», т. XI, стр. 194—195.

оставшіеся при Брюховецкомъ, были одновременно казнены въ Кіевѣ и въ Гадячѣ[1]). Повсюду начинался ропотъ на гетмана, старшинъ и воеводъ, составлялись «своевольныя сборища людей», а съ другаго берега Дорошенко слалъ свои «прелестные листы», обѣщавшіе что-то лучшее въ недалекомъ будущемъ. «Листы» эти не оставались безъ вліянія: число сторонниковъ Дорошенка увеличивалось. Онъ становился опасенъ: Шереметевъ издалъ универсалъ къ малорусскому народу о сохраненіи вѣрности царю. Съ другой стороны московское правительство, увлекаясь мыслью о возможности объединить съ помощью Дорошенка Украйну подъ своею рукою, вело сношенія съ правобережнымъ гетманомъ, что еще болѣе усложняло и безъ того запутанныя отношенія. Почва для возстанія въ лѣвобережной Украйнѣ была готова; недоставало только событія, которое объединило-бы разрозненные недовольные элементы однимъ общимъ чувствомъ и подняло-бы на ноги страну. Такимъ событіемъ явился андрусовскій договоръ.

Долго тянувшіеся переговоры между Польшей и Москвой привели къ тому, что въ январѣ 1667 г., въ селѣ Андрусовѣ, близъ Смоленска, было заключено перемиріе на 13 лѣтъ. Условія его относительно Малороссіи были таковы: лѣвобережная Украйна оставалась подъ властью Москвы, правобережная отходила къ Польшѣ, за исключеніемъ Кіева, который (съ окрестностями на милю въ окружности) Москва удерживала за собой на два года, а затѣмъ обязывалась уступить Польшѣ. Запорожье должно было находиться подъ рукою обоихъ монарховъ, помогать имъ во время войны и за то въ свою очередь пользоваться ихъ охраной[2]). Козацкихъ пословъ не было въ Андрусовѣ и только по заключеніи мира царь извѣстилъ Брюховецкаго о совершившемся фактѣ.

Вѣсть эта была тяжелымъ ударомъ для Украйны. Безъ согласія ея представителей она раздѣлена была на двѣ части, изъ которыхъ одна оставалась подъ ненавистнымъ господствомъ Польши, въ другой вводилось воеводское управленіе. Кіевъ, священный городъ

[1]) Лѣтопись говоритъ, что при этомъ козаки Дорошенка сожгли часть Переяслава, но въ отпискахъ, которыя находимъ въ актахъ, говорится, что это сдѣлано было самымъ воеводой.

[2]) Текстъ Андрусовскаго договора въ Лѣтописи Величка, т. II.

Украйны, отдавался полякамъ; Запорожье поставлено было въ какое-то неопредѣленное положеніе. Все населеніе—духовенство, козаки, мѣщане и посполитство—волновалось, какъ свидѣтельствуютъ отписки московскихъ властей и посланцевъ. Въ народѣ слухи принимали фантастическую окраску: говорилось, что Польша и Москва рѣшили истребить козаковъ и съ этой цѣлью идетъ въ Кіевъ Ордынъ-Нащокинъ съ войскомъ. Въ авторѣ андрусовскихъ статей видѣли истребителя козаковъ. На самомъ дѣлѣ Ордынъ-Нащокинъ долженъ былъ идти въ Малороссію, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ предполагавшемуся пріѣзду царя.

Движеніе началось съ Запорожья. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. По андрусовскому договору оба государства должны были извѣстить турецкаго султана и татарскаго хана о заключенномъ перемиріи и пригласить ихъ примкнуть къ мирному союзу. Съ этой цѣлью изъ Москвы, съ татарскими гонцами, былъ отправленъ къ хану стольникъ Ладыженскій, прибывшій въ маѣ 1667 г. въ Сѣчь. Взволнованные тревожными слухами запорожцы сначала было отпустили Ладыженскаго изъ Сѣчи, но потомъ настигли его и, отобравъ бывшія при немъ грамоты, убили его со всѣми спутниками. Вѣсть объ этомъ дошла быстро до царя и онъ писалъ Брюховецкому, чтобы былъ сдѣланъ строжайшій розыскъ. Но грамоты Брюховецкаго, посланныя на Запорожье по этому поводу, не привели ни къ какимъ результатамъ. Новый кошевой Остапъ Васютенко въ письмѣ своемъ указывалъ причины, вызвавшія раздраженіе запорожцевъ противъ царскаго посланца. Краснорѣчиво излагая всѣ обиды, которыя терпѣлъ народъ малороссійскій въ послѣднее время, запорожцы жаловались на пріязнь между королемъ, царемъ и ханомъ, которая должна повести за собой умаленіе вольностей украинскихъ, начало чему уже положено присылкой московскихъ ратныхъ людей и воеводъ въ Малороссію. «Не довелось было не токмо чинити, но и мыслити о томъ, чтобъ нашу отчину къ послѣднему разоренію привести, на которое уже-бы и самой злой звѣрь, есть-ли-бы имѣлъ таковъ разумъ, яко человѣкъ, смотря, моглъ возжалитися. Вѣмъ убо, не отъ чего иного, и столникъ безъ вѣдома нашего смерть принялъ, только оттого, что въ городѣхъ великіе обиды отъ нихъ люди терпятъ. Однако-жъ, все то оставя, жадаемъ: изволь, велможность твоя, по прежнему своему желателству,

въ любви съ нами жити и о всемъ томъ его царскому пресвѣтлому величеству извѣстно учинити, чтобъ изволилъ своимъ ратнымъ людемъ приказать, чтобъ въ городѣхъ перестали всякихъ вымысловъ чинить, толко-бъ по прежнему жили; а буде не перестанутъ, храни Боже, чтобъ болшой огонь не весталъ. Доколѣ живыхъ насъ станетъ, того будемъ остерегати, чтобъ наши права и волности не умалялись. А о томъ они напрасно головы свои трудятъ; вѣмъ-бо, какъ слѣпому въ примѣту убити не мочно, такъ даромъ о томъ и промышляютъ. Тако и монархи пусть на то усматриваютъ, что наше есть начинати, а Божіе совершати» [1]). Розыскать виновныхъ было невозможно, такъ какъ они, по словамъ запорожцевъ, скрылись изъ Сѣчи. Посланцамъ Брюховецкаго запорожцы говорили, что если царь ихъ не проститъ, то они передадутся Дорошенку. Брюховецкій писалъ царю о необходимости «явить милость» запорожцамъ. Дѣло было оставлено безъ послѣдствій [2]).

Но начавшаяся смута разросталась. Шереметевъ получалъ постоянно заявленія о шатостяхъ разнаго рода. Съ началомъ 1668 г. онъ буквально осаждаемъ былъ тревожными отписками воеводъ: изъ разныхъ городовъ воеводы сообщали о постоянныхъ столкновеніяхъ своихъ съ полковниками и войсковой администраціей, о томъ, что мѣщане, гдѣ по доброй волѣ, а гдѣ по наущенію козаковъ, отказываются платить подати, исполнять повинности и «пишутся въ козаки». Прилуцкій воевода писалъ, что мѣщане и поселяне «чинятца непослушны и по переписнымъ и окладнымъ книгамъ въ твою великого государя казну денежныхъ и хлѣбныхъ и всякихъ доходовъ, по наученью асаула Ивана Маценка, не плотятъ и впредь платить не хотятъ»; когда-же воевода послалъ солдатъ въ уѣздъ для сбора доходовъ въ казну, то «уѣздные люди хотѣли тѣхъ посылныхъ его салдатъ убить». Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ—Красномъ и Серебряномъ городѣ—всѣ мѣщане и сельскіе люди уѣздные пошли въ козаки и поборовъ брать было не съ кого. Подобныя-же вѣсти сообщали воеводы изъ Батурина, Миргорода, Переяслава, Сосницы, Нѣжина, Глухова, Новгородка-Сѣверскаго и др. [3]). На заявленія

---

[1]) Акты южной и западной Россія, т. VI, стр. 204.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI, стр. 206.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 12—28.

воеводъ, чтобъ полковники не принимали мѣщанъ и селянъ въ козаки, полковники отвѣчали, что время военное и имъ люди надобны. Миргородскій воевода сообщалъ, между прочимъ, о томъ, что прибылъ изъ Сѣчи отрядъ запорожцевъ съ полковникомъ Сохой и смущаетъ жителей.

Миргородскій-же воевода писалъ, что «запорожскіе козаки откупщиковъ били и ранды и погреба разорили и пограбили и теперь тѣ ранды, которыя были отданы на откупъ, стоятъ пусты... мѣщанину Осташкѣ, который держитъ ранду, отрѣзали бороду по самое мясо». Тотъ-же воевода узналъ отъ вдовы-мѣщанки, что миргородскіе козаки намѣрены побить московскихъ ратныхъ людей съ воеводою. Въ Глуховѣ войтъ Захарій Сидоровъ ходилъ съ толпой вооруженныхъ мѣщанъ и поселянъ ночью по большому городу; они-же высылали изъ уѣзда въ городъ козаковъ и крестьянъ. Великорусскіе крестьяне, ѣхавшіе съ товарами въ Кіевъ, возбуждали подозрѣніе: одинъ изъ такихъ крестьянъ Пронка Калина, четыре товарища котораго были убиты по дорогѣ, говорилъ глуховскому воеводѣ, что въ каждомъ селѣ встрѣчали его такъ: ставили нагаго, стояли надъ шеею съ топоромъ и обыскивали писемъ, говоря: будетъ у тебя писемъ нѣтъ, и ты живъ будешь, а будетъ есть, и мы тебѣ голову отсѣчемъ. За мѣстечкомъ-же Кролевцомъ, крестьянинъ, у котораго онъ остановился, говорилъ ему, что «запорожскіе козаки и всѣ малороссіяне одноконечно хотятъ въ малороссійскихъ городахъ воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей вырубить, для того во всѣ города запорожскіе козаки и пришли» [1]). Дѣйствительно, запорожскіе и другіе козацкіе отряды, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, стягивались къ городамъ. Полковникъ нѣжинскій Артемъ Мартыновъ на жалобы воеводы о томъ, что мѣщане и поселяне пишутся въ козаки, отвѣчалъ, что время военное и «люди въ полку надобны»; прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прямо заявлялъ, что гетманъ приказалъ писать въ козаки всѣхъ, кто захочетъ. Каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ по указу гетмана отправилъ изъ Канева козаковъ стародубскаго полка съ пушками въ Стародубъ, а полковника ихъ послалъ къ гетману; переяславскій полковникъ Дмитрашко-Райча укрѣплялъ Золотоношу и другіе го-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VIII, стр. 28.

родки. Вообще полковники видимо готовились къ военнымъ дѣйствіямъ: стягивали войска, свозили и устанавливали въ городахъ пушки, отнимая ихъ часто у ратныхъ людей [1]).

Предчувствуя недоброе, воеводы усиленно просили Шереметева о присылкѣ «ручнаго зелья, фитилю, ядеръ и пушкарей». Поведеніе гетмана становилось подозрительнымъ. На обращенныя къ нему жалобы и запросы Шереметева и воеводъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на опасность, грозившую со стороны Дорошенка и его союзниковъ татаръ. На самомъ дѣлѣ эта усиленная военная дѣятельность была вызвана тѣмъ, что бояринъ и гетманъ измѣнилъ Москвѣ. Брюховецкій не могъ не чувствовать, что постепенно терялъ подъ ногами почву, особенно послѣ андрусовскаго договора. Неприязнь къ нему населенія, возраставшая популярность Дорошенка и наконецъ сношенія, которыя вела Москва съ правобережнымъ гетманомъ—все это заставляло Брюховецкаго серьезно опасаться за свою участь. Въ этотъ критическій моментъ ему оставалось прибѣгнуть къ единственному средству, правда рискованному: стать во главѣ того недовольства, которое обнаружилось въ Украйнѣ, обратиться за поддержкой къ Запорожью и Дорошенку, изгнать ненавистныхъ населенію московскихъ воеводъ и, возвративъ себѣ утраченное расположеніе народа, стать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Надежда на такой исходъ поддерживалась въ Брюховецкомъ письмами Дорошенка и Тукальскаго: оба убѣждали его дѣйствовать за-одно съ ними для блага родины, а Дорошенко обѣщалъ, что охотно признаетъ Брюховецкаго гетманомъ объединенной Украйны, такъ какъ самъ не дорожитъ этимъ званіемъ [2]).

Для осуществленія своихъ новыхъ плановъ Брюховецкому нужно было заручиться союзниками: войдя съ сношенія съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ старому пріятелю своему епископу Меѳодію и къ козацкой старшинѣ. Гетманъ поспѣшилъ примириться и съ Иннокентіемъ Гизелемъ, съ которымъ былъ не въ ладахъ за то, что козаки разоряли владѣнія кіево-печерской лавры, а Гизель обвинялъ въ этомъ гетмана и пересталъ за него молиться. Теперь Брюховецкій просилъ Гизеля быть посредникомъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 12—28.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VI.

въ примиреніи гетмана съ епископомъ Меѳодіемъ [1]). Но Меѳодій шелъ самъ на встрѣчу этому примиренію. Возвратясь изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ на судъ надъ Никономъ, Меѳодій былъ недоволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ столицѣ. Надежда получить митрополичью каѳедру изъ рукъ московскаго патріарха исчезала, вдали виднѣлся силуэтъ Тукальскаго, настроеніе Меѳодія совпало съ планами гетмана и враги-друзья соединились еще разъ. Союзъ былъ скрѣпленъ родствомъ: епископъ выдалъ свою дочь за племянника гетмана. Меѳодій придалъ энергіи Брюховецкому; насколько значительна была роль епископа во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, видно изъ тѣхъ показаній, какія давали впослѣдствіи въ Москвѣ оговоренный имъ Гизель и другіе. Всѣ показанія сводились къ тому, что смута въ Украйнѣ началась съ тѣхъ поръ, какъ епископъ Меѳодій возвратился изъ Москвы и помирился съ гетманомъ [2]).

Для того чтобы посвятить полковниковъ въ свои планы, Брюховецкій воспользовался съѣздомъ ихъ въ Гадячѣ въ день новаго (1668) года. Здѣсь у гетмана состоялась рада, на которой присутствовали: нѣжинскій полковникъ Артемъ Мартыновъ, черниговскій Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ), полтавскій Костя Кублицкій, переяславскій Дмитрашко-Райча, миргородскій Грицко Постоленко, прилуцкій Лазарь Горленко, кіевскій Василій Дворецкій, судьи Петръ Забѣла и Павелъ Животовскій, писарь войсковой Федько Михайловъ и другіе [3]). На радѣ этой Брюховецкій говорилъ, что подписалъ московскія статьи по принужденію, что Москвѣ вѣрить не слѣдуетъ, такъ какъ между нею и Польшей заключенъ уговоръ истребить все козачество, опустошить Украйну, а старшину козацкую позабирать въ плѣнъ, что съ этой цѣлью у обоихъ государей завелись сношенія съ Крымомъ. Единственное средство спасенія, по мнѣнію Брюховецкаго, было: соединиться съ Дорошенкомъ и совмѣстно отдать Украйну въ подданство Турціи. Присутствовавшіе на радѣ не вѣрили словамъ боярина-гетмана, думая, что это новая ловушка для испытанія ихъ вѣрности. Видя это, гетманъ поцѣловалъ крестъ и тогда полковники присягнули ему на вѣрность. Рѣшено было

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, стр. 69—70.
[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 70—75.
[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 89.

отдаться въ подданство Турціи и съ этой цѣлью гетманъ отправилъ лубенскаго полковника Григорія Гамалію къ султану турецкому, а писаря Степана Гречанаго къ крымскому хану. Остальные-же участники рады должны были, возвратясь по домамъ, всѣми мѣрами поддерживать недовольство народа и подготовлять изгнаніе воеводъ [1]).

Мы видѣли, что населеніе охотно откликнулось на призывъ, какъ только среди него прошла вѣсть, что гетманъ и старшины идутъ противъ воеводъ и ратныхъ людей; если-же гдѣ-нибудь народъ, извѣрившись въ возможность лучшаго житья, оставался равнодушнымъ, тамъ пускались въ ходъ крутыя мѣры. Между тѣмъ Брюховецкій и Меѳодій отправили своего посла на раду къ Дорошенку въ Чигиринъ. На этой радѣ, въ январѣ 1668 г., Дорошенко сначала выразилъ упрекъ Брюховецкому за то, что онъ «козаковъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣку не бывало». «Брюховецкій человѣченко худой и неспородный козакъ, говорилъ Дорошенко, для чего такое бремя великое на себя взялъ и честь, чего онъ недостоинъ, принялъ». Послы лѣвобережные оправдывали Брюховецкаго тѣмъ, что онъ былъ взятъ къ Москвѣ со всею старшиною и дѣйствовалъ тамъ не по своей волѣ. Послѣ того на радѣ рѣшено было жителямъ обѣихъ сторонъ Днѣпра быть въ соединеніи и жить самостоятельно (особно), платя только дань турецкому султану, какъ это дѣлаетъ волошскій господарь; рѣшено было также побить воеводъ и московскихъ ратныхъ людей въ украинскихъ городахъ. Запорожцы прислали своихъ пословъ, которые присягнули отъ имени войска запорожскаго быть подъ властью Дорошенка [2]). Дѣйствія Брюховецкаго и Меѳодія требовали до поры до времени крайней осторожности и епископъ Меѳодій писалъ гетману тайно: «для Бога не оплошайся, милость твоя. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешку, но о цѣлой кожѣ нашей. Чаять, тотъ чесной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ, купно-жъ и насъ съ вами, взявъ за шею, ляхамъ выдать, не на томъ-ли и присягали себѣ? яко-жъ и много знаковъ такихъ, что

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 89—90; Костомаровъ, «Руина».

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 30—31.

объ насъ торгуютца; лутче-бы насъ не манили, нежели такъ съ нами нынѣ лестно поступати». Затѣмъ слѣдуютъ совѣты гетману уловлять запорожцевъ, послать Василія Дворецкаго къ Нащокину для развѣдки настоящихъ намѣреній Москвы и ни въ какомъ случаѣ не ѣздить самому къ Нащокину, такъ какъ можетъ случиться тоже, что было съ Барабашемъ, котораго Москва выдала ляхамъ въ подарокъ [1]). Но долго скрываться было нельзя: нѣжинскій воевода, извѣщенный протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ о томъ, что произошло на радѣ у гетмана, писалъ Шереметеву о грозящей опасности; бѣжавшій съ праваго берега шляхтичъ Янъ Сѣножацкій разсказалъ Шереметеву-же о чигиринской радѣ. Шереметевъ писалъ въ Москву, но тамъ не повѣрили измѣнѣ Брюховецкаго и считали волненія въ Украйнѣ результатомъ дурно перетолкованныхъ условій андрусовскаго договора; узнавши-же, что была и другая причина волненій—недовольство на воеводъ, царь прислалъ Брюховецкому грамоту, въ которой, укоряя гетмана за допущенные безпорядки, предписывалъ ему разъяснять малороссійскимъ людямъ настоящее значеніе андрусовскихъ статей и соглашался на устраненіе воеводъ отъ сборовъ и предоставленіе права взимать налоги полковникамъ, войтамъ и бурмистрамъ [2]). Грамота царская была помѣчена 6-мъ февраля, а 8-го числа того-же мѣсяца началось изгнаніе воеводъ изъ украинскихъ городовъ. Въ этотъ день гадячскій воевода Евсевій Огаревъ, смущенный тревожными слухами, явился съ товарищами къ гетману и послѣ долгихъ стараній добился наконецъ свиданія съ нимъ. Брюховецкій прямо предложилъ ему удалиться изъ города, грозя въ противномъ случаѣ избіеніемъ всѣхъ ратныхъ людей. Огаревъ согласился, но козаки не дали ему вывести ратныхъ людей изъ города: у воротъ городскихъ произошла свалка, во время которой самъ Огаревъ былъ раненъ; его отнесли къ гадячскому протопопу. Жена воеводы была изувѣчена и потомъ помѣщена въ богадѣльню [3]). Около того-же времени начались бунты и въ другихъ городахъ: вездѣ изгоняли воеводъ и ратныхъ людей.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 63—64.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 30—33.

[3]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 46—47, т. VIII, стр. 55—56.

Воеводы прилуцкій, сосницкій, батуринскій и глуховскій сдались и были отвезены въ Гадячъ, а оттуда въ лубенскій мгарскій монастырь; послѣ нѣкотораго сопротивленія сдались и воеводы миргородскій и лубенскій; стародубскій былъ убитъ. Полтавскаго воеводу жители мирно вывели изъ города; въ Переяславѣ и Острѣ борьба тянулась, не склоняясь рѣшительно ни на одну сторону. Отбились только воеводы черниговскій и нѣжинскій, первый благодаря своей личной храбрости, второй благодаря тому, что былъ заранѣе предупрежденъ Адамовичемъ. Узнавши о происходившемъ, московское правительство пришло въ ужасъ: отъ царя немедленно были посланы грамоты Меѳодію, Гизелю и Лазарю Барановичу, выражавшія одобреніе ихъ вѣрности и убѣждавшія ихъ успокаивать населеніе [1]). Брюховецкій разослалъ повсюду универсалы, призывавшіе народъ къ возстанію противъ Москвы и разъяснявшіе поступки гетмана. Во всѣхъ универсалахъ говорилось, что Москва и Польша заключили союзъ, чтобъ совмѣстными силами разорить Украйну, выгубить всѣхъ жителей ея, а потому жители обоихъ береговъ Днѣпра, соединившись съ войскомъ запорожскимъ, должны отстоять свою родину. Съ этой цѣлью нужно было прежде всего избавиться отъ воеводъ; это гетманъ и хотѣлъ сдѣлать безъ пролитія крови и «рицерскимъ обычаемъ» вывести ихъ изъ городовъ; но они не захотѣли уйти мирно и за то поплатились [2]). Тоже самое писалъ Брюховецкій черниговскому воеводѣ Андрею Толстому, убѣждая его выйти изъ города. Гетманъ укорялъ и протопопа Адамовича за то, что онъ, предупредивъ нѣжинскаго воеводу, далъ ему время укрѣпиться и тѣмъ вызвалъ кровопролитіе. Это упоминаніе о «рицерскомъ обычаѣ», въ виду расправы съ гадячскимъ воеводой, очень характерно для Брюховецкаго. Въ это трудное время Брюховецкій обнаружилъ еще разъ свое умѣнье пользоваться обстоятельствами: слыша о волне-

---

[1]) Въ это время въ Москвѣ не знали, что Меѳодій одинъ изъ участниковъ начавшагося движенія, такъ какъ онъ велъ себя очень ловко: зная, что все готово къ бунту, онъ сказалъ нѣжинскому воеводѣ объ измѣнѣ Брюховецкаго, тѣмъ больше, что тотъ уже былъ предупрежденъ Адамовичемъ; самъ-же Меѳодій уѣхалъ изъ Нѣжина и сидѣлъ запершись у себя до времени, пока не былъ отправленъ къ Дорошенку, а оттуда въ Москву. Уличенный показаніями другихъ и собственнымъ письмомъ къ Брюховецкому, епископъ былъ заключенъ въ новоспасскій монастырь.

[2]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 39—42.

ніяхъ на Дону, Брюховецкій послалъ краснорѣчивое посланіе къ донскимъ козакамъ. Посланіе это ярко характеризуетъ пріемы, которые употреблялъ Брюховецкій при вербовкѣ союзниковъ. Онъ писалъ донцамъ, что «Москва, побратавшись съ ляхами, постановили: чтобъ православныхъ христіанъ, на Украйнѣ живущихъ, всякого возраста и малыхъ отрочатъ мечемъ выгубить и искоренить, въ слободахъ обрѣтающихся людей, таковыхъ-же православныхъ, захвативъ, аки скотъ въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорити и въ конецъ потребить, чтобъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славные войска православные на Запорожьѣ и на Дону обрѣтаются, отъ кроваваго труда хлѣба употребляютъ, тамо въ дикія поля звѣриныя жилища обратити хотятъ». Всему виною московскіе бояре, которые хотятъ стать всѣ сенаторами, по образцу польскому. Съ этой цѣлью они и покатоличиться хотятъ, своего патріарха, Никона, свергли, а сами унію приняли и самая Москва уже не русскимъ, но латинскимъ письмомъ писать начала. «Опасаю, сколь скоро братію мою смирятъ, то тотчасъ въ началѣ Украйну, потомъ о искорененіи Дону и Запорожья промышляти будутъ, чего имъ, Боже, не допомози»! Брюховецкій совѣтовалъ донцамъ не прельщаться обманчивымъ московскимъ жалованьемъ, а порадѣть «о златой вольности» и призывалъ ихъ «съ господиномъ Стенкою» къ союзу и братской любви съ украинскимъ козачествомъ [1]).

Брюховецкій не забылъ ничего, что могло задѣть заживо донскихъ козаковъ: грозящая Дону опасность, гибель златой вольности и православной вѣры и наконецъ козни ненавистныхъ сторонникамъ Разина бояръ—все было упомянуто въ этомъ замѣчательномъ посланіи. Однако, не смотря на всю находчивость гетмана, положеніе его съ каждымъ днемъ становилось хуже. Движеніе народное, начавшееся съ вѣдома Брюховецкаго, обратилось противъ него. Изгоняя воеводъ, нельзя было забыть того, кто былъ виновникомъ введенія ихъ въ Малороссію, а оправданіямъ Брюховецкаго вѣрили немногіе. Населеніе все больше склонялось къ Дорошенку. Московскій посланецъ Василій Тяпкинъ, сообщая Ордынъ-Нащокину о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, въ январѣ 1668 г. пишетъ, что многіе начальные люди смущаются андрусовскимъ миромъ и призываютъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 60—62.

Дорошенка и что *«мѣщане и козаки, паче-же черные народы по обѣ стороны*, зѣло любятъ и почитаютъ митрополита (Тукальскаго) и Дорошенка» [1]). На сторонѣ Брюховецкаго были пока полковники, по словамъ того-же Тяпкина, не склонявшіеся къ Дорошенку изъ боязни «лишиться чести своей», да отряды запорожцевъ, бывшихъ при гетманѣ. Вѣроятно именно эти отряды и дали поводъ лѣтописцамъ говорить о симпатіяхъ запорожцевъ къ гетману, высказавшихся въ послѣдніе дни его гетманства. Мы знаемъ, что писали Брюховецкому кошевые Жданъ Рогъ и Васютенко, что запорожцы на чигиринской радѣ присягали Дорошенку, къ которому они впрочемъ относились очень осторожно, особенно въ первое время [2]); все это даетъ право сказать, что по крайней мѣрѣ Запорожье сильно двоилось между Брюховецкимъ и Дорошенкомъ, не склоняясь рѣшительно ни на чью сторону. Если запорожцы откликнулись на призывъ Брюховецкаго изгонять воеводъ, то здѣсь они дѣйствовали во имя своего неизмѣннаго стремленія защищать вольности Украйны отъ всякихъ притѣснителей. Тѣ-же отряды запорожцевъ, которые съ 1663 г. оставались на Украйнѣ, какъ, напримѣръ, отрядъ Чугуя, бывшій при Брюховецкомъ съ начала и до конца гетманства, могли быть и его личными сторонниками. Въ 1668-мъ году сношенія лѣвобережной Украйны съ Дорошенкомъ усилились; Брюховецкаго-же собственные козаки держали въ Гадячѣ подъ надзоромъ. Московское правительство принимало рѣшительныя мѣры и Ромодановскій получилъ приказъ двинуться съ войсками въ Украйну. Весенняя непогода задержала Ромодановскаго и только въ маѣ онъ могъ начать военныя дѣйствія осадой пограничнаго городка Котелвы. Видя, что дѣло Брюховецкаго проиграно, многіе изъ старшинъ рѣшили заблаговременно отступиться отъ гетмана; во главѣ этого плана сталъ Демьянъ Многогрѣшный. Они послали къ Дорошенку приглашеніе принять званіе гетмана лѣвобережной Украйны. Дорошенко и Тукальскій отправили Брюховецкому письмо съ требованіемъ сдать гетманство; но Брюховецкій, обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, заковалъ посланцевъ Дорошенка и двинулся на перерѣзъ правобережному гетману, который

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. VII, стр. 245.

[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 98.

шелъ противъ Ромодановскаго. Съ Брюховецкимъ были татары, прибывшіе къ нему подъ начальствомъ мурзы Челибея для принятія отъ гетмана присяги на вѣрность Турціи. Присяга эта была дана, Челибей богато одаренъ и теперь Брюховецкій разсчитывалъ на поддержку новыхъ союзниковъ.

7-го іюня 1668 г. на сербинскомъ полѣ, близъ Диканьки, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то происходила битва Выговскаго съ Пушкаремъ, встрѣтились Дорошенко и Брюховецкій [1]). Козаки Брюховецкаго привѣтствовали Дорошенка и кричали: «мы за гетманство Брюховецкаго биться не станемъ». Дорошенко взошелъ на сербинскую могилу и послалъ за Брюховецкимъ. Сотникъ Дрозденко засталъ гетмана сидящимъ въ креслѣ въ своемъ шатрѣ. Брюховецкій не хотѣлъ идти, но толпа лѣвобережныхъ козаковъ ворвалась въ шатеръ и потащила гетмана съ криками и бранью. Дорошенко спросилъ Брюховецкаго, почему онъ не хотѣлъ отказаться отъ гетманства. Брюховецкій молчалъ. Дорошенко велѣлъ приковать его къ пушкѣ и при этомъ сдѣлалъ знакъ рукой. Толпа поняла этотъ знакъ, какъ смертный приговоръ и бросившись на Брюховецкаго, стала бить его, чѣмъ попало. Старанія запорожца Чугуя, давняго друга гетмана, отбить Брюховецкаго изъ рукъ толпы были напрасны. Брюховецкій былъ убитъ, тѣло его отвезли въ Гадячь; здѣсь самые близкіе люди съ трудомъ могли узнать бывшаго гетмана въ этомъ синемъ, страшно изуродованномъ трупѣ [2]). Дорошенко извинялся предъ Чугуемъ и запорожцами, говоря, что онъ не велѣлъ убивать Брюховецкаго, но дѣло это темное. Самому Дорошенку грозила опасность отъ расходившейся толпы и онъ даже выѣхалъ на ночь изъ лагеря. Тѣло Брюховецкаго было похоронено, по желанію Дорошенка, съ гетманскими почестями въ соборной церкви г. Гадяча и надъ гробомъ сдѣлана была такая эпитафія [3]):

Не маш въ свѣтѣ статку,
Знай зъ мого припадку:
Бывалемъ гетманомъ,

---

[1]) Лѣтопись Величка опредѣляетъ это мѣсто точно: «на сербинскомъ полю, противъ рога Остранинова, еже есть Изученковъ байракъ, подъ Диканькою», т. II, р. IX, стр. 162.

[2]) Костомаровъ, «Руина, стр. 214—215.

[3]) Лѣтопись Величка, т. II, р. IX, стр. 164.

Звано мене паномъ—
Едина година,
А и въ той отмѣна,
Окрутнемъ забитый.
Обавляйся и ты,
Никто ся зъ насъ смерти
Не можетъ отперты;
Царская корона
Не есть оборона!
Гетманская булава
У смерти не слава!
Хорогви звиаетъ,
Бунчуки складаетъ,
Якъ шаблѣ, такъ мечи
Равно мусятъ лечи;
Ломятся и луки,
Опадаютъ руки,
Никто не отстоитъ,
Смерть, що хочетъ, броитъ;
Убогій, богатый
Смерти даютъ шати.
Я, только убраній,
Былъ смертью скараній;
Чи за мои злости,
Обнажени кости?
За всѣхъ обнаженній
Христе! ахъ вспомненій
Нехай буду въ раю.
Отъ земного краю
Прошу всѣхъ посполу,
Въ земномъ лежа долу,
Не стався сурово,
Тое дай ми слово:
«Вѣчна ему буди
Память отъ всѣхъ людій!»
Иванъ въ семъ зложенъ Брюховецкій гробѣ—
Спомни то собѣ,

Що мой гробъ минаешь:
Я тя здѣ, не ти мене дочекаешъ;
Рѣчешъ-ли добре що тутъ надо мною,
Отдастъ Богъ—взаемъ рекутъ надъ тобою.
Сорокъ и пять лѣтъ вѣку мого было,—
До вѣчности ся прилучило!
«Вѣчна память!»—церковную ноту—
Рекни надъ гробомъ: Богъ заплатитъ цноту!
Тисяча шестьсотъ шестьдесятъ осмого
Седмого іюня зшолемъ зъ свѣта того.
У понедѣлокъ, день ангеламъ данній,
Немилостиве есмь замордованій!

Лѣтописи малорусскія, говоря о «тиранскомъ забитіи» Брюховецкаго, ни единымъ словомъ не выражаютъ сожалѣнія объ этомъ гетманѣ. Даже скромная «Хронологія высокославныхъ ясневелможныхъ гетмановъ» кратко говоритъ о Брюховецкомъ: «забитъ правильно» [1]). Московскій царь въ грамотѣ своей къ малорусскому народу «о прощеніи винъ за нарушеніе присяги и единомысліе съ измѣнникомъ Ивашкой Бруховецкимъ» такъ отзывается о вѣрномъ когда-то бояринѣ и гетманѣ: «гдѣ нынѣ мерзкій онъ врагъ Брюховецкій? неподобному и неистовому псу равенъ и со многими послѣдовавшими ему гнѣвомъ праведнаго суда Божія погибль есть и хотѣвый многими владѣти и славенъ быти, яко свинья, отъ свинскихъ Агарянскихъ рукъ закланъ бысть» [2]). Народныя думы не поминаютъ имени Брюховецкаго.

Таковъ былъ конецъ этого недостойнаго гетманства, ознаменовавшагося въ жизни Украйны двумя крупными событіями: Андрусовскимъ договоромъ, уничтожившимъ политическое единство Малороссіи, и Московскими статьями, которыя впервые существенно нарушали автономію страны. Отъ этихъ потрясеній Малороссія не могла уже оправиться. Къ тому-же избраніе гетманомъ Брюховецкаго навсегда подорвало въ глазахъ народа авторитетъ Запорожья, которое являлось представителемъ народныхъ интересовъ и голосъ ко-

[1]) «Южно-русская лѣтопись», изд. Бѣлозерскаго, стр. 118.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, стр. 750.

тораго до той поры имѣлъ рѣшающее значеніе въ судьбахъ Малороссіи.

Въ непривлекательномъ свѣтѣ выступаютъ Брюховецкій, епископъ Меѳодій и др., но взваливать всѣ бѣды на ихъ нравственную несостоятельность нельзя. Брюховецкіе и Меѳодіи бываютъ во всѣ времена и во всякомъ обществѣ, отъ условій времени зависитъ, всплывутъ-ли они на поверхность, выдвинутся-ли въ роли общественныхъ дѣятелей. Брюховецкій могъ стать во главѣ цѣлаго народа, только благодаря обстановкѣ, среди которой ему пришлось дѣйствовать. Малороссія слишкомъ недолго жила самостоятельной жизнью: въ ней не успѣли сложиться и оформиться такія общественныя группы, которыя могли бы дать ей устойчивость. Народъ, выдержавшій отчаянную борьбу за освобожденіе, оказался недостаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы создать прочныя формы общественно-политическаго быта, которыя могли-бы противостать сложившемуся и крѣпкому строю сосѣднихъ государствъ. Въ 1663 г. онъ выбралъ себѣ гетмана, въ которомъ видѣлъ представителя и защитника своихъ интересовъ, и этотъ гетманъ обманулъ его. Выдѣлившіеся изъ среды козачества сословные элементы не успѣли сплотиться въ группу вполнѣ опредѣленную, которая съумѣла-бы уравновѣсить личныя стремленія съ общественными интересами родины и сознательно идти къ достиженію цѣли; а потому въ ихъ средѣ не было солидарности и силы.

Недостатокъ внутренняго единства, отсутствіе ясно сознанныхъ принциповъ не могутъ быть замѣнены никакимъ самоотверженіемъ и героизмомъ въ той борьбѣ, какую ведетъ народъ за право жить.

С. Е.

МАЛОРОССІЯ НА ПЕРЕДВИЖНЫХЪ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ КАРТИНЪ.

Въ послѣднія два десятилѣтія русская живопись подверглась коренной реформѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ заявленныхъ въ шестидесятыхъ годахъ въ литературѣ и публицистикѣ требованій жизненной правды, реализма. Отъ академической высоконарности, надутости и шаблонности, отъ ложно-классическихъ замашекъ въ выборѣ и исполненіи сюжета, отъ рабскаго подчиненія западно-европейскимъ авторитетамъ, она перешла къ свободѣ въ выборахъ сюжетовъ, къ безъискуственности въ ихъ обработкѣ, къ бытовой простотѣ. Мѣсто наядъ, нимфъ, одалисокъ, щекотавшихъ своей обольстительной наготой притупленное излишествами барское сластолюбіе, заняли бурлаки, крючники, раскольники-самосожигатели, сестры милосердія, мелкіе чиновники, крестьяне-хлѣборобы. По истинѣ отрадное впечатлѣніе производитъ новая руская живопись, по разнообразію предметовъ, ею затронутыхъ, по бытовой правдивости, по серіозности обнаруженныхъ ею художественно-общественныхъ стремленій, въ особенности потому, что въ основаніи многихъ произведеній новой живописи лежитъ широкое чувство человѣколюбія. Какъ и слѣдовало ожидать, интеллигентное общество полюбило новую живопись. Передвижныя выставки картинъ стали привлекать тысячи посѣтителей. Многія картины проданы за тысячи рублей. Съ каждымъ годомъ въ обществѣ усиливается интересъ къ передвижнымъ выставкамъ картинъ. Возникаетъ прямая потребность время отъ времени воз-

нестись отъ заѣдающихъ меркантильныхъ разсчетовъ и мелкой житейской суеты въ осмысленную, продуманную и прочувствованную художникомъ дѣйствительность идеальную. Ставъ на почву бытоваго реализма, текущей общественной и народной жизни, искусство сразу выросло и во многомъ выиграло. Для него открылись новые горизонты, открылось новое обширное поле для благотворной дѣятельности. Сфера вліянія художника значительно расширилась, и художникъ занялъ почетное мѣсто провозвѣстника гуманизма, глашатая правды и истины, не тенденціозной публицистической правды, а художественной правды эстетическаго реализма.

Новая русская живопись до нѣкоторой степени уже ознакомила интеллигентное общество съ русскимъ сѣверомъ, съ средней Россіей, съ Крымомъ, Кавказомъ и Туркестанскимъ краемъ. По картинамъ Шишкина, Мещерскаго, Клевера можно составить ясное представленіе о русскомъ, преимущественно сѣверно-русскомъ лѣсѣ. По картинамъ Ярошенка и Н. Маковскаго можно воспроизвести въ памяти угрюмую Каму, и внутренній видъ московскаго Благовѣщенскаго собора, и Кремль, и Дорогомиловскій мостъ, и Нижній Новгородъ. Можно отмѣтить рядъ картинъ, неизгладимыми чертами запечатлѣвшихъ въ памяти зрителя многія стороны великорусскаго быта. Таковы: «Колдунъ на свадьбѣ» Максимова, «Семейный раздѣлъ въ крестьянскомъ быту» его-же, «Встрѣча иконы» Савицкаго, «Крестный ходъ» Рѣпина, «Засуха» Мясоѣдова. Новая живопись идетъ въ глубь не только простонародной, но и общественной жизни. Достаточно при этомъ вспомнить картины В. Маковскаго «Оправданная», «У мироваго», «Крахъ банка», «Не ждали!» Рѣпина, «Студентъ» Ярошенка. Мало того, новая живопись идетъ и въ ширь, вноситъ въ сокровищницу искусства картины съ сюжетами изъ иноземнаго быта и иноземной природы. Таковы картины Боголюбова, Бегрова, Бронникова, Брюлова, Верещагина, представляющія намъ Францію (Бретань или Нормандію), Италію, Алжиръ и Индію.

Страннымъ представляется, однако, то обстоятельство, что въ этомъ свѣтломъ царствѣ искусства Малороссія занимаетъ слишкомъ скромное мѣсто,—тѣмъ болѣе страннымъ, что въ малорусской природѣ и народномъ бытѣ кроется множество художественныхъ элементовъ.

Малорусская природа оригинальна и разнообразна. Вся средняя и восточная Малороссія въ своихъ краевыхъ очертаніяхъ отличается симметричностью. Въ Кіевщинѣ, Полтавщинѣ и Харьковщинѣ есть все, чѣмъ только красенъ Божій міръ: тѣнистые лѣса и рощи, зеленые бархатные луга, тихоструйныя, капризно извивающіяся рѣченки, золотистые пески, каемкой обрамляющіе рѣки. Ничто здѣсь не подавляетъ мысли, ничто не поражаетъ воображенія. Пригорокъ, рѣка, лѣсъ, лугъ— все это въ отдѣльности незначительно, но въ совокупности они представляютъ превосходный пейзажъ. Разумѣется, нужно обладать недюжиннымъ талантомъ, чтобы совладать со всѣми мелкими чертами природной красоты. Съумѣлъ-же графъ А. К. Толстой изъ мелкихъ чертъ черниговской малорусской природы создать прекрасный поэтическій образъ Украйны въ стихотвореніи: «Кто знаетъ край». Южная часть Малороссіи, точнѣе сказать, Новороссія, или мѣста бывшаго запорожскаго козачества, могутъ плѣнить художника своей необъятной ширью, своимъ степнымъ просторомъ. Много художественнаго матеріала даютъ и западныя окраины Молороссіи,—сумрачная, лѣсистая Волынь, гористая Подолія. Одинъ Днѣпръ представляетъ цѣлый міръ для художественнаго вдохновенія и творчества, міръ въ высокой степени своеобразный, оригинальный. Величественное впечатлѣніе производитъ эта царственная рѣка Малороссіи своей шириной, многоводностью, гористыми берегами, каменистыми порогами, плавнями, связанными съ ней историческими воспоминаніями и преданіями. Днѣпръ нашелъ мѣсто въ народной поэзіи. Въ «Кобзарѣ» Шевченка Днѣпру посвящено много превосходныхъ стиховъ. «Здается, кращого немае ничого въ Бога, якъ Днипро», писалъ Шевченко, и далѣе указывалъ, что Днѣпръ крутоберегій, широкій, какъ море, широкій и дужій, что онъ «гомонитъ» съ порогами, или «геть-геть соби роскинувсь, сіяе та горыть». Краткія поэтическія характеристики Днѣпра встрѣчаются также въ сочиненіяхъ Гоголя и въ стихотвореніяхъ Я. П. Щоголева.

Художественные элементы малорусскаго народнаго быта разнообразны и обильны. Для пейзажиста не малый интересъ представляетъ, напримѣръ, бѣлая малорусская хата, такъ ярко выдѣляющаяся на лугу, подъ лѣсомъ или надъ рѣкой, малорусское село съ дворами, представляющими нѣчто самостоятельное, со всѣхъ сторонъ огороженное, живописно-оттѣненное серебристымъ тополемъ, рябиной

или вербой. Какъ ни живописна, положимъ, крымская природа, къ ней ничего нельзя прибавить изъ быта крымскихъ татаръ, такъ какъ ихъ сакли безцвѣтны и безформенны, мало отдѣляются по цвѣту отъ пріютившихъ ихъ горныхъ скалъ и ущелій. Для жанриста много любопытнаго представляютъ малорусскія народныя ярмарки, храмовые праздники, семейныя торжества и гулянья, самый костюмъ малороссовъ, особенно малороссіянокъ, сохранившихъ въ глубинѣ Малороссіи, вдали отъ фабрикъ и заводовъ, много цвѣтнаго и оригинальнаго въ одеждѣ и украшеніяхъ.

Живописцы, избирающіе сюжетомъ историческія лица и событія, останавливаются преимущественно на такихъ историческихъ событіяхъ, которыя, во первыхъ, полны драматизма, во вторыхъ, хорошо извѣстны, въ мелочахъ разработаны людьми науки. Такъ, въ русской исторіи вниманіе поэтовъ и художниковъ привлекала преимущественно эпоха Іоанна Грознаго, полная движенія, трагизма, эпоха, хорошо намъ извѣстная изъ древнихъ актовъ, сочиненій Курбскаго и Грознаго, Домостроя и Стоглава. Эту эпоху въ поэзіи воспроизводили Лермонтовъ, В. Юрьевъ, А. Толстой, Мей, Чаевъ, въ живописи Невревъ и Рѣпинъ, въ скульптурѣ Антокольскій. Нельзя не признать, что вся исторія Малороссіи полна драматическаго элемента; исторія Малороссіи XVII ст. при томъ извѣстна въ подробностяхъ и мелочахъ. Такія лица, какъ Богданъ Хмельницкій, такія событія, какъ брестскій церковный соборъ, засѣданія братчиковъ, сами собой напрашиваются на полотно. Художнику не трудно было бы найти вдохновеніе въ событіяхъ, созданныхъ страстной борьбой за вѣру и народность.

«Боже мой, писалъ Трутовскій Рамазанову, сколько неразобранныхъ матеріаловъ представляетъ Малороссія художнику, какъ изображающему сцены, такъ и видописцу!—Всѣхъ тянетъ въ Италію; хорошо, конечно, пожить и поучиться тамъ; но не подобаетъ же русскому художнику ограничиться италіанскими сценами, когда въ Россіи есть свои прекрасные виды и сцены» [1]). Трутовскій обратился къ художественному воспроизведенію малорусской жизни, и въ этомъ отношеніи онъ составилъ себѣ почетную извѣстность. Всѣмъ извѣстны его превосходные рисунки изъ малорусскаго быта:

---

[1]) *Рамазановъ*, Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи, т. I, стр. 246.

«Подрѣзываніе сотовъ на пасѣкѣ», «Сцена у креста», «Возвращеніе съ праздника», иллюстраціи къ «Наймичкѣ» Шевченка и къ «Вечерамъ» Гоголя.

Число картинъ изъ малорусской жизни, представленныхъ на передвижныхъ художественныхъ выставокахъ, не велико. Всѣхъ выставокъ было двѣнадцать (тринадцатая на югъ еще не спускалась), и почти столько же было картинъ съ сюжетами изъ малорусской жизни. Главныя картины этого рода представлены были двумя художниками, немного пожившими въ Малороссіи въ молодости, А. И. Куинджи и И. Е. Рѣпинымъ. А. И. Куинджи родился въ Екатеринославской губерніи въ 1843 году, учился у Айвазовскаго [1]). Въ ученическихъ работахъ Куинджи замѣтна уже наклонность къ воспроизведенію явленій малорусской жизни. Такъ, въ рисункѣ «Рыбацкая хижина на берегу Азовскаго моря», 1869 года, рыбацкая хижина представляетъ типичную малорусскую степную хату, съ крутымъ верхомъ, выдавшейся наружу печной трубой и низенькими стѣнами подъ высокой соломенной шапкой. Рѣпинъ родился въ 35 верстахъ отъ Харькова, въ Чугуевѣ, въ 1844 году. Первые годы своей дѣятельности, всю эпоху пробужденія страсти къ искусству онъ провелъ въ мастерской малороссійскаго богомаза, гдѣ писалъ большіе образа для иконостасовъ по 5 рублей за каждый. Двадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ ненастный ноябрскій день, съ нѣсколькими рублями въ карманѣ [2]). Громадное художественное дарованіе Рѣпина вскорѣ было замѣчено, и онъ быстро выдвинулся въ ряды первыхъ, самыхъ крупныхъ русскихъ художниковъ. Получивъ золотыя медали за свои академическія работы: «Іовъ и его друзья» и «Іаирова дочь», Рѣпинъ, по окончаніи курса академіи, путешествовалъ по Волгѣ, потомъ за границей. Памятникомъ рожденія Рѣпина въ Малороссіи служитъ одна только картина «Вечерницы»,—картина превосходная, какъ превосходны всѣ произведенія этого талантливаго, быстро работающаго художника; его же кисти «Бурлаки на Волгѣ», «Царевна Софья», «Крестный ходъ въ Курской губерніи», «Не ждали», «Смерть царевича Іоанна». Изъ другихъ художниковъ, участвующихъ въ товариществѣ передвижныхъ выс-

---

[1]) *Собко*, 25 лѣтъ русскаго искусства, стр. 19.

[2]) *Стасовъ*, И. Е. Рѣпинъ, въ «Пчелѣ» 1875 г., № 3.

тавокъ, изрѣдка Малороссіи касались Г. Г. Мясоѣдовъ, проживающій въ своемъ хуторѣ вблизи Харькова, Н. Д. Кузнецовъ, проживающій въ деревнѣ Степановкѣ, недалеко отъ Одессы, Н. Е. Маковскій, А. А. Киселевъ, М. П. Клодтъ и Дубовскій, повидимому, побывавшіе въ южной Россіи.

Лучшими картинами съ сюжетами изъ малорусскаго быта, сколько мы въ состояніи припомнить, были «Чумацкій трактъ» и «Ночь на Днѣпрѣ» Куинджи, «Вечерницы» Рѣпина, «На заработки» Кузнецова и «Зима» Дубовскаго.

Въ «*Чумацкомъ трактѣ*» (пятая передвижная выставка) широко раскинулась степь привольная; лентой вьется по ней чумацкій шляхъ. Много дней лилъ на него дождь и потому онъ размякъ и раскисъ. Широкія «мажи» чуть не до оси ушли въ грязь. Вдали на шляху виднѣется уютное и благодатное для степнаго странника-чумака убѣжище—шинокъ,—одинокая хата съ соблазнительной пляшкой на высоко поднятомъ дрючкѣ. Картина эта куплена П. М. Третьяковымъ, къ которому поступило почти все лучшее, что было на первыхъ передвижныхъ выставкахъ.

«*Ночь на Днѣпрѣ*» Куинджи по своей поэтичности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ картинъ новаго времени. Передъ зрителемъ льется тихоструйный Днѣпръ. На крутомъ берегу стоитъ нѣсколько малороссійскихъ хатъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ высятся пирамидальныя тополи. Въ картинѣ есть слабыя стороны: такъ лунному свѣту приданъ излишній зеленоватый оттѣнокъ, тополи нѣжны и однообразны; но всѣ эти недостатки скрыты чудной южной ночью. Это граціозное и величественное произведеніе Куинджи пріобрѣло на югѣ Россіи большую популярность. Въ картинѣ Куинджи есть нѣчто увлекательное и очаровательное. Это мелодія въ краскахъ. «Ночь на Днѣпрѣ», если не ошибаемся, была на пятой передвижной выставкѣ.

«*Вечерницы*» Рѣпина служили украшеніемъ девятой передвижной выставки. Это большая картина, полная живости и юмора. Въ малороссійской хатѣ, освѣщенной двумя свѣчами, собралась толпа парубковъ и дивчатъ; на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителю, танцуетъ дѣвушка; передъ ней «навприсядки» выдѣлываетъ колѣна парубокъ; музыканты скрипачи играютъ; вся толпа сидящихъ и стоящихъ внимательно смотритъ на танцующихъ. Всѣ смѣются, и

каждый смѣется по своему; у каждаго свое выраженіе, свое довольство, свой смѣхъ. Лица характерны, типичны. Въ художественной критикѣ недостаткомъ картины было поставлено грубое и некрасивое выраженіе лицъ, въ особенности стоящей на переднемъ планѣ танцующей дѣвицы. «Мы привыкли, сказано было по этому поводу въ «Художественномъ журналѣ» [1]), съ именемъ дѣвушки, особенно малороссійской, соединять въ нашемъ представленіи извѣстную красоту и грацію, конечно, не сценическую, не условную грацію, съ которой фигурировали въ большинствѣ случаевъ художники, писавшіе малороссіянокъ, но красоту и грацію натуральную, ту, какую въ единственномъ образѣ мы видимъ на этой же картинѣ у Рѣпина въ темномъ углу, въ одной прекрасной женской головкѣ... Жители юга, малороссы, красотой, какъ извѣстно, далеко не обижены. «Вечерницы» весьма крупное произведеніе новаго искусства, произведеніе замѣчательное по технической отдѣлкѣ, по обилію бытовыхъ подробностей, по вѣрности дѣйствительной жизни. Нужно впрочемъ замѣтить, что бытовыя подробности картины, такъ сказать, мѣстны; по крайней мѣрѣ мѣстнымъ характеромъ отличается убранство хаты, въ особенности оригинальное помѣщеніе свѣчей на веревочкѣ, подъ потолкомъ.

Украшеніемъ десятой передвижной выставки была, между прочимъ, большая картина Н. Д. Кузнецова *«На заработки»*. Передъ зрителемъ разстилается вольная и широкая степь съ небольшимъ курганомъ на горизонтѣ. По шляху движется група крестьянъ на заработки. Впереди идетъ рослый мужчина въ широкомъ соломенномъ брилѣ, сзади его кучка мужчинъ и женщинъ; расположеніе духа ихъ видимо веселое; имъ льститъ радостная надежда хорошаго заработка. Лица крестьянъ типичныя, характерныя. Вся обстановка картинъ напоминаетъ новороссійскія степи. Крестьяне изъ Новороссіи или юго-западнаго края. Въ восточныхъ частяхъ Малороссіи, въ частности въ Харьковщинѣ, соломенные брили не встрѣчаются; кромѣ того здѣсь для сохраненія воды на полевыхъ работахъ употребляютъ не горластые деревянные сосуды, какіе видимъ на картинѣ, а круглые цилиндрическіе деревянные баклажки.

[1]) Художественный журналъ, 1881 г., т. IX, стр. 229.

На двѣнадцатой передвижной выставкѣ вниманіе публики привлекала картина Н. Н. Дубовскаго *«Зима»*. Это былъ дебютъ, первое выступленіе передъ публикой неизвѣстнаго до тѣхъ поръ художника,—дебютъ весьма удачный. Содержаніе картины очень просто. Двѣ деревенскія хаты и часть улицы, къ нимъ прилегающая,—все это подъ толстымъ слоемъ снѣга, ярко освещеннаго лучами заходящаго солнца. Снѣгъ недавно только выпалъ, прямо на сырую землю, что видно изъ находящейся передъ воротами глубокой прорѣзи въ снѣгу, сдѣланной проѣхавшими санями. Хаты, тынъ, ворота малорусскіе. Кромѣ этихъ предметовъ, на картинѣ нѣтъ ничего болѣе, не видно ни одного живаго существа. Тѣмъ рельефнѣе выступаетъ хата съ тыномъ; тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на зрителя производитъ уютная часть сельской улицы, засыпанная снѣгомъ, который подъ морозный вечеръ мѣстами бѣлѣетъ, мѣстами синѣетъ.

Въ большей или меньшей мѣрѣ заслуживали вниманія публики картины: «Послѣ дождя» Куинджи, «Слѣпцы» Ярошенка, «Изъ окрестностей Кіева» Мясоѣдова, «Пашня въ Малороссіи» Клодта, «Малороссійская деревня» Киселева, «Малороссіянка» Бодаревскаго, «Базаръ въ Малороссіи» Н. Маковскаго, «Рѣка Псёлъ» Н. Маковскаго, крошечный этюдецъ Мясоѣдова «Рѣка Лопань», «На пашнѣ» Н. Маковскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ хорошо задуманы и хорошо исполнены, другія не болѣе какъ блѣдные, недодѣланные этюды, наброски, представляющіе весьма слабый интересъ, и то по отношенію къ другимъ однороднымъ по содержанію картинамъ. Такъ, этюдъ Мясоѣдова «Изъ окрестностей Кіева» представляетъ только группу густыхъ деревьевъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и особенность этого глухаго малорусскаго лѣснаго мѣстечка обнаруживается при сравненіи его съ великорусской лѣсной глушью на картинахъ Шишкина; безотносительно-же къ другимъ лѣснымъ пейзажамъ этюдъ Мясоѣдова представляетъ лишь желто-зеленое пятно. Въ «Слѣпцахъ» Ярошенка къ Малороссіи относятся не самые слѣпцы, люди великорусскаго типа, а окружающая ихъ природная обста-

новка. Слѣпцы пробираются по тропинкамъ высокаго берега Днѣпра. Кіевскіе куполы и кресты еще виднѣются за ближней горой. Вдали—Заднѣпровье. Нужно замѣтить при этомъ, что лучшая часть картины это слѣпцы съ поводыремъ впереди. Въ картинѣ Куинджи «Послѣ дождя», какъ во всѣхъ картинахъ этого художника, главная сила въ переливахъ свѣта. Солнце то выглядываетъ въ разорванныя тучки и ласкаетъ при этомъ теплую благоухающую зелень луга, и небольшую горку, и рѣченку, только что успокоившуюся отъ дождевыхъ потоковъ, вбѣжавшихъ въ нее съ пригорковъ и полей, то снова скрывается за тучкой, и бѣгущая отъ тучки тѣнь застилаетъ поле, а тамъ снова солнце. «Пашня» Клодта и «Малороссійская деревня» Киселева, бывшія на седмой выставкѣ, отличались простотой содержанія, мягкостью и поэтичностью, причемъ одна картина какъ-бы дополняла другую. Были и слабыя вещи, напримѣръ, «Малороссіянка» Бодаревскаго, ни одной своей чертой не обнаружившая серьезнаго изученія малорусскаго женскаго типа. Такихъ малороссіянокъ можно рисовать съ любой великосвѣтской барыни, черноглазой брюнетки, нарядивъ ее предварительно въ малорусскій женскій костюмъ, съ неизбѣжными бусами на шеѣ и цвѣтами въ косѣ.

Мы перечислили почти все, что относилось къ Малороссіи на передвижныхъ выставкахъ картинъ. Если и есть пробѣлы,—а они конечно есть относительно первыхъ пяти выставокъ, о которыхъ мы имѣемъ за давностью лѣтъ скудныя свѣдѣнія,—то пробѣлы эти не измѣняютъ общаго впечатлѣнія скудости выставокъ относительно картинъ съ сюжетами изъ южно-русской природы и быта. Можно думать, что эта скудость явленіе, такъ сказать, временное; источникъ ея лежитъ отчасти въ молодости современной русской школы живописи. Современная школа живописи довольно основательно слыветъ національной, а разъ она національна,—ей предстоитъ еще широкое поприще для совершенствованія и развитія; пойдетъ она въ глубь, и въ ширь, и съ подъемомъ общественнаго развитія получитъ краевое направленіе, развѣтвится по всѣмъ центрамъ и

окраинамъ Россіи, особенно при благопріятныхъ условіяхъ развитія краевой жизни въ сферѣ искусства, напримѣръ, при возникновеніи мѣстныхъ рисовальныхъ училищъ, мѣстныхъ собраній произведеній изящныхъ искусствъ, при разностороннемъ и обстоятельномъ изученіи памятниковъ народнаго художественнаго и поэтическаго творчества.

Н. С.

РОМАНОВСКОЕ СТАРОСТВО И СУДЬБА ЕГО ЖИТЕЛЕЙ.[1])

Разсматривая судебные процессы сельскихъ громадъ, путемъ которыхъ они отыскивали свою свободу или земельную собственность, намъ за частую приходится удивляться въ одно и тоже время слабости ихъ юридическихъ свѣдѣній и настойчивости въ веденіи дѣла. Обыкновенно объясняютъ это склонностію малорусскихъ крестьянъ къ сутяжничеству; но этимъ не исчерпывается вопросъ о причинахъ упорства крестьянъ въ такихъ ихъ искахъ, которые не ведутъ ихъ ни къ чему, кромѣ разоренія и самаго строгаго взысканія. Люди интеллигентные освоились уже съ мыслью, что положительное законодательство, хотя и является результатомъ стремленія къ истинѣ и справедливости, но не можетъ съ ними отождествиться, представляя лишь компромисъ между чистымъ принципомъ справедливости, согласно понятіямъ данной исторической эпохи, и фактическимъ положеніемъ дѣлъ и обнаруживая большую или меньшую дисгармонію между понятіемъ о справедливости и существующимъ законодательствомъ. Крестьянскій умъ не знаетъ такихъ тонко-

---

[1]) Статья эта была помѣщена въ польскомъ журналѣ «Atheneum» (1884 г., іюль). По предмету своему она относится къ мѣстности нынѣшней кіевской губерніи и входитъ непосредственно въ область исторіи Украйны. Съ согласія автора, мы печатаемъ ее въ вольномъ нѣсколько переводѣ, не измѣняющемъ однако мысли автора, и съ значительными сокращеніями, не касающимися впрочемъ фактическихъ данныхъ. Подобныя монографіи могли-бы уяснить намъ поучительную судьбу землевладѣнія въ кіевской губерніи. Такого описанія особенно заслуживаютъ бывшія староства корсунское и бѣлоцерковское.—Переводъ.

стей; ведя процессы съ богатыми и сильными людьми, крестьяне прежде всего склонны вѣрить, что неблагопріятный для нихъ исходъ дѣла зависитъ отъ вліянія сильной и заинтересованной стороны и бываетъ главной причиной несогласія судебныхъ приговоровъ съ понятіемъ о справедливости. Съ этой точки зрѣнія верховная власть въ глазахъ народа представляется какъ-бы обезсиленной этими вліяніями. Среди самаго разгара борьбы на Украйнѣ Хмельницкій говоритъ комиссарамъ Рѣчи Посполитой: «пусть король остается королемъ для того, чтобы казнить шляхту и пановъ, потому что эти королевята сильно бушуютъ»; въ одной украинской пѣснѣ императрица Екатерина II такъ отвѣчаетъ запорожцамъ на ихъ жалобы:

«Ой рада-бъ я, запорозци, вамъ добро вчинити,
«Та не можу за синодчиками въ синодъ приступити».

Внѣшнимъ признакомъ этого народнаго убѣжденія или ближайшимъ его послѣдствіемъ является общеизвѣстное превратное толкованіе законодательныхъ актовъ, имѣющихъ въ виду благо народа. Въ такихъ случаяхъ народъ обыкновенно думаетъ, что правду отъ него утаиваютъ, а открываютъ ему только часть оной, и то по вліянію людей знатныхъ и богатыхъ, по мѣстному термину, *пановъ*. Поэтому ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ народныя волненія, сопровождающія такіе именно законодательные акты, которые въ большей или меньшей степени имѣютъ въ виду облегченіе народной участи. Иногда имъ предшествуетъ слухъ, лишенный реальныхъ основаній, но построенный на общемъ фонѣ народнаго міровоззрѣнія, и вызываетъ цѣлый рядъ народныхъ волненій. Такого рода явленіе мы видимъ на Украйнѣ въ 1855 году, когда поиски мнимаго указа о записываніи поселянъ въ козацкіе реестры вызвали цѣлый рядъ безпорядковъ, за которые тяжело расплатилось мѣстное населеніе. И при всемъ томъ въ такихъ случаяхъ, въ теченіи извѣстнаго времени, въ народѣ остается увѣренность, что не слухъ былъ вымышленъ, а корысть и злоба пановъ заглушили голосъ правды, Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ корсунскихъ волненій 1855 года мнѣ приходилось слышать отъ простолюдья въ Корсунщинѣ, что окрестные священники будто-бы вымерли вслѣдствіе Божей кары за утайку упомянутаго указа о козачинѣ. Эта общая точка зрѣнія, эта увѣренность, что все, что справедливо по народнымъ понятіямъ, должно

быть и юридически обязательно, вызываетъ ту настойчивость въ процессахъ, которая на первый взглядъ кажется только страстью, въ дѣйствительности-же есть результатъ другихъ болѣе глубокихъ причинъ. Добиться правды не легко,—въ этомъ глубоко убѣжденъ народъ: по народной легендѣ, связанной съ памятникомъ дюку де Ришелье въ Одессѣ, этотъ умудренный жизнію мужъ, указывая рукою на море и держа бумажный свитокъ въ другой, тѣмъ самымъ говорилъ людямъ въ поученіе: «якъ маєшъ зъ дужимъ битись, а зъ багатымъ судитись, лучше перехрестися, та й иди въ море, утопися». Но именно потому, что только постороннія вліянія, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, затемняютъ правду и бываютъ причиной неблагопріятныхъ судебныхъ приговоровъ, не исчезаетъ въ нихъ надежда на успѣхъ, если не теперь, то впослѣдствіи.

Эти не многія общія разсужденія я счелъ не лишнимъ предпослать небольшему очерку одного изъ тѣхъ многочисленныхъ процессовъ по отыскиванію крестьянами давнихъ правъ и вольностей, какими такъ богата исторія Украйны. Дѣло происходило въ нынѣшней кіевской губерніи, въ сквирскомъ уѣздѣ, въ такъ называвшемся когда-то романовскомъ старосвѣ; въ теченіи почти столѣтія эта мѣстность была театромъ попытокъ сельскаго населенія—искать юридическимъ путемъ возстановленія своихъ историческихъ правъ и облегченія постигшей его впослѣдствіи тяжелой участи. Краткій очеркъ этихъ попытокъ и составляетъ предметъ настоящей статьи, которая можетъ быть не лишена интереса, какъ страничка матеріаловъ для исторіи крестьянства кіевской губерніи въ текущемъ столѣтіи.

Въ былые годы Рѣчи Посполитой, въ промежутокъ между династическимъ соединеніемъ южной Руси съ Польшею по городельской уніи и включеніемъ первой въ составъ послѣдней по уніи люблинской, южно-русскія населенныя мѣстности, подъ названіемъ староствъ, отдавались въ управленіе и охрану, съ находившимися въ нихъ укрѣпленными замками, знатнымъ русскимъ людямъ. Послѣ люблинской уніи, съ распространеніемъ на Русь обще-государственныхъ польскихъ порядковъ, подъ тѣмъ-же названіемъ отдавались здѣсь населенныя и даже не населенныя земли въ пожизненное владѣніе преимущественно польскимъ панамъ. Такимъ образомъ староства въ дальнѣйшемъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ означали

коронныя имѣнія, которыя король жаловалъ кому либо за заслуги въ пожизненное владѣніе. Вновь заселяемая мѣстность проходила иногда много стадій, пока становилась старостомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; вообще-же перемѣна староства обозначалась переломомъ въ судьбѣ населенія, а съ паденіемъ Польши уничтоженіе самыхъ староствъ послужило источникомъ крупныхъ безпорядковъ и процессовъ, подобныхъ тому, о которомъ я хочу разсказать.

Историческія свѣдѣнія о романовскомъ староствѣ очень скудны; они разбросаны на протяженіи трехъ вѣковъ и крайне отрывочны. Начало заселенія мѣстности староства относится къ послѣднему десятилѣтію XVI ст. Въ 1591 г. король Сигизмундъ III отдаетъ князю Николаю Ружинскому «пустопорожнія земли въ бѣлоцерковскомъ староствѣ» надъ рѣками: Сквирой, Раставицей, Ольшанкой, Унавой и Каменицей, иначе Каменкой [1]). На этой территоріи и возникло романовское староство, достигшее, по крайней мѣрѣ въ центральномъ своемъ пунктѣ, разширенія своихъ общественныхъ правъ и автономнаго управленія по магдебургскому праву. Образованіе романовскаго староства шло постепенно и на немъ отразились всѣ тѣ политико-общественныя перемѣны, какія переживала цѣлая страна.

Въ концѣ XVI столѣтія Украйна была мало заселена. Все то пространство, которое пожаловано Сигизмундомъ князю Николаю Ружинскому, т. е. значительная часть нынѣшняго сквирскаго уѣзда, заключало въ себѣ одни только урочища; почти всѣ ихъ имена встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ названіяхъ селъ и мѣстечекъ, входившихъ въ составъ романовскаго староства. Уже въ 1603 году встрѣчаемъ на этой территоріи мѣстечка Романовку и Жидовцы и села: Чернявку, Кошлаки и Ерчики, затѣмъ Ставища [2]). Въ 1615 году заселилась Сквира, теперь уѣздный городъ. Люстрація 1616 года причисляетъ къ романовскому староству мѣстечко Романовку, Жидовцы, Матвѣевцы или Ставища, Ерчики, Кошлаки, Сквиру, Буки и Строковъ.

Заселеніе шло весьма быстро; на территоріи, занятой первыми пятью селами, существовало до того времени одно только неболь-

---

[1]) Рукопись—Перечень документовъ, относящихся къ границамъ романовскаго староства 1804 г.

[2]) Также.

шое поселеніе Малая Чернявка. Обиліе плодородныхъ земель и такъ называемыя тогда *слободы*, т. е. освобожденіе поселенцевъ отъ повинностей по отношенію къ владѣльцу на болѣе или менѣе продолжительное время (такъ Сквира, основанная въ 1615 году, пользовалась правомъ тридцатилѣтней «слободы»[1]), привлекали сюда поселенцевъ, не смотря на то, что мѣстность лежала на такъ наваемомъ «Черномъ шляху»[2]), т. е. на пути набѣговъ татарскихъ и представляла большія опасности и затрудненія для колонизаціи. Въ люстраціи 1616 г. читаемъ слѣдующее: «Буки, село, за годъ передъ этимъ разрушено татарами. Въ настоящее время въ немъ осталось еще десять человѣкъ, которые живутъ въ ямахъ». Тоже самое происходило и въ другихъ поселеніяхъ. Ставище опустошено татарами въ 1606 году, Буки, Романовка, Кошлаки въ 1615 году; въ Кошлакахъ послѣ погрома «остался только одинъ крестьянинъ»[3]). Татарскіе набѣги были такимъ обычнымъ явленіемъ въ этой мѣстности, что документъ 1592 года, опредѣляющій территоріальныя границы староства, просто замѣчаетъ: «до самыхъ верховьевъ рѣчки Сквиры вдоль татарскаго шляху черезъ Раставицу»[4]). Но не одни татары разоряли новыя поселенія; тоже дѣлали и христіанскіе громители ислама. Въ люстраціи 1622 года значится: «Романовъ, или Романовка, мѣстечко, поселенное надъ самымъ Чернымъ шляхомъ, въ немъ двадцать подданныхъ; не платятъ никакого чинша на основаніи *слободы*, потому что разорены отрядомъ покойнаго пана Жолкевскаго»[5]).

При такихъ условіяхъ заселялась эта мѣстность; ея хозяйство, домашній бытъ и всѣ общественныя отношенія носятъ на себѣ ихъ отпечатокъ. Домашнее хозяйство слобожанина начинается въ ямѣ, старостинскія постройки еще въ 1765 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: «домъ построенъ надъ самой рѣчкой, изба съ комнатой и кладовой, кухня съ коморкой, амбаромъ и конюшня»[6]). Населеніе то разбѣгается, то возвращается, партизанскимъ, такъ

[1]) Рукопись—Люстрація 1616 г.

[2]) Baliński i Lipiński—Starożytna Polska.

[3]) Люстрація 1616 г.

[4]) Рукопись—Перечень документовъ 1802 г.

[5]) Baliński i Lipiński.

[6]) Рукопись—Люстрація 1765 г.

сказать, способомъ добывая земли и свободу, когда обстоятельства тому благопріятствовали, и при перемѣнѣ ихъ теряя поочередно и то и другое. Такъ во время люстраціи романовскаго староства 1765 г. управляющій дворянинъ Антоній Кобылинскій и громады этого староства, какъ мѣстечка Романовки, такъ и мѣстечка Сквиры, показали, что староство терпитъ много обидъ въ земельномъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей. Громада романовская жаловалась, что терпитъ обиды отъ владѣльцевъ корнинскаго имѣнія, пановъ Проскуровъ, которые уже частью захватили и продолжаютъ все больше и больше отбирать къ своему Корнину земли, принадлежавшія съ давнихъ временъ къ Романовкѣ, косятъ сѣно на романовскихъ лугахъ, собираютъ хлѣбъ, выгоняютъ романовскихъ жителей изъ ихъ собственныхъ земель, бьютъ и не допускаютъ пользоваться ими, отъ чего часто происходятъ драки, а иногда и убійства крестьянъ. Такъ-же точно и мѣстечко Сквира, принадлежавшее къ тому-же староству, принуждено было терпѣть земельные захваты на трехъ своихъ границахъ: 1) со стороны мѣстечка Володарки отъ пани Мнишковой, подкомарины литовской, которая съ большимъ азартомъ насильно отобрала сквирскія земли къ володарскому имѣнію и намѣтила себѣ границу до самой Сквиры, при чемъ володарскіе жители вытѣсняли сквирскихъ изъ этихъ земель, били и не дозволяли ими пользоваться; 2) со стороны паволоцкихъ имѣній князя Любомирскаго, брацлавскаго воеводы, и наконецъ 3) отъ бѣлоцерковскаго староства, гдѣ также послѣдовалъ значительный захватъ земель. Отъ всѣхъ этихъ причинъ должно было разбѣжаться какъ романовское, такъ и сквирское населеніе»[1]).

Сохранилось и до настоящаго времени мѣстное преданіе о такихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Умершій два года назадъ старикъ Федько Грива разсказывалъ мнѣ, какъ его дѣдъ храбро сражался съ Проскурою за границы романовскихъ земель, которыя должны были простираться до «Острой могилы»: «мого дида, козака Гриву, прибавлялъ разсказчикъ, не брала куля, ажъ доииро срибнымъ гудзіомъ встреливъ ёго Проскура. Похилывся мій дидъ на кони и сказавъ: збавывъ ты, пане Проскуро, козакови Гриви викъ ёго молодецькій».

Уменьшеніе земельныхъ участковъ романовскихъ поселевцевъ, вслѣдствіе захватовъ сосѣдей, давало чувствовать себя еще сильнѣе

[1]) Люстрація 1615 г.

съ прекращеніемъ льготныхъ сроковъ, такъ называемыхъ *слободъ;* повинности мѣщанъ и крестьянъ усиливались по мѣрѣ того, какъ «степы широки, краи весели» осаживались селами, какъ новая колонизація все болѣе и болѣе увеличивалась и разросталось помѣщичье хозяйство. Романовка, не знавшая панщины и только платившая чиншъ въ началѣ XVII в.,—во второй половинѣ XVIII ст., кромѣ значительно увеличеннаго чинша (съ 3 и 6 грошей поднялся въ общемъ до 3⅔ злота съ хозяйства), отбываетъ панщину и прядетъ мотки. Льготный срокъ давно уже исполнился для Сквиры и ея жители во второй половинѣ XVIII в. платятъ чиншъ, подорожное, отбываютъ панщину, мотки и др. Въ Черпявкѣ панщина была уменьшена, но за то увеличенъ чиншъ, достигавшій въ общемъ 13 злотыхъ съ хаты (въ Романовкѣ въ тоже время 3⅔ злота). Впрочемъ и въ началѣ XVII в., не смотря на колонизаціонныя затрудненія, рядомъ съ временными льготами панщина вполнѣ уже господствовала въ пограничныхъ селахъ, щадя только новыя поселенія и центральное мѣстечко староства. Обычной нормой панщины здѣсь было въ то время лѣтомъ два, зимою одинъ рабочій день въ недѣлю въ пользу помѣщика [1]).

Эти немногія уцѣлѣвшія данныя едва-ли могутъ дать сколько нибудь полное и близкое понятіе о соціально-экономической жизни романовскаго староства. Кромѣ указанныхъ, оно переживало и другія перемѣны, особливо подъ часъ козакованья столь памятнаго въ западной Украйнѣ Семена Палія, котораго дѣятельность распространялась непосредственно и на романовское староство. Извѣстныя усилія польскаго короля Яна Собѣсскаго воскресить въ западной Украйнѣ угасавшее козачество, нужное ему для войны съ Турціею, выдвинули не кстати для поляковъ знаменитаго своею храбростію и предпріимчивостію фастовскаго полковника. Палій, получивъ полномочіе на вербованіе козацкаго полка, не ограничился вербовкой бродячихъ отрядовъ, но колонизуетъ Фастовщину, постепенно вытѣсняетъ шляхту изъ дворянскихъ имѣній и староствъ, то вступая отчасти въ ея права, то вводя въ занятыхъ мѣстностяхъ оригинальные козацкіе порядки. Козачее устройство сельскаго люда

---

[1]) Рукоп. люстраціи 1616 и 1765 г.

приходилось этому послѣднему какъ нельзя болѣе по сердцу и съ увѣренностію гадать можно, что въ эту пору измѣнилось къ лучшему и положеніе сосѣдившаго съ Фастовщиной романовскаго староства, которое также нѣкоторое время находилось во власти Палія. А что это такъ, видно изъ того, что король Августъ II, жалуя въ 1710 г. романовское староство Бомбеку, замѣчаетъ, что оно осталось безъ владѣльца по смерти храбраго Палія [1]).

Судьба романовскаго староства послѣ Палія еще менѣе намъ извѣстна и объ ней можно судить лишь по общему ходу жизни Украйны въ это время и нѣкоторымъ позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, касающимся непосредственно самаго староства. Люстраторы 1789 г. говорятъ, что не смотря на то, что Романовка называется мѣстечкомъ, «ея жители если и имѣли какія нибудь частныя права и привилегіи, то ничѣмъ этого не доказали». Между тѣмъ Романовка въ исходѣ XVIII в. имѣла свой магистратъ, хотя единственнымъ памятникомъ его существованія, какой мнѣ удалось найти, является копія привилегіи Станислава-Августа 1791 г., явленной въ книгахъ романовскаго магистрата, въ переводѣ на русскій языкъ, принадлежащая одному изъ мѣстныхъ крестьянъ. XVIII столѣтіе было для Польши временемъ, когда явленія анархіи достигли своего апогея и въ тоже время вѣкомъ, когда жизненныя проявленія различныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, особенно той ея области, какую мы имѣемъ въ виду, т. е. Украйны, значительно ослабѣли въ своемъ напряженіи. Паліево козачество съ его «товарищами» сохраняло еще нѣкоторыя черты стараго козачества, но ядро его составляли уже бродяги, проживающіе въ томъ или другомъ имѣніи. Вмѣсто поддержки со стороны свободныхъ земскихъ элементовъ, вмѣсто хуторовъ, козацкихъ «лугивъ та лукъ» встрѣчаемъ здѣсь зимнія квартиры; прежнее мѣщанство уже зачастую отбываетъ панщину, слобожане все рѣже встрѣчаются среди сельскаго населенія; панщины, мотковъ, осыповъ и т. п. уже не сдерживаетъ опасеніе, что «сейчасъ бунтъ и сейчасъ сорокъ тысячъ реестровыхъ на шеѣ» [2]). Замѣчается вырожденіе и среди того сословія, которое сломило въ свою пользу всѣ разнородные жизнен-

[1]) В. Б. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества.

[2]) Twardowski, Wojna domowa.

ные элементы Рѣчи Посполитой. Отзывчивость къ умственнымъ движеніямъ XVI ст. смѣнилась у шляхты добровольнымъ подчиненіемъ іезуитской опекѣ; свобода восточной церкви цѣликомъ была принесена въ жертву протежированной уніи; вмѣсто военнаго оживленія «распускали пояса»; тѣхъ, которые когда-то поддерживали своего короля, смѣнили будущіе тарговичане. Истратились и исчерпались всѣ силы, изъ которыхъ слагалась бойкая нѣкогда жизнь Рѣчи Посполитой; весь государственный организмъ разстроился и клонился къ полному упадку. Явились запоздалыя усилія небольшой партіи воскресить и обновить его, поднявъ самые угнетенные слои народонаселенія и прежде всего населеніе чрезвычайно многочисленныхъ городовъ и мѣстечекъ. Усилія этой партіи, среди которой Гугонъ Колонтай занималъ выдающееся положеніе, оживили на время надежды и центральнаго пункта нашего староства—Романовки, считавшей по люстраціи 1789 года «шестьдесятъ обывательскихъ домовъ и десять шляхетскихъ» [1]). Романовскіе шляхтичи и мѣщане увлеклись общими стремленіями къ златой вольности, возстановленію утраченныхъ правъ; ихъ дѣло принималъ близко къ сердцу и мѣстный ксендзъ, ревновавшій, по выраженію Колонтая, о народномъ благѣ. Съ старостой княземъ Любомірскимъ заключено временное условіе, а пока собирали документы и указанія, могущія поддержать права романовскихъ жителей. Хлопоты эти не остались безъ послѣдствій: Колонтай въ письмѣ своемъ къ романовцамъ 23 августа 1791 г., рекомендуя терпѣніе и благоразуміе, прибавляетъ: «въ скоромъ времени увидите себя вполнѣ счастливыми... Возобновительная привилегія скоро выйдетъ; панъ Бѣлобржескій дастъ вамъ знать, когда нужно явиться за ея полученіемъ» [2]).

И дѣйствительно, по «предложенію пановъ рады, состоящей при особѣ короля, и просьбамъ войта, райцевъ, бурмистра, судей и всего населенія города Романовки», король, во имя правъ, удѣленныхъ ему четырехлѣтнимъ сеймомъ, ссылаясь на давній титулъ города, выраженный въ различныхъ люстраціяхъ и пожалованіяхъ, и на то, что Романовка уплачиваетъ «подати, установленныя для

---

[1]) Baliński i Lipiński, Starożytna Polska.

[2]) Рукопись—письмо Колонтая къ членамъ романовскаго магистрата.

вольныхъ городовъ», признавая ее отягощенной позднѣйшими люстраціями 1765 и 1789 г., жалуетъ этому городу возобновительную привилегію.

Привилегія объявляетъ Романовъ вольнымъ городомъ и признаетъ «вольными людьми всѣхъ обывателей этого города, какъ теперь живущихъ и записанныхъ въ послѣдней люстраціи города Романовки и въ «тарифу домовъ», такъ и тѣхъ, которые могутъ здѣсь поселиться впослѣдствіи и войти въ городское сословіе; земли, заселенныя ими въ чертѣ этого города, ихъ дома, усадьбы, огороды, поля, нивы, лѣса, хутора и всю территорію этого города, принадлежащую ему по праву, признаетъ наслѣдственною собственностью этого города и осѣдлыхъ въ немъ мѣщанъ и выражаетъ желаніе, чтобы они были отмежованы отъ земель романовскаго староства и другихъ помѣстій».

Привилегія изъемлетъ кромѣ того изъ земянской и старостинской юрисдикціи всѣхъ городскихъ обывателей, «какъ шляхетскаго, такъ и мѣщанскаго происхожденія» и объявляетъ, что они будутъ судиться только передъ городскимъ урядомъ, съ правомъ аппелировать въ житомірскіе суды, или обращаться въ коронные ассесорскіе суды, смотря по сущности дѣла; далѣе обезпечиваетъ жителямъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій пользованіе правами, присвоенными вольнымъ городамъ по конституціи четырехлѣтняго сейма, и правомъ магдебургскимъ; всѣ повинности мѣщанъ ограничиваются поземельной податью въ казну Рѣчи Посполитой на основаніи сеймовыхъ постановленій. Тою-же привилегіею была пожалована печать городскому магистрату [1]), которая и понынѣ сохраняется у крестьянъ сосѣдняго села.

Но такое возстановленіе широкихъ общественныхъ и экономическихъ правъ романовцевъ оказалось для нихъ какъ-бы злой насмѣшкой судьбы; усилія горсти лучшихъ людей того времени, снабдившей тогда массу городовъ и мѣстечекъ подобными-же привилегіями, были лебединою пѣснію Польши. Новый и послѣдній ея раздѣлъ наступилъ скорѣе, чѣмъ запоздалыя попытки къ исцѣленію ея недуговъ могли быть примѣнены на дѣлѣ. Новый госу-

---

[1]) Рукопись—возобновительная привилегія короля Станислава-Августа 10-го ноября 1791 г.

дарственный режимъ ни мало не ослабилъ крѣпостническихъ стремленій польскихъ пановъ, а извѣстная энергія исполнительныхъ органовъ русской администраціи гораздо прочнѣе только гарантировала существованіе прежняго общественнаго порядка, чѣмъ ослабѣвшее правительство Рѣчи Посполитой.

Нѣкогда народъ пѣлъ:

«Эй вы ляхи, эй вы дуки!
Забрали вси наши луги и луки».

Теперь онъ отмѣтилъ свое крѣпостническое иго новою пѣснью:

«Була, була Польша, настала Вкраина,
Не заступить сынъ за батька, ни батько за сына».

При такомъ общемъ теченіи дѣлъ возобновительная привилегія Романовки не доставила никакого облегченія ея жителямъ. Тогдашній староста, князь Іосифъ Любомірскій, принуждалъ романовскихъ мѣщанъ къ отбыванію сельскихъ повинностей; отсюда возникаетъ процессъ по иску мѣщанъ еще во времена Рѣчи Посполитой. Въ отвѣтъ на жалобу, предъявленную мѣщанами, староста въ обширной информаціи указываетъ ошибочность пониманія ими ихъ древнихъ актовъ, ссылается на люстраціи 1765 и 1789 г., тѣ именно, которыми мѣщане наши были «обременены», по выраженію привилегіи 1791 г.; утверждаетъ, что если прежде въ Романовкѣ и не бывало панщины, то только временно, вслѣдствіе опустошенія, произведеннаго то татарами, то обозомъ Жолкевскаго; выражаетъ сомнѣніе въ подлинности привилегіи 1791 г. и во всякомъ случаѣ считаетъ ее нелегальною при отсутствіи первоначальной привилегіи и т. д., вслѣдствіе чего все дѣло передаетъ на судъ референдарскій, какъ единственный компетентный въ процессахъ между подданными и владѣльцами коронныхъ имѣній.

Своеобразное толкованіе княземъ старостою правъ и привилегій, относящихся къ романовскому дѣлу, ни мало не остановило романовскихъ мѣщанъ; начатый ими еще при существованіи Рѣчи Посполитой искъ все болѣе расширяется и охватываетъ цѣлое староство; сначала мѣщане доказываютъ, что одно изъ селъ староства, Чернявка основалась на романовской землѣ и потому на нее тоже должна распространяться привилегія 1791 г.; въ дальнѣйшемъ процессѣ, разбиравшемся уже въ сквирскомъ земскомъ и въ главномъ кіевскомъ судѣ, послѣ паденія Рѣчи Посполитой, видимъ

уже поселянъ цѣлаго староства, солидарно выступающихъ противъ старосты.

Суды признавали освободительное значеніе привилегіи 1791 г. лишь для города Романова; понимали и мѣстные жители, что статьи привилегіи выдѣляютъ Романовку изъ остальнаго староства; тѣмъ не менѣе всѣмъ хотѣлось свободы и искъ веденъ былъ отъ имени жителей всего бывшаго староства. «Не потрибенъ мени кожухъ безъ рукавивъ»,—отвѣчалъ одинъ изъ уполномоченныхъ отъ мѣстнаго населенія уже въ 1844 г., когда ему разъясняли компетентные люди, что хлопоты романовцевъ могутъ достигнуть желаемыхъ результатовъ только подъ тѣмъ условіемъ, если они исключатъ изъ процесса всѣ приселки. Въ находящихся у меня бумагахъ сохранились лишь слѣды первоначальной тяжбы романовцевъ по отыскиванію своихъ правъ. Тяжба разбиралась въ 1792 году въ судѣ ассесорскомъ, въ 1797 году въ брацлавскомъ магистратѣ; въ томъ-же году романовцы жалуются въ главный кіевскій судъ на побои, причиняемые офиціалистами старосты; но судъ «послѣ допроса» призналъ жалобы неосновательными. Въ 1799 г. староста требуетъ передъ сквирскимъ повѣтовымъ судомъ наказанія старостинскихъ жителей «за возстаніе противъ своего пана»; въ 1801 г. дѣло вновь рѣшается въ томъ-же судѣ, а въ 1801 и 1802 г. по иниціативѣ жителей староства—въ коммисіи, установленной въ силу декретовъ двухъ надворныхъ волынскихъ судовъ [1]). Пока такимъ образомъ обѣ стороны упорно препекаются о взаимныхъ правахъ и обидахъ, коммисія, учрежденная для продажи казенныхъ имѣній въ кіевской губерніи, постановила въ 1811 г. продать въ частную собственность поселенія, входившія въ составъ романовскаго староства [2]).

Такого рѣшенія дѣла никакъ не ожидали наши поселяне и не съ разу могли ему повѣрить. Не смотря на всѣ свои судебныя неудачи, они хранили твердую увѣренность въ ненарушимости ихъ правъ, послужившую основою для оригинальной, смѣшаннаго характера, легенды, сложившейся въ ихъ средѣ. «Наши, разсказывали

---

[1]) Перечень документовъ этой коммисіи за 1802 г.—рукопись.

[2]) Рукопись—Копія опредѣленія коммисіи, учрежденной въ кіевской губерніи для распродажи казенныхъ имѣній 8 марта 1811 г.

мнѣ романовскіе старожилы, тоже неблагоразумно вели себя. Однажды, уже при императрицѣ Екатеринѣ, знатнѣйшіе хозяева романовскіе пировали и, напившись, стрѣляли изъ пистолета съ криками: «vivat король!» Какой-то чиновникъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, что значитъ этотъ возгласъ.

— Таке маемо право.

— Яке-жъ то право?

Романовцы показали ему свои документы; чиновникъ схватилъ ихъ и бросился бѣжать; пьяные напрасно его преслѣдовали.

— Нисля того, продолжалъ разсказчикъ, цариця Катерина производжала тутъ и везла зъ собою наше право; почувала вона на Яхняньскихъ корчмахъ. Ото вона присылае до одного, нашого таки чоловика, щобъ иишовъ узяти наше право.

— Якъ-то, каже той чоловикъ, то я маю ходити за своимъ правомъ? Наше право до насъ повинно прійти!

— Ото цариця за те розгнивалась и оддала наше право Сквыри, то Сквыра выйшла на городъ, а наше мищанство такъ и осталось.

Наступилъ однако часъ продажи бывшаго староства въ частныя руки и рѣшеніе правительства приведено въ исполненіе, староство распродано отдѣльными селами въ разныя руки. Въ Романовку и прилегавшія къ ней села, исполненныя еще надежды на возвращеніе свободы, являются собственники земель и душъ, вооруженные покровительствовавшимъ имъ закономъ; подозрительно и съ недоумѣніемъ смотрятъ они на селянъ, которые добиваются какихъ-то правъ путемъ безпрестанныхъ процессовъ и жалобъ, щекотливо относятся къ малѣйшему ихъ непослушанію, считая оное не иначе, какъ дерзостью, расправляются за все побоями, ревностно оберегаютъ свою власть надъ подданными. Въ виду суровой дѣйствительности наши старостинцы должны были понизить свои претензіи.

Въ 1816 г. жители Романовки обращаются въ земскій сквирскій судъ черезъ своего уполномоченнаго, Захара Пилипенка, и доказываютъ, что они, въ качествѣ бывшихъ старостинскихъ подданныхъ, должны оставаться государственными крестьянами и что потому ихъ нельзя отдавать въ собственность частнымъ владѣльцамъ. Но судъ отклонилъ это заявленіе, на основаніи опредѣленія

коммисіи, учрежденной для распродажи государственныхъ имѣній въ кіевской губерніи. Засѣдатель земскаго суда собралъ крестьянъ изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ бывшаго романовскаго староства и объявилъ имъ отъ имени исправника, что они проданы на законномъ основаніи и потому должны навсегда остаться помѣщичьими крестьянами и повиноваться своимъ владѣльцамъ. «По силѣ нашихъ привилегій, насъ нельзя продавать и мы будемъ отыскивать свою свободу»,—отвѣтили крестьяне [1]). И они энергично продолжаютъ этотъ споръ жалобами передъ сквирскимъ уѣзднымъ судомъ на притѣсненія со стороны новыхъ владѣльцевъ: непомѣрныя работы, побои, иногда влекущія за собою смерть наказанныхъ, неуваженіе женской чести со стороны одного изъ помѣщиковъ и т. п.

Это было время сильнаго раздраженія умовъ; угроза безповоротнаго закрѣпощенія нашла себѣ представителей въ новыхъ владѣльцахъ,—давленіе съ одной стороны усиливало энергичный отпоръ съ другой. Движеніе въ этомъ направленіи вызывало отголосокъ и дальше среди населенія, находившагося въ подобныхъ-же условіяхъ. Жители мѣстечка Ставищъ бѣлоцерковскихъ, узнавъ о тяжбахъ и дѣлахъ романовскаго староства [2]), входятъ въ живыя сношенія съ людьми, заинтересованными въ одномъ дѣлѣ.

Мѣстечко Ставища, принадлежавшее къ бѣлоцерковскому староству, было подарено въ 1773 г. въ собственность королю Станиславу-Августу, который впрочемъ обязался уважать существующую свободу мѣщанъ и селянъ въ имѣніяхъ, сдѣлавшихся его частной собственностью. Подаренное ему бѣлоцерковское староство король въ свою очередь даритъ коронному гетману, Ксаверію Браницкому 13 ноября 1774 г. Оживленные надеждами, какія пробудили среди старостинскихъ мѣщанъ постановленія четырехлѣтняго сейма, жители Ставищъ, подобно романовскимъ мѣщанамъ, обращаются въ 1791 г. къ центральной власти черезъ трехъ своихъ уполномоченныхъ. Дѣйствительно ставищане получаютъ подъ своимъ адресомъ печатный циркуляръ центральной полицейской коммисіи, относившійся къ организаціи вольныхъ городовъ, а въ 1792 г. три коро-

---

[1]) Рукопись—Резолюція перваго департамента кіевскаго главнаго суда 16-го іюля 1817 года.

[2]) Рукопись—Резолюція сената въ гражданскомъ искѣ жителей м. Ставищъ.

левскіе универсалы относительно выборовъ въ вольныхъ городахъ, въ которыхъ и ставищане названы мѣщанами. Поэтому они ведутъ свою тяжбу съ владѣльцами въ 1791 и 1792 г. въ ассесорскомъ судѣ [1]).

Неизвѣстно, обращались-ли и куда именно обращались они позже въ начатомъ искѣ, но въ то время, о которомъ мы говоримъ, застаемъ въ Ставищахъ необычное оживленіе. Рождественскія святки, закончившія 1814 и открывшія 1815 годъ, благопріятствовали свободному совѣщанію громадъ, торжественные обряды и праздничныя бесѣды оживляли сильно возбужденное общее настроеніе умовъ. 14 января 1815 г. мѣщане, въ количествѣ девяноста трехъ человѣкъ, заключаютъ договоръ съ избранными изъ своей среды уполномоченными, а 25-го апрѣля того-же года вновь заключаютъ такой-же договоръ и на немъ видимъ уже 146 подписей. Подписавшіеся обязались слѣдующими условіями: 1) по требованію уполномоченныхъ громада немедленно должна собраться въ назначенномъ мѣстѣ; 2) если уполномоченные будутъ нуждаться въ деньгахъ, то собирать складчину и отдавать все до послѣдней рубахи; уклоняющіеся отъ этого самовольно подвергаются денежному штрафу; 3) уполномоченные обязаны хлопотать и трудиться до послѣдней капли крови, не щадя ни имущества, ни жизни; 4) подписавшіеся должны до конца стоять на своемъ, не складывая вины другъ на друга, и обязательство это скрѣпить присягой.

Этотъ договоръ былъ засвидѣтельствованъ законнымъ порядкомъ въ таращанскомъ уѣздномъ судѣ. Вѣсть о томъ быстро достигла крестьянъ, проживавшихъ въ предмѣстьяхъ Таращи; они также собираются громадами, выбираютъ съ своей стороны двухъ уполномоченныхъ и подписываютъ подобное-же условіе.

Командированный губернскимъ начальствомъ совѣтникъ Саксъ напрасно объясняетъ ставищанамъ, что ихъ договоръ незаконный, и совѣтуетъ уничтожить его. На такое предложеніе его они отвѣчали, что не хотятъ брать назадъ своихъ подписей, опасаясь этимъ ослабить свое дѣло. Саксъ предложилъ крестьянамъ избрать трехъ довѣренныхъ лицъ, черезъ которыхъ обязался выслать изъ Таращи документы, относящіеся къ ихъ иску. Выборъ состоялся, но, явив-

[1]) Рукопись—сенатское рѣшеніе по дѣлу крестьянъ мѣстечка Ставищъ.

пись въ уѣздный судъ, выборные отказались отъ исполненія своего полномочія, по совѣту ихъ адвоката, шляхтича Сциславскаго[1]). Отсюда возникаетъ дѣло, изложеніе котораго выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка, но которое свидѣтельствуетъ о степени напряженія возникшаго тогда въ крестьянской средѣ. — Возвратимся поэтому къ прерванному разсказу о романовскомъ искѣ.

Романовцы, какъ мы уже знаемъ, подали жалобы на притѣсненія и злоупотребленія со стороны владѣльцевъ. Естественно возникло дѣло, но не о возвратѣ имъ свободы, не о припискѣ ихъ къ казеннымъ крестьянамъ, а о справедливости предъявленныхъ ими жалобъ. Велось оно сперва въ сквирскомъ уѣздномъ, а затѣмъ въ главномъ кіевскомъ судѣ.

Сквирскій судъ, произведя разслѣдованіе, нашелъ жалобы крестьянъ неосновательными; «помѣщики, читаемъ въ его заключеніи, никому не причинили смерти, и хотя нѣкоторые изъ крестьянъ послѣ кратковременной болѣзни окончили жизнь, но помѣщики не причинили того ни побоями, ни какимъ другимъ способомъ; наказанія со стороны экономіи не назначались безъ вины, но соразмѣрялись съ важностью преступленія и крестьяне не подвергались притѣсненіямъ, такъ какъ употреблялись только для привычныхъ работъ, чему лучшее доказательство то, что они обрабатываютъ только земли, принадлежащія къ ихъ селу» и т. д. По жалобѣ жителей противъ одного изъ владѣльцевъ за обезчещеніе ихъ женъ и дочерей слѣдствіе выяснило, будто во время военнаго постоя тѣ-же самыя дѣвушки и женщины занимались пьянствомъ съ солдатами, безъ всякаго стѣсненія проводили время въ скрытыхъ мѣстахъ и даже бродили по кустамъ съ солдатами. Такъ какъ, по мнѣнію суда, все это вмѣстѣ взятое доказывало «лѣнь, нерадивость и дерзость» жалобщиковъ, то судъ постановилъ: 12 изъ жаловавшихся крестьянъ для усмиренія и примѣра наказать плетьми на мѣстѣ жительства и такому-же наказанію подвергнуть и тѣхъ 25 крестьянъ, которые признаны виновными въ дерзкихъ отзывахъ при объявленіи имъ закрѣпощенія. Писарь, составлявшій жалобы для крестьянъ, и другой, который писалъ полномочія, выданныя для веденія тяжбы, присуждены къ денежному штрафу.

---

[1]) Рукопись—Резолюція сената 3 января 1822 г.

Въ такомъ видѣ дѣло поступило на разсмотрѣніе и утвержденіе въ первый департаментъ главнаго кіевскаго суда. Приговоръ уѣзднаго суда былъ утвержденъ, но съ прибавленіемъ, что виновныхъ, по указу 22-го августа 1767 года, слѣдовало-бы наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь и что только во уваженіе ихъ невѣдѣнія наказаніе ограничивается 50-ю ударами плетей. Главный судъ, основываясь конечно на объясненіяхъ помѣщиковъ, кромѣ означенныхъ главныхъ виновниковъ, поименовалъ еще 247, изъ которыхъ десятаго предоставилъ экономіи, по ея выбору, наказать тридцатью ударами плети «за единомысліе съ вышеозначенными крестьянами, выступившими съ бездоказательными претензіями на мнимую свободу, за неповиновеніе и дерзость противъ владѣльцевъ и за то, что подражали продерзости первыхъ». «Наказаніе, заключалъ кіевскій судъ, должно быть исполнено, въ присутствіи отряда войскъ, публично въ каждомъ селѣ, смотря по мѣсту жительства присужденныхъ, въ присутствіи уѣзднаго стряпчаго, который долженъ при этой экзекуціи объяснить значеніе указа 22-го августа 1767 г. и предупредить, что всякій, кто вновь окажется виновнымъ въ подобномъ преступленіи, подвергнется приговору по всей тягости означеннаго указа». Что касается писарей, то судъ рѣшилъ, что одинъ изъ нихъ долженъ быть отдѣльно привлеченъ къ суду, другой отданъ въ солдаты или, въ случаѣ негодности, сосланъ въ Сибирь [1]).

Поразительная вѣсть о приговорѣ разнеслась быстро среди крестьянъ и повергла ихъ въ ужасъ и отчаяніе. Начавъ дѣло въ надеждѣ возвратить себѣ свободу, или по крайней мѣрѣ прекратить злоупотребленія помѣщиковъ, они видѣли теперь печальную необходимость расплатиться за свои мечты ударами плети. Помню, много лѣтъ назадъ, еще во времена крѣпостнаго права, въ одномъ мѣстѣ корчму, наполненную въ праздничный день множествомъ народа. Начинало уже смеркаться; мѣстный лирникъ, сидя на столѣ, пѣлъ довольно извѣстную пѣсню:

«Ой содома, пане-брате».

Пѣсня оканчивалась словами:

«Ой ходимо, пане-брате, по-за крути горы,
«Хай тутъ выводяться круки та вороны».

[1]) Рѣшеніе кіевскаго главнаго суда перваго департамента 16 іюля 1817 г.

Все собраніе столпилось вокругъ лирника. Лирникъ игралъ, припѣвая:

...«А щожъ маемо, пане-брате, тепера робити,
«Иде черга на панщину ввесь тиждень ходити»...

Послышался звукъ колокольчика; лирникъ отложилъ въ сторону свою лиру, публика стояла неподвижно. Кто-то выглянулъ за дверь. Послышалось: «Ни, то въ сторону поихало».

Лирникъ оставилъ прерванную пѣсню и началъ новую:

«Нема въ свити правды, правды не зъиськати,
Що теперъ неправда стала панувати».

Тихо было въ корчмѣ, слышенъ былъ только голосъ лирника, прерываемый монотоннымъ акомпаниментомъ лиры...

«На судъ изъ нимъ стати, правды не зъиськати,
Тильки сриблом̆ъ-златомъ панивъ насыщати»...

Приговоръ главнаго кіевскаго суда былъ утвержденъ тогдашнимъ кіевскимъ губернаторомъ и затѣмъ въ 1819 года сенатомъ; воля императора Александра I оставила наказаніе лишь для главныхъ виновниковъ и освободила отъ него тѣхъ 247 человѣкъ, которыхъ въ излишней ревности привлекъ къ тяжкой отвѣтственности главный кіевскій судъ.

Для исполненія высочайше утвержденнаго приговора прибылъ отрядъ войска, прошелъ изъ села въ село и отсчиталъ главнымъ обвиненнымъ назначенные удары плети подъ звуки поученія, произнесеннаго чиновникомъ.

Таковъ былъ отвѣтъ современнаго порядка вещей на стремленія и попытки къ освобожденію крестьянъ нашего староства. И это было естественно. То было время, когда принципъ крѣпостничества всецѣло примѣняли даже во вредъ владѣльцу. Я имѣю подъ руками, въ числѣ прочихъ бумагъ, замѣтку, сдѣланную «для памяти» тогдашнимъ управляющимъ бѣлоцерковскихъ имѣній. Въ ней значится [1]: «подданнымъ слѣдуетъ немного помочь, потому что разомъ съ ними падаетъ доходъ». А между тѣмъ это совсѣмъ не былъ филантропъ-мечтатель, какъ то видно изъ параграфа четвертаго той-же замѣтки: «нужно препятствовать мѣщанамъ отдавать дѣтей въ школу, а тѣхъ, которые уже учатся, раскассировать».

---

[1]) Рукопись—Отношеніе владѣльца м. Ставищъ къ сквирскому уѣздному суду, 21 февраля 1832 г.

При такомъ общемъ порядкѣ вещей, при такой роковой развязкѣ спора нашихъ крестьянъ въ 1816 г., коллективная дѣятельность съ ихъ стороны прекращается на продолжительное время. Въ теченіи этого времени, рядомъ съ накопляющимся раздраженіемъ съ одной стороны и щекотливой подозрительностью съ другой, споръ ведется, такъ сказать, партизанскимъ образомъ. Ничтожная небрежность со стороны крестьянъ, напримѣръ привозъ льда для господскаго ледника изъ другаго мѣста, чѣмъ указанное надсмотрщикомъ, или медленная доставка помѣщику лѣснаго матеріала, все это разсматривается владѣльцемъ, какъ признаки угрожающаго бунта, выростаетъ въ донесеніяхъ полиціи уѣзднымъ предводителямъ дворянства, или губернатору, выставляется, какъ хроническое упорство, «вредный духъ вольности», гнѣздившійся среди старостинскихъ крестьянъ; припоминается дѣло 1816 г. и суровый приговоръ по этому дѣлу. Наиболѣе неспокойныхъ крестьянъ ожидалъ исправительный домъ, куда помѣщики посылали того или другаго изъ своихъ крѣпостныхъ на нѣсколько мѣсяцевъ, до полу-года, «въ виду худой его нравственности и продерзкихъ поступковъ». Впрочемъ не одинъ только исправительный домъ стоялъ къ услугамъ помѣщиковъ; сенатскій указъ 10 марта 1822 г. объявляетъ, что губернское правленіе, не входя въ разсмотрѣніе причинъ недовольства со стороны помѣщика по отношенію къ его подданнымъ, обязано предоставленныхъ въ его распоряженіе крестьянъ отдавать въ рекруты безъ зачета, а въ случаѣ ихъ неспособности высылать въ Сибирь на поселеніе.

Случалось, что крестьянинъ, выведенный изъ терпѣнія надсмотрщиками, рѣзко отзывался къ нимъ или напоминалъ о своихъ правахъ вслѣдствіе принадлежности села къ прежнему староству. Этого было достаточно для самой жестокой расправы, отъ которой не могли охранить никакія жалобы. Такой случай имѣлъ мѣсто въ 1823 г. въ одномъ изъ старостинскихъ селъ. Избитые экономомъ 4 крестьянина обратились съ жалобой въ уѣздный судъ. Началось разслѣдованіе, дѣло перешло въ кіевскую палату. Слѣдователи удостовѣрили, что экономъ отсчиталъ провинившимся всего десять или двѣнадцать плетей, не больше. Судъ нашелъ, что «такое наказаніе для введенія порядка и воздерживанія людей простаго класса, въ особенности въ то время, какъ панскій хлѣбъ, стоя на корнѣ, начи-

наетъ портиться, а сѣно уже сгнило, единственно по причинѣ неповиновенія крестьянъ»..., слѣдуетъ «за нужное и пристойное признать». Но этимъ онъ не ограничился и для внушенія повиновенія присудилъ каждаго изъ жаловавшихся крестьянъ къ наказанію десятью ударами плети.

Отданные всецѣло произволу помѣщиковъ и покровительствовавшихъ имъ властей, крестьяне хранили въ душѣ затаенное раздраженіе, иногда-же и надежды на улучшеніе ихъ быта, и проявляли то и другое въ тайныхъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ, въ небрежномъ отбываніи панщины, рѣзкихъ отзывахъ по адресу надсмотрщиковъ, въ безплодной похвальбѣ или общественномъ давленіи на тѣхъ, кто рѣшался принять должность асаула, обязаннаго по своей профессіи «выгонять» крестьянъ на панщину и наблюдать за работами. Кромѣ сыпавшихся экспромптомъ на асауловъ сарказмовъ и ругательствъ, въ народѣ жило язвительное для нихъ повѣрье, по которому, если кротъ роетъ нору, то чтобы удержать его, нужно сказать: «не крути, бо буде тоби, якъ осаули на тимъ свити».

Одною изъ формъ пассивнаго протеста крестьянъ были побѣги. Частные архивы переполнены подобными дѣлами. Отъ тягости крѣпостной жизни укрывались въ различныхъ мѣстахъ: то у крестьянъ или чиншевой шляхты сосѣдихъ селъ и на кіевскихъ кирпичныхъ заводахъ, то у владѣльцевъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, то, наконецъ, въ херсонскихъ степяхъ и въ «Бессарабіи». Кто попадалъ въ эти послѣдніи мѣста, тотъ уже могъ быть спокоенъ; случалось что такой бѣглецъ находится въ услуженіи у становаго пристава, который тѣмъ временемъ розыскивалъ бѣглыхъ по всѣмъ направленіямъ. Препятствіемъ къ побѣгамъ являлась не столько бдительность полиціи, сколько тоска по родинѣ.

Въ этихъ общихъ условіяхъ тогдашняго крестьянскаго быта жили и крестьяне бывшаго романовскаго староства; но ихъ чувства и стремленія не истощались въ одномъ пассивномъ сопротивленіи. Завѣтная ихъ мечта добиться такъ или иначе освобожденія отъ крѣпостной зависимости, на основаніи давней принадлежности къ староству и относившихся къ нему привиллегій, не покидала ихъ никогда и проявлялась при каждомъ благопріятномъ, по ихъ мнѣнію, случаѣ. Когда занявшій должность кіевскаго генералъ-губернатора, Желтухинъ, черезъ посредство уѣздныхъ судовъ, пригласилъ жителей об-

ращаться прямо къ нему съ жалобами на низшую администрацію, крестьяне бывшаго романовскаго староства засыпали его жалобами на помѣщиковъ, оставленными однако безъ всякихъ послѣдствій. Когда въ 1831 году былъ прочитанъ въ церквяхъ указъ, грозившій конфискаціею имущества тѣмъ помѣщикамъ, которые рѣшились-бы принять участіе въ возстаніи, и крестьяне во многихъ мѣстахъ поняли его такъ, что отобраніе имѣній частныхъ владѣльцевъ въ казну должно быть повсемѣстнымъ, романовцы не сомнѣвались, что такъ поступлено будетъ по крайней мѣрѣ съ бывшими старостинскими имѣніями. Начались совѣщанія, особливо въ сосѣднихъ Ставицахъ, раздавались угрозы противъ существующаго крѣпостнаго порядка, собирались складчины, выискивались надежные ходаки. До процесса однако на этотъ разъ не дошло. Серьезно принялись романовцы за отыскиваніе своихъ вольностей лишь въ 1844 г. Въ это время двое изъ романовскихъ жителей, Ѳома Дидусь и Максимъ Грива, обратились отъ имени своей громады къ губернскому прокурору съ просьбою оказать имъ покровительство, въ смыслѣ защиты отъ владѣльца, въ дѣлѣ отыскиванія свободы отъ его власти. Просьба основывалась на томъ, что царь, утверждая извѣстный уже намъ приговоръ кіевской судебной палаты по дѣлу, начатому крестьянами о причисленіи ихъ къ свободному сословію, въ тоже время предоставилъ имъ право вчать снова это дѣло въ сенатѣ, если они могутъ подтвердить его новыми доказательствами, которыхъ не имѣлось въ виду при его первоначальномъ разсмотрѣніи. Романовцы ссылаются, какъ на такіе документы, на королевскую привилегію 1557 г., на рѣшеніе ассесорскаго суда 1792 г. и брацлавскаго магистрата отъ 26 февраля 1797 года. Сверхъ того они просятъ прокурора оказать имъ законное содѣйствіе въ томъ, чтобы помѣщикъ не препятствовалъ имъ въ выборѣ уполномоченныхъ, которые продолжали-бы вести это дѣло, —заявляя, что впредь до рѣшенія дѣла будутъ выполнять всѣ обязанности, вытекающія изъ ихъ общественнаго положенія. Обставленное вполнѣ легально, прошеніе это было поддержано прокуроромъ, который черезъ губернское правленіе поручилъ сквирскому земскому суду и стряпчему, по справкамъ на мѣстѣ, оказывать крестьянамъ законное покровительсто въ этомъ дѣлѣ. Предписаніе это переходитъ поочередно къ исправнику и становому. Отсюда возникаетъ обширная

переписка между помѣщикомъ и названными чиновниками. Помѣщикъ отвѣчаетъ уклончиво по содержанію просьбы, ссылается на продажу ему имѣнія казною, на прежнія резолюціи по дѣлу о староствѣ и т. д. Власти требуютъ, чтобы онъ согласился на выборъ уполномоченныхъ, или-же мотивировалъ свой отказъ. Поддержка со стороны правительства, оказанная крестьянамъ при началѣ дѣла, вызвала у нихъ предположеніе, что и самая сущность дѣла можетъ разсчитывать на такую-же поддержку; собираются складчины и въ тоже время громада на тайныхъ совѣщаніяхъ выбираетъ уже трехъ уполномоченныхъ: Гаврила Олексіенка, Григорія Олексіенка и Федора Сучка. Полиція дѣлаетъ помѣщику новый запросъ о томъ, согласенъ-ли онъ на состоявшійся выборъ уполномоченныхъ, и если нѣтъ, то почему именно. Въ пространной отпискѣ къ губернатору и полиціи помѣщикъ указываетъ на опасность покоровительства, оказаннаго до того времени прокуроромъ и наконецъ объявляетъ, что отказываетъ въ согласіи на выборъ представителей въ видахъ сохраненія порядка и спокойствія, о которыхъ онъ обязанъ заботиться въ качествѣ помѣщика.

Дальнѣйшія подробности этого новаго процесса, такъ повидимому благопріятно начатаго, намъ неизвѣстны; но изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ бумагъ узнаемъ, что одинъ изъ выборныхъ представителей (Гаврило Олексіенко) впослѣдствіи былъ отправленъ въ арестантскія роты для исправленія «дурной его нравственности и дерзкихъ поступковъ»; подъ 1852 г. встрѣчаемъ дѣло о побѣгѣ другаго изъ нихъ, Федора Сучка. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это былъ эпилогъ веденнаго ими дѣла: «котори мали трохи клепки въ голови, погныли въ тюрмахъ»—говорилъ мнѣ Федько Грива, племянникъ одного изъ иниціаторовъ дѣла 1844 года.

Въ 1848 году произошли значительныя перемѣны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ: объявлены инвентарныя правила, признававшія неотъемлемое пользованіе крестьянъ ихъ землями, бывшими до того времени въ рукахъ помѣщика, урегулировавшія отбываніе панщины и ограничивавшія произволъ помѣщичьей власти. Но правила эти далеко не были въ состояніи удовлетворить желаніямъ романовскихъ крестьянъ, считавшихъ себя въ правѣ получить нѣчто гораздо большее.

Освобожденіе крестьянъ должно было повидимому совершенно успокоить романовцевъ и положить конецъ многолѣтнимъ ихъ усиліямъ и исканіямъ; но именно оно возбудило въ ихъ средѣ новое движеніе, имѣвшее конечно цѣлью вмѣстѣ съ даруемою свободою получить по праву, безъ выкупа, принадлежавшія имъ когда-то на правахъ собственности земли. Въ концѣ 1862 г. у нихъ опять собираются складчины для продолженія старостинскаго дѣла, подаются соотвѣтственныя заявленія властямъ, которыя разсылаютъ по экономіямъ запросы о старинныхъ правахъ и привиллегіяхъ мѣстныхъ жителей. Романовцы опять, хотя тщетно, безъ послѣдствій, выдвигаютъ и пускаютъ въ ходъ свои «права»,—извѣстные уже намъ документы и на первомъ планѣ столь памятную имъ привиллегію 1791 г., явленную въ романовскомъ магистратѣ.

Не далѣе наконецъ, какъ въ 1882 г., вновь оживился вѣковой процессъ нашего уголка. Что было причиною оживленія именно въ это время старой традиціи, сказать трудно. Мнѣ передавали, что было гдѣ-то какое-то распоряженіе о представленіи юридическихъ документовъ на право владѣнія крестьянскими садами, разбросанными въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Очень можетъ быть, что именно это распоряженіе, не имѣющее никакого практическаго отношенія къ данной мѣстности, напомнило романовцамъ ихъ «права» на земли вообще, имъ когда-то предоставленныя въ вѣчную собственность, а теперь ими на общемъ основаніи выкупаемыя. Какъ-бы ни было, пошли опять въ бывшемъ староствѣ толки, совѣщанія, бесѣды. Населеніе оживилось; крестьяне говорили: «коли батьки наши стояли за свое право, намъ за встыдъ було-бъ занехаяти таке дило». Собирая складчины на веденіе дѣла, крестьяне разсуждали, что если отцы ихъ могли рисковать для него спиною и самою жизнью, то сыновья не должны жалѣть нѣсколькихъ рублей, хотя-бы для того только, чтобы окончательно убѣдиться, имѣетъ-ли ихъ старинное право какое нибудь значеніе. Еще разъ вынуты были документы, на которыхъ долженъ былъ опираться искъ, еще разъ и не одинъ разъ сходились жители селъ прежняго старосства и вели горячія, одушевленныя бесѣды, а среди этихъ заботъ и толковъ сильнѣе бились подъ грубыми свитками сердца потомковъ «вольнаго города Романова съ его прилеглостями». Но, не смотря на сильное возбужденіе и оживленіе, не смотря на радужныя мечты о широ-

кихъ послѣдствіяхъ вчинаемаго дѣла, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ романовцы старались сохранить всѣ законныя формы. Кто, когда и какъ убѣдилъ ихъ въ безплодности и несвоевременности возобновляемаго иска, остается неизвѣстнымъ; но въ концѣ концевъ начатое дѣло было оставлено и, какъ кажется, предано уже вѣчному забвенію.

Такъ непримѣтно самъ собою замиралъ процессъ, который тянулся въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія съ различными перерывами, въ различныхъ формахъ, и никогда не приносилъ желаемыхъ практическихъ результатовъ. Какой-же слѣдъ оставили эти вѣковыя усилія не вооруженнаго, не бунчучнаго, сермяжнаго люда?—Здѣсь, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, истцы проигрывали вчинаемые въ различныхъ инстанціяхъ процессы; но приговоры общаго историческаго процесса стали наконецъ склоняться въ ихъ пользу и одною изъ важнѣйшихъ «*piéces justificatives*» въ этомъ большомъ дѣлѣ есть, несомнѣнно, засвидѣтельствованное въ различныхъ формахъ и мѣстахъ, не утраченное среди весьма тяжелыхъ жизненныхъ условій, чувство человѣческаго достоинства и право на согласныя съ этимъ достоинствомъ учрежденія.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

VI.

Хозяйство у Балабухи шло плохо. Самъ онъ не любилъ ходить около него, любилъ больше книжку почитать, или просто полежать съ трубкою въ зубахъ. Прихожане не вызывались на добровольную помочь ему въ хозяйствѣ, какъ это водилось въ другихъ мѣстахъ, не рѣдко и на приглашенія его выорать поле или скосить хлѣбъ отвѣчали отказомъ и лишь въ силу давняго обычая убирали для него сѣно «толокою». Балабуха не любилъ бывать лично на полевыхъ работахъ и полагался во всемъ на слугъ и рабочихъ.

Настала въ хозяйствѣ горячая пора, началась уборка хлѣба. Тутъ-то именно и нуженъ былъ хозяйскій глазъ въ полѣ, а Балабуха и не думалъ о томъ. Олеся, не дождавшись, пока мужъ ея соберется выѣхать на ниву, стала часто напоминать ему объ этомъ.

— И чомъ бо ты, господарю, николи не выглянешъ, що тамъ робиться у тебе въ поли. Поѣхавъ-бы, та подивився, та роспорядивъ бы самъ... говорила Олеся.

— То й пойдь: подивись, та й мени скажешъ.

— Отъ выдумавъ! Не такъ я зросла, щобъ на поле ѣздити.

---

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., январск. кн., стр. 133—156.

— Ажежъ други матушки ѣздять? Отъ подивись, якъ працюе Онисія Степановна: сама на поле побижить, сама всего догляне, сама й вечерю косарямъ зварить...

— А ты хочешъ, щобъ и я варила косарямъ вечерю, пидтыкавши спидницю, якъ та Мосаковська? Ну, сёго одъ мене не диждешь. Це-бъ гарно було, щобъ я загорила, якъ цыганка. Це твое дило: ѣдь самъ, не линуйся. А то тильки знаешь, що зъ книжкою, та зъ люлькою вывернувшись лежать.

— Кому яка подоба: кому зъ люлькою, а кому зъ Баньковськимъ...

— А це що? Може знову не будешъ три дни говорити. Дався тоби той Баньковській... Вдягайся лишъ та ѣдь у поле. Добра возовиця! Де сонце, а наймиты ще тильки возы лаштують. Багато вони тоби навозять, якъ самъ не доглянешъ.

И дѣйствительно, солнце высоко уже стояло въ небѣ, а наймиты все еще сновали по двору, отыскивали ярма и другія снасти, а волы, нѣсколько проголодавшіеся послѣ ночной пастьбы, стояли понапрасну.

Нехотя Балабуха поднялся съ канапки, вышелъ на дворъ и сталъ торопить наймитовъ ѣхать въ поле за перестоявшей давно въ копнахъ пшеницей. Пообѣдавъ наскоро, онъ велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ въ поле, чтобы разомъ посмотрѣть «озимину» и «ярину». Пріѣхалъ на озимыя поля, видитъ, тамъ работа идетъ, какъ мокрое горитъ: недожатая и переспѣлая пшеница осыпается, нѣсколько копенъ разбиты чужими или его же волами, собранныхъ старостою по селу жнецовъ было очень мало, высланные за снопами возы торчали у копенъ, волы бродили по сжатой нивѣ, одинъ забрался даже въ пшеницу, а наймиты спали подъ возами. Прикрикнувъ на наймитовъ, поощривъ насухо жнецовъ, Балабуха поспѣшилъ переѣхать въ ярину и тутъ увидѣлъ нѣчто еще болѣе печальное: просо заросло «щирицею», гречиха чуть-чуть поднялась и сохла отъ недостатка дождя, переспѣлый густой ячмень помяло и повалило вѣтромъ, овесъ уродился плохой, чуть не на половину съ сорной травой; его приходилось снимать на «голую» косу, но и на то косарей не нашлось. Вышелъ одинъ Прокопъ, прозванный «не вси дома», и усердно съ позаранку махалъ на право и на лѣво косой, не разбирая, что подъ косу попадало: овесъ, трава, лопухъ или просто бурьянъ. Косилъ онъ такъ, что даже коса трещала; но когда какъ нибудь

невзначай остановится, тутъ уже станетъ и стоитъ, устремивъ глаза въ одну точку, пока кто нибудь не окликнетъ его, или не дернетъ за рукавъ. Такъ было и теперь. Прокопъ съ косою въ рукахъ стоялъ неподвижно, когда къ нему подъѣхалъ Балабуха.

— Що це ты, дурню, косишъ? окликнулъ его Балабуха.

— Овесъ, овесъ, батюшка, чуть не вскрикнулъ Прокопъ.

— Якій же то овесъ! Хиба не бачишъ, що то бурьянъ? А бачишъ, що то самый бурьянъ, то обминавъ-бы; бо на вищо намъ здався той бурьянъ.

— А справди бурьянъ. А я соби й байдуже, махаю, та махаю косою.

Пока Балабуха осмотрѣлъ «ярину» и переѣхалъ на «озимину», наймиты успѣли уже наложить возы снопами и тронулись съ поля. Балабуха, довольный хотя этимъ, прилегъ было подъ копной, спасаясь отъ сильной жары; но не успѣлъ онъ протянуться и отереть градомъ катившій съ него потъ, какъ увидѣлъ, что одинъ изъ возовъ, при выѣздѣ съ поля на дорогу, отъ крутаго поворота повалился на бокъ, при чемъ отъ сильнаго толчка лопнула подгнившая веревка и снопы разсыпались по полю. Балабуха поспѣшилъ туда и по осмотрѣ убѣдился, что не остается ничего другаго, какъ разбирать снопы и снова складывать на возъ. Выбранивъ порядкомъ наймитовъ и наказавъ имъ по перекладкѣ ѣхать съ большою осторожностію, Балабуха пошелъ посмотрѣть посѣянные тутъ-же ленъ и коноплю и снова залегъ подъ копной. Отъ усталости и жары онъ даже вздремнулъ, а когда очнулся, возы съ пшеницей были уже далеко, и онъ пустился за ними въ догонку. Но тутъ новая бѣда: на полдорогѣ одинъ изъ тяжело нагруженныхъ возовъ попалъ переднимъ колесомъ въ маленькую рытвину, старая ось треснула и возъ со всего размаху повалился на землю.

— Чортова справа коло дядьковаго воза! невольно воскликнулъ подъѣхавшій Балабуха.

— Стари возы, то й ламаются, замѣтилъ наймитъ и со злости сталъ бить ни въ чемъ неповинныхъ воловъ.

— За що ты, блазенъ, мучишъ худобу? вскричалъ на него Балабуха.—Стари возы, а ты молоденькій и раденькій, що дурненькій. Самъ, роззяво, не доглядивъ, а скотину бьешъ.—Що теперь въ свити Божому робити?

— А що-жъ робити? замѣтилъ старшій изъ наймитовъ. Треба комусь бигти до села, та воза позычати, а мы потягнемо по маленьку до дому.

Думать и возражать тутъ было нѣчего, и Балабуха, усѣвшись на свою разшатанную бричку, погналъ лошадей, чтобы скорѣе выслать старосту съ возомъ; но, проѣзжая по узкимъ улицамъ мѣстечка, зацѣпился за уголъ жидовской лавки, ось треснула, колесо отлетѣло въ сторону и Балабуха протянулся на развалинахъ своей брички, едва успѣвъ сдержать лошадей.

— Тпфу на тебе, сатано, съ твоимъ господарствомъ! сказалъ онъ, поднимаясь въ виду сбѣжавшихся жидовъ.

Передавъ бричку и лошадей одному изъ подвернувшихся прихожанъ, раздосадованный Балабуха поплелся домой. Тутъ онъ послалъ горбатую свою Килину за старостою, а самъ съ досады принялся за трубку и сосалъ ее съ такимъ ожесточеніемъ, что изъ открытыхъ оконъ валилъ дымъ какъ-бы отъ начинавшагося пожара. Когда явился староста, Балабуха, разсказавъ ему о постигшихъ его приключеніяхъ, съ горечью прибавилъ:

— Бери соби, старосто, и поле, и хлибъ—чи съ половины, чи съ третины, якъ хочъ, щобъ я не мавъ того клопоту. Цуръ ёму, пекъ ёму тому господарству! Бери воза та їдь мерщій въ поле, щобъ не валялись снопы по шляху.

Староста пошелъ собираться съ возомъ въ поле, а Балабуха, захвативъ подъ мышку книжку, побрелъ въ садъ, чтобы забыться на время отъ постигшихъ его хозяйственныхъ неудачъ. Онъ такъ былъ разстроенъ, что, придя домой, не спросилъ о женѣ и теперь, уходя изъ дому, не думалъ о томъ, гдѣ она находится: въ комнатахъ, или въ саду, или же гдѣ либо у знакомыхъ.

Между тѣмъ Олеся, оставшись одна, скоро соскучилась и стала думать о томъ, чѣмъ-бы развлечь себя. Придумала она пригласить становаго пристава, Трофима Максимовича Ломачевскаго, и послала къ нему записку. Баньковскій не много уже прискучилъ ей; притомъ за Баньковскаго ей доставалось не разъ отъ мужа, и она рѣшилась повести атаку на становаго. Ломачевскій былъ не первой уже молодости кавалеръ, но здоровый, плечистый, черноволосый, съ широкимъ лбомъ, длинными густыми усами и съ большими карыми блестящими глазами. Олесѣ не казался непріятнымъ даже короткій,

нѣсколько вздернутый носъ Ломачевскаго, а его развязность и всегдашняя веселость и прямо влекли ее къ нему.

Въ ожиданіи Ломачевскаго, Олеся вышла въ садъ, куда и звала его къ себѣ. Она взяла съ собой книжку и не большую работу, скорѣе для развлеченія, чѣмъ для занятія. Придя въ бесѣдку, Олеся принялась было читать; но глаза ея едва скользили по строкамъ, а голова занята была совсѣмъ другимъ. Взялась за вышиванье, но и эта работа скоро прискучила. Внизу шумѣла Рось; вплотную облегавшій бесѣдку дикій виногдрадъ не пропускалъ въ нее не одного солнечнаго луча и закрывалъ виды на горизонтъ и на скалистые берега Роси. Олесѣ наскучило сидѣть въ полумракѣ и духотѣ и она выдвинулась за порогъ бесѣдки, чтобы съ меньшимъ неудобствомъ дожидаться прихода гостя.

Вскорѣ показался Ломачевскій изъ-за скалъ и Олеся пошла къ нему навстрѣчу, издали кокетливо махая платкомъ. Замѣтивъ это, Ломачевскій любезно раскланялся и спѣшилъ поближе подойти. Олеся спустилась чуть не до половины горы и въ живописной позѣ остановилась на скалѣ, повисшей надъ водою. Ломачевскій нетерпѣливо пробирался къ ней по тропинкамъ и камнямъ.

— Чомъ вы такъ довго не приходили? заговорила къ нему Олеся, когда онъ былъ отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ. А я зосталась сама и трохи не вмерла зъ нудьги,—Марко Павловичъ поихавъ десь на поле, а я тутъ одна... Спасиби, що прійшли; отъ походимо трохи по садку.

Ломачевскій, добравшись наконецъ до Олеси, нѣжно приложился къ ея ручкѣ и сталъ рядомъ съ ней на обрывистой и острой скалѣ. Внизъ, съ боку скалы, спускалась узенькая, извивавшаяся между камней тропинка, по которой умѣлъ пробираться лишь Прокопъ, таская изъ Роси воду для поливки цвѣтовъ и деревьевъ. Олеся воспользовалась ею для перваго заигрыванья съ Ломачевскимъ.

— О, якъ бы мени хотилось спуститця по цій дорижци до самои Роси, та боюсь, що впаду! кокетливо заговорила она.

Моментально Ломачевскій повернулся въ бокъ, сдѣлалъ прыжокъ внизъ и молча протянулъ руку Олеси.

— Ой, боюся впасти! крикнула Олеся, занося ногу на лежавшій ниже большой камень.

Ломачевскій ловко схватилъ ее подъ руку и поставилъ на камень. Олесѣ понравилось играть въ испугъ и она съ камня спрыгнула на круто-спускавшуюся, усыпанную мелкими камушками тропинку. Ломачевскій взялъ ее подъ руку.

— Ой, упаду! Яка крута гора! крикнула Олеся, скользнувъ ногами по мелкимъ камушкамъ, и упала на руки Ломачевскому.

Ломачевскій схватилъ ее за талію обѣими руками и понесъ внизъ. Олеся закатила глаза вверхъ и, точно въ обморокѣ, повисла неподвижно на его рукахъ.

Тропинка, по которой съ большимъ трудомъ и невѣроятными усиліями спускался Ломачевскій, неся Олесю на рукахъ, выходила на узкую, поросшую густой травой ложбину и прорѣзывала ее вдоль до самаго берега Роси. Ложбина закрыта была съ трехъ сторонъ высокими скалами, по краямъ которыхъ лѣпились кусты дерезы, терна, шиповника и смородины. Все дно ложбины усѣяно было камнями, то совершенно скрывавшимися въ высокой травѣ, то выказывавшими кой-гдѣ свои острыя и плоскія верхушки. Прилегающій къ ней берегъ Роси представлялъ собою родъ залива, поверхность котораго почти сплошь покрыта была широкими листьями пышно разцвѣтшей водяной лиліи. Далѣе къ срединѣ вода тихо переливалась по камнямъ и чуть слышно шумѣла, точно ласкалась и играла съ ними. По самой срединѣ рѣки чуть-чуть возвышался надъ водой каменистый островъ, по краямъ и щелямъ котораго сердито и шумно била вода, а на другомъ берегу, подъ высокой гранитной стѣной, пріютилась мельница съ пятью быстро вращавшимися и шумѣвшими колесами.

Увидѣвъ, что насталъ конецъ придуманной опасности, Олеся быстро освободилась изъ объятій Ломачевскаго и пустилась къ берегу по зеленой ложбинѣ, перепрыгивая съ камня на камень. Ломачевскій бросился за ней, стараясь поймать ее.

— Отъ же не піймаете, сказала Олеся, устремляясь все ближе къ берегу и заманивая гостя въ такія мѣста, гдѣ между камнями стояла вода, закрытая широкой осокой, да высокимъ тростникомъ.

— Ба піймаю, съ увѣренностію сказалъ Ломачевскій и заскакалъ по камнямъ. Олеся съ легкостію серны перелетала съ камня на камень, подобравъ подолъ платья и шевеля листьями водяныхъ порослей. Ломачевскому никакъ не удавалось поймать ее, а это

вводило его еще въ большій азартъ. Ловкими прыжками Олеся забралась на камень, закрытый тростникомъ и, выглядывая оттуда, дразнила своего случайнаго обожателя. Тотъ прыгнулъ съ размаху чрезъ два камня, поскользнулся и чуть не бултыхнулъ въ воду, но успѣлъ удержаться, замочивъ лишь одну ногу.

Олеся хохотала, хлопала въ ладоши. Ломачевскій сдѣлалъ новое усиліе, прыгнулъ, какъ тигръ, и схватилъ Олесю за талію; но Олеся ловко извернулась и, сдѣлавъ еще два прыжка, выскочила на берегъ.

— А що, піймали! говорила она, стоя уже на берегу и, указывая на высунувшуюся изъ воды лягушку, добавила:

— Не піймали мене, то піймайте хоть цю жабу.

— Хиба вы зъ роду не бачили жабы? отзывался издали Ломачевскій, не рѣшавшійся пробираться на берегъ, чтобы опять не попасть въ воду.—И на що вамъ та жаба?

— Хочу подивиться, яки въ ней зубы, сказала Олеся.

— И де це вы бачили у жабы зубы?

— Не бачила, а хочу побачити. О то кавалеръ, що и жабы не піймае! Аще становый.

Пристыженный кавалеръ бросился ловить лягушку. Лягушка долго то ныряла въ воду, то выползала на камень, пока наконецъ не попала въ руки становаго. Замочивъ руки и ноги, онъ съ торжествомъ наконецъ вынесъ лягушку на берегъ и, поднявъ высоко вверхъ, направился къ Олесѣ. Олеся вскрикнула и пустилась удирать; Ломачевскій догналъ ее у скалы. Олеся прислонилась къ скалѣ, выкрикивала тоненькимъ голоскомъ, отмахивалась руками, а Ломачевскій все приставалъ къ ней, чтобы посмотрѣла, какія у лягушки зубы. Олеся вильнула въ бокъ и пустилась снова въ бѣгство, оборачиваясь назадъ и крича:

— Киньте жабу, а то втичу до дому!

Ломачевскій сжалился наконецъ и бросилъ лягушку въ воду. Не на шутку испуганная Олеся только теперь успокоилась, вытерла платкомъ навернувшіяся слёзы и присѣла на плоскомъ широкомъ камнѣ. Ломачевскій сѣлъ около нея и тяжело дышалъ. Олеся не дала ему отдохнуть, придумала новую затѣю съ цѣлью подзадорить его и вызвать на любезности.

— Ой, яки гарни квиточки ростуть онъ на скели! сказала она, кокетливо поглядывая то на скалу, то на кавалера.—Полизьте, та нарвить.

— Отъ захотилось въ Петривку мерзлого! отвѣчалъ усталый Ломачевскій.

— А у васъ мабуть и зимою лёду не выпросишъ.

— Ни, пани; я жартую. Але яки тамъ квитки? То такъ соби бурьянъ.

— То вамъ здается. Мабуть вы линуетесь полизти, або боитесь, що не долизете.

Самолюбіе Ломачевскаго было задѣто; отговариваться долѣе казалось ему невозможнымъ и онъ, окинувъ глазами скалу и вытерши лице платкомъ, съ жаромъ и бодро сталъ подниматься вверхъ по отвѣсной почти стѣнѣ, хватаясь за кустики, за всякую зазубрину и щель, чуть-чуть держась на острыхъ и скользкихъ выпуклостяхъ каменной стѣны. Вверху, на широкомъ откосѣ скалы, въ узкихъ и частыхъ разсѣлинахъ, группами и отдѣльно, пестрѣли одуванчики, полевые васильки, ромашка, материнка, чебрецъ. Ломачевскій пробрался сквозь кусты терна и дерезы къ откосу скалы и всей пятерней дернулъ нависшіе цвѣты. Мелкіе камешки, перемѣшанные съ пескомъ и глиной, посыпались ему на голову и плечи. Олеся хохотала внизу, подзадоривая кавалера и любуясь его высокою и сильною фигурою, которая какъ-бы повисла на каменной стѣнѣ, прикрытая на половину зеленью. Ломачевскій рванулъ еще раза два, что попало подъ руку, и съ цѣлымъ кустомъ цвѣтовъ еще съ большею осторожностію сталъ спускаться внизъ. Глядя на него, Олеся сравнивала его съ принцемъ Ибрагимомъ, какимъ нарисовало послѣдняго ея пылкое воображеніе, и нашла сходство, но не полное: только глаза его блестятъ, какъ у Ибрагима, подумала Олеся про себя и слегка вздохнула.

Опасная экспедиція сошла для Ломачевскаго благополучно, но стоила ему большихъ усилій и даже мученій. Лице его раскраснѣлось, какъ-бы онъ сидѣлъ у костра, руки были исцарапаны, платье измято и испачкано, потъ катилъ съ него градомъ, волосы совсѣмъ прилипли къ мокрымъ вискамъ, глаза горѣли отъ сильнаго внутренняго волненія, весь онъ былъ измученъ и едва переводилъ дыханіе. Собравъ послѣднія силы и приведя въ кое-какой порядокъ сорванные цвѣты, онъ приноднесъ ихъ Олесѣ, комично опустившись передъ нею на одно колѣно. Ему естественно было ждать отъ Олеси особой любезности; но она лишь понюхала поднесенные ей цвѣты и бросила въ воду, сказавъ съ недовольной миной:

— Пфе, бурьяномъ пахнуть!

— А не казавъ я вамъ, що скортило въ Петривку мерзлого?— замѣтилъ ей Ломачевскій.

— Та вже-жъ бачу, що и у васъ середъ зимы можно лёду выпросить.

— Добре, лёду! Вже и бурьяномъ пахнуть? Потривайте-жъ, я вамъ отдячу: піймаю зновъ жабу, та таки вкину вамъ за рукавъ.

И съ этими словами Ломачевскій бросился къ водѣ за лягушкой. Олеся вскрикнула и полетѣла со всѣхъ ногъ на гору; Ломачевскій погнался за нею. Олеся вбѣжала въ бесѣдку, усѣлась у стола, схватила свою работу и стала вышивать. Разгоряченный Ломачевскій влетѣлъ въ слѣдъ почти за Олесей и, усѣвшись ря- рядомъ съ нею, чувствовалъ, что не въ силахъ долѣе сдерживать себя. Олеся вся раскраснѣлась, грудь ея высоко поднималась.

— Киньте цю роботу; на що вона вамъ здалась? заговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ Ломачевскій, наклоняясь къ Олесѣ.

— Якъ на що? отвѣчала она, кокетливо играя разгорѣвшимися глазами. Пошию та приберусь, то й покращаю.

— Вы й такъ гарни, залепеталъ Ломачевскій и, увлекаемый страстью, еще ближе придвинулся къ Олесѣ и обнялъ ее за талію. Олеся отодвинулась отъ него, онъ схватилъ ея работу; Олеся не выпускала изъ рукъ, онъ усиливался отнять. Завязалась борьба, въ разгарѣ которой Ломачевскій безцеремонно заключилъ Олесю въ свои объятія и сталъ покрывать лице ея горячими и звонкими поцѣлуями.

Какъ разъ въ это время Балабуха, направившійся въ садъ послѣ разговора со старостою, подходилъ къ бесѣдкѣ. Онъ издали видѣлъ, какъ юркнула въ нее жена, какъ вслѣдъ за нею влетѣлъ туда-же Ломачевскій, слышалъ даже ихъ оживленный споръ, закончившійся поцѣлуями, и тѣмъ скорѣе спѣшилъ къ бесѣдкѣ. Олеся и Ломачевскій, заслышавъ, что кто-то приближается къ бесѣдкѣ, замолкли и приняли самый серьезный видъ. Олеся поспѣшно схватила свою работу и стала такъ усердно вышивать, какъ будто ей нужно было окончить ее къ сроку. Ломачевскій сѣлъ на почтительномъ разстояніи и заговорилъ о какомъ-то грабежѣ, или разбоѣ, случившемся въ его станѣ и требовавшемъ скорой его поѣздки.

Когда Балабуха вошелъ, онъ любезно поздоровался съ нимъ и продолжалъ разсказъ; Олеся слушала, не отрывая глазъ отъ работы.

Балабуха гнѣвно взглянулъ на гостя и жену и усѣвшись, молча курилъ трубку. Въ душѣ у него все перевернулось вверхъ дномъ; но онъ не высказалъ этого ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Ему хотѣлось-бы схватить Ломачевскаго въ охапку и пустить его со скалы въ воду; но, будучи отъ природы робкимъ и еще болѣе флегматичнымъ, онъ отдѣлывался и на этотъ разъ, какъ и прежде, однимъ упорнымъ молчаніемъ.

— Часъ, здаеться, уже и чай пити, нерѣшительно произнесла Олеся, когда Ломачевскій кончилъ свой разсказъ, и съ этими словами поднялась съ мѣста и направилась изъ бесѣдки, приглашая гостя и мужа.

Балабуха и Ломачевскій послѣдовали за нею, не глядя другъ на друга и какъ-бы обдумывая каждый свое положеніе. Становому приходилось бывать и не въ такихъ дѣлахъ, и онъ скоро овладѣлъ собою и пустился разсказывать опять о происшествіяхъ въ своемъ станѣ. Олеся разсѣянно слушала, идя впереди; ее занималъ вопросъ: замѣтилъ-ли мужъ ея заигрыванье съ становымъ, или его молчаніе вызвано какими либо другими неудачами. Пришли наконецъ въ комнаты и сѣли за чай. Въ сборахъ къ чаю и за чаемъ Олеся ломала голову надъ безпокоившимъ ее вопросомъ и, порѣшивъ въ концѣ концевъ, что мужъ ничего не могъ видѣть, принялась по прежнему весело болтать съ Ломачевскимъ. Балабуха курилъ и не отозвался къ нимъ ни однимъ словомъ. Ломачевскій, часто входившій въ сношенія съ Балабухою, и по дѣламъ, и какъ знакомый, и впервые наблюдавшій его въ такомъ разстроенномъ видѣ и неестественномъ молчаніи, скорѣе сообразилъ, что Балабуха могъ подсмотрѣть или подслушать ихъ, и поспѣшилъ ретироваться домой, какъ только кончили чай. Остались мужъ съ женой вдвоемъ.

Олеся убирала стаканы и искоса поглядывала на мужа, выжидая, не заговоритъ-ли онъ самъ; но Балабуха и не думалъ говорить.

— Чи ты обламавея въ дорози, що середъ двора стоить поламана наточанка? спросила Олеся, послѣ нѣкотораго раздумья, какимъ-то ненатурально высокимъ тономъ, обличавшимъ ея безпокойство и вмѣстѣ неискренность.

— Вмѣсто отвѣта Балабуха потянулъ къ себѣ стаканъ съ недопитымъ чаемъ.

— А що це й доси нема возивъ зъ снопами? Може де обламалисъ, або перекинулись?—спросила опять Олеся и тѣмъ еще болѣе взбѣсила мужа.

Балабуха сердито повернулся на стулѣ, но не взглянулъ на жену и молча допивалъ свой чай.

— И чомъ це ты не обзивасся? чи ты сердитый на кого, чи що? съ видомъ недовольства уже спросила Олеся.

Балабуха пабилъ вновь трубку, закурилъ, легъ на канапкѣ и потянулъ къ себѣ книжку, лежавшую на столѣ.

— Чи вже дожали пшеницю, чи ще на завтра зостанеця? спросила вновь Олеся, понизивъ тонъ.

Балабуха по прежнему не отвѣчалъ и разсматривалъ книжку, какъ-бы она впервые была въ его рукахъ.

— Та говори бо, чого ты мовчишъ? почти крикнула Олеся.

— Иди, спитай у Ломачевського, глухо проговорилъ Балабуха.

— Я й угадувала, що такъ буде. Безталанна я людина зъ такимъ чоловикомъ! съ искусственнымъ пооосомъ воскликнула Олеся.

Она все еще была убѣждена, что Балабуха ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Добра безталанна, що цмокалась зъ становымъ на ввесь садокъ, отрѣзалъ Балабуха.

— Ка-зна-що выгадуешъ. Може то свиня за тобою чмокала; онъ по грядкахъ ходить та плямкае.

— Може за тобою свиня на гору въ альтанку гналась, злобно передразнилъ жену Балабуха.

Тутъ только Олеся догадалась, что мужъ все видѣлъ и что ему все извѣстно. Требовалось одно изъ двухъ: или повиниться и чѣмъ нибудь задобрить мужа, или продолжать разыгрывать роль угнетенной невинности и закончить чѣмъ нибудь чрезвычайнымъ, что очистило-бы отъ всякаго подозрѣнія и заставило-бы мужа сдаться. Олеся избрала послѣднее и начала съ обыкновеннаго женскаго средства.

— Покаравъ мене Господь тобою! заголосила она вдругъ. Безталанна я! Не можна й зъ людьми поговорити, и съ этими словами

упала на стулъ и залилась слезами. Олеся плакала, а Балабуха неподвижно лежалъ и читалъ книжку.

— Кинь книжку, закричала она на весь домъ, а то я тебе покину!

— Що-жъ? Съ Богомъ Парасю, коли люди трапляюця! невозмутимо произнесъ Балабуха и, перевернувъ листокъ, потянулъ изъ трубки.

Олеся вскочила со стула, отворила дверь въ сѣни и крикнула было запрягать лошадей, но, вспомнивъ, что никого въ домѣ, кромѣ Килины, нѣтъ, да и бричка среди двора стоитъ разломанная, пришла еще въ большее раздраженіе и судорожно напяливъ шляпу на голову и захвативъ въ руки зонтикъ и перчатки, поспѣшно вышла изъ комнаты, не сказавъ мужу ни слова. Тотъ въ свою очередь даже не взглянулъ на нее.

Олеся прошла мимо оконъ, вышла за дворъ и оглянулась на крыльце. Ей казалось, что мужъ слѣдомъ побѣжитъ за нею, станетъ просить и молить, чтобы она вернулась въ комнаты; но мужъ даже не повернулся на канапкѣ. Олеся пошла внизъ по улицѣ, перебралась по плотинѣ чрезъ Рось и снова обернулась къ дому; но мужа не было видно. Она пошла по тропинкѣ по-надъ Росью, миновала монастырь, вышла на лугъ, зеленой лентой огибавшій поворачивавшія вправо горы, а съ ними и Рось. Тутъ тропинка повилась вкось по горѣ и Олеся, поднимаясь быстро, скоро очутилась на гребнѣ ея. Глазамъ ея представился восхитительный видъ: вправо въ ущельяхъ скалистыхъ горъ скрывалась родная Хохотва, а надъ нею красовалась расписанная сверху до низу бѣлою и зеленою краскою пятиглавая церковь и рядомъ домъ отца и садъ; влѣво по горѣ раскинулся Богуславъ и виднѣлся немилый домъ; внизу шумѣла и пѣнилась Рось, а за Росью тянулись ряды горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, который пронизывали лучи заходящаго солнца. Олеся заглядѣлась на эту картину и задумалась. Ей живо представилось все, что сейчасъ происходило между ею и Ломачевскимъ съ одной и мужемъ съ другой стороны. Къ первому она не питала любви, даже сильной симпатіи, ко второму не чувствовала особой ненависти и отвращенія. Это она ясно сознавала и понимала; но выступивъ за черту этихъ отношеній, она не могла уже себѣ дать отчета въ томъ, чего ей хочется и къ чему она стремится. Только инстинктивно она отгадывала и всѣми фибрами души ощущала, что въ глубинѣ

ея таится какое-то томительное чувство, которому не нашлось доселѣ удовлетворенія, какой-то внутренній огонь, который то и дѣло прорывается наружу и влечетъ ее то въ ту, то въ другую сторону. Она искала счастья, наслажденія, сгарала потребностью любви горячей, пламенной, ибо не любила доселѣ всей душей беззавѣтно, безгранично. Олеся вздохнула, глянула вправо, а тамъ гнѣздо родное, всего лишь рукой подать, и она пошла къ нему на перерѣзъ отдѣлявшаго ее поля..

Балабуха все лежалъ на канапкѣ и думу думалъ. Зашло солнце, смерклось на дворѣ, въ комнатѣ совсѣмъ стало темно. Балабуха ждалъ, что вотъ-вотъ скрипнетъ дверь и войдетъ Олеся; но дверь не отворялась, Олеся не приходила. Балабуха всталъ, зажегъ свѣчку, отперъ комодъ и досталъ оттуда большую книгу въ листъ, въ солидной кожаной оправѣ, на манеръ «Четьихъ Миней». Это былъ его дневникъ. Дневникъ заведенъ имъ еще въ дни юности, по примѣру отца и общему обычаю грамотныхъ людей того и болѣе ранняго времени. Будучи студентомъ, Балабуха вносилъ въ свою записную книгу то канты, то вирши, то латинскіе и русскіе стихи. Въ особенности нравились ему стихи квадратомъ: «читай соби, говорилъ онъ въ похвалу имъ, на вси чотыри боки, а воно все одно выходить; така кумедія!»

Ставши священникомъ, Балабуха сперва началъ заносить въ дневникъ замѣтки о погодѣ, урожаѣ, чрезвычайныхъ происшествіяхъ, явленныхъ иконахъ и совершенныхъ ими чудесахъ, а потомъ сталъ довѣрять бумагѣ свои думы, впечатлѣнія дня и жизни, даже собственнаго сочиненія вирши, въ которыхъ изливалъ свои чувства по поводу семейныхъ и другихъ событій. Давно уже онъ не обращался къ дневнику и теперь чувствовалъ потребность излить въ немъ волновавшія его думы и чувства, вызванныя тягостными происшествіями дня. Проставивъ годъ, мѣсяцъ и число, Балабуха кратко изобразилъ свои хозяйственныя неудачи и въ жесткихъ выраженіяхъ осудилъ себя самаго, какъ безпечнаго и неумѣлаго хозяина. Дошла очередь до самаго главнаго и Балабуха задумался. Какъ ни тщательно пряталъ онъ свой дневникъ отъ посторонняго глаза, но назвать виновниковъ его горя ихъ собственными именами все таки не рѣшался. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ подъискалъ для жены названіе *Хлои*, а для ея соблазнителя имя *Дафниса* и изобразивъ всѣ ихъ похож-

денія, въ концѣ со вздохомъ прибавилъ: «Господи, прости навижену Хлою и сокруши ребра Дафнисови! Прискорбна есть душа моя наветь до смерти».

Сдѣлавъ эту запись, Балабуха почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ своей душѣ, но долго еще не могъ заснуть и только подъ утро его одолѣлъ крѣпкій, хотя тяжелый сонъ.

Весь слѣдующій и послѣдующій день прошли для Балабухи въ напрасномъ ожиданіи возвращенія жены. Всего болѣе мучила его неизвѣстность, гдѣ находилась Олеся, хотя по видимому и для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она отправилась къ отцу. Балабуха старался даже не думать объ этомъ и усерднѣе прежняго занялся хозяйствомъ, дѣлами по благочинію и церкви. Олеся и не думала спѣшить къ мужу. Придя къ родителямъ, она расплакалась предъ ними, нажаловалась на неласковое обращеніе мужа и заявила, что до тѣхъ поръ не возвратится къ нему, пока онъ самъ не пріѣдетъ и не станетъ просить ее. Родители до крайности удивлены были поведеніемъ дочери и старались вразумить ее; но никакія убѣжденія ихъ не дѣйствовали на нее. Прошелъ день, минула ночь, Балабуха не пріѣзжалъ. Терлецкій сообразилъ, что онъ и совсѣмъ не пріѣдетъ, и предложилъ дочери ѣхать съ нимъ въ Богуславъ.

— Не поиду я, тату, до ёго, проговорила сквозь слезы Олеся; не пойду, поки не мине три дни: винъ по три дни не говорить зо мною, хочъ до стины говори.

Но прошелъ еще день, а Балабуха не пріѣзжалъ. Терлецкій велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ съ дочерью къ зятю.

Чтобы успокоить и расположить его къ примиренію съ дочерью, Терлецкій захватилъ кое-что въ подарокъ изъ своего хозяйства и между прочимъ два совершенно новые воза.

Балабуха встрѣтилъ тестя и жену такъ покойно и привѣтливо, какъ будто между имъ и женою ничего не случилось. Довольная такой легкой развязкой ссоры, Олеся ни словомъ не вспомнила о прошедшемъ и желая задобрить мужа, стала чаще навѣдываться въ кухню и присматривать за приготовленіемъ кушанья. Проку отъ этого, правда, было не много,—Килина больше ея смыслила по кухонной части и вообще въ хозяйствѣ; но Балабуха и тѣмъ былъ доволенъ, соображая, что чѣмъ больше жена будетъ занята, тѣмъ

менѣе всякая дурь будетъ лѣзть ей въ голову. Но участіе Олеси въ хозяйствѣ шло не долго; скоро и сама она увидѣла, что служитъ только помѣхою Килинѣ и, предоставивъ ей по прежнему все, перестала заглядывать въ кухню.

Потекла прежняя жизнь. Олеся не знала, какъ убить время, куда дѣваться отъ скуки. На радостяхъ, по случаю примиренія съ мужемъ, она запросила къ себѣ своихъ знакомыхъ и въ числѣ ихъ Ломачевскаго, давъ видъ, что справляетъ «обжинки». Ломачевскій сталъ опять бывать у нихъ въ домѣ, но держалъ себя какъ-то холодно и гуляя съ Олесею въ саду, все оглядывался по сторонамъ, не идетъ-ли гдѣ Балабуха.

Осенью прошелъ слухъ, что въ Богуславъ придутъ на зиму гусары. Всполошился весь городъ. Олеся то и дѣло глядѣла въ окна, каждый день наряжалась по праздничному. Какъ-то Килина, вернувшись съ базара, принесла извѣстіе, что гусары уже вступаютъ въ городъ. Олеся надѣла новое платье, причесалась, напялила кольца, броши и не отходила отъ оконъ. За Росью послышались звуки военнаго марша; гусары вступали въ городъ, направляясь въ рынокъ. Длинные ряды отлично откормленныхъ сѣрыхъ лошадей и синихъ мундировъ показались на противуположной горѣ съ блестѣвшими на солнцѣ аммуниціею и оружіемъ. Впереди ѣхали пѣсенники, за ними музыканты съ огромными мѣдными трубами на бѣлыхъ дорогихъ лошадяхъ. Сіяніе трубъ, горѣвшихъ на солнцѣ яркимъ огнемъ, блескъ обнаженныхъ сабель, перемѣшанные съ яркими цвѣтами бѣлой аммуниціи, синихъ мундировъ, желтыхъ снурковъ, красныхъ рейтузовъ, черныхъ блестящихъ киверовъ—все это вмѣстѣ создавало для Олеси какую-то ослѣпительную фантастическую картину, никогда ею не виданную и тѣмъ болѣе ее поражавшую. Звуки сильнаго оркестра разносились по всему мѣстечку, плыли плавно по Роси и тысячами переливовъ отдавались въ ущельяхъ горъ и скалъ. Рьяные кони весело гарцовали подъ нарядными всадниками, какъ-бы отбивая ногами въ тактъ музыки.

Олеся не выдержала и выбѣжала на крыльце, принявъ, въ ожиданіи гусаръ, сколь возможно болѣе граціозную позу. Гусары дѣйствительно должны были проходить мимо дома Балабухи. Оркестръ умолкъ; раздалась залихватская пѣсня; у Олеси всѣ мускулы задрожали. Въ средѣ пѣсенниковъ ее поразила фигура за-

пѣвалы, которого она называла «страхопудомъ». Рослый, плечистый, съ длиннѣйшими усами, онъ цѣлой головой возвышался надъ другими. Въ рукахъ онъ держалъ предъ собой какой-то кругъ (бубенъ), весь увѣшанный побрякушками и разноцвѣтными лентами. Когда онъ самъ пѣлъ, кружекъ мѣрно раскачивался въ обѣ стороны и ленты свободно вились въ воздухѣ; но когда подхватывалъ хоръ, «страхопудъ» вертѣлся, какъ дѣтская мельница при внезапномъ порывѣ вѣтра: онъ прыгалъ вверхъ и внизъ, подавался вправо и влѣво, вертѣлъ головой и локтями и билъ съ жаромъ въ бубенъ, потрясая имъ въ воздухѣ и вызывая одушевленіе пѣсенниковъ. Хоръ еще не окончилъ, какъ грянулъ снова оркестръ. Олеся вся обратилась въ слухъ и зрѣніе, не помня, гдѣ она, не сознавая, что съ нею. Показались штабные; Олеся впилась глазами въ офицеровъ. Офицеры были какъ на подборъ: рослые, здоровые, статные, роскошно выхоленные. Скоро однако глазъ Олеси отличилъ между ними одного, и это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ. Высокій, стройный, съ необычайно нѣжнымъ лицемъ и яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ чудными черными бровями и такими-же чуть пробившимися усами, далеко не закрывавшими прелестныхъ розовыхъ губъ. Его тонкія гибкія ноги змѣей обвивали статнаго коня. Коротенькій синій мундиръ, блестѣвшій серебромъ, какъ-бы прилипъ къ молодому тѣлу и обрисовывалъ нѣжныя его формы. Темные глаза сверкнули на Олесю изъ-подъ козырька глянцовитаго кивера. Конь сталъ на дыбы, граціозно согнувъ шею. Олеся взглянула, задрожала и какъ-бы замерла. Такая прелесть могла пригрезиться ей лишь во снѣ, или почудиться въ пламенныхъ мечтахъ.

Гусары проѣзжали. Жиды сбѣжались со всего мѣстечка и обступили ихъ лавами. Олеся видѣла дальше лишь черные кивера да синія плечи сквозь густую стѣну черныхъ жидовскихъ кафтановъ, но не сводила глазъ съ стройныхъ плечей того, который сразу причаровалъ ее къ себѣ. Скоро гусары спустились по улицѣ внизъ и только кивера, да подковы блестѣли вдали, а дальше и совсѣмъ скрылись изъ глазъ. Олеся глубоко вздохнула и пошла къ себѣ въ комнату.

Нестройныя мысли кружились въ головѣ Олеси одна за другой и всѣ онѣ вертѣлись около молодаго гусара. Гдѣ и какъ съ нимъ встрѣтиться, каково будетъ и чѣмъ можетъ кончиться ихъ

знакомство,—вотъ надъ чѣмъ думала Олеся вплоть до самаго обѣда. Но лишь кончился обѣдъ, она подсѣла къ мужу, обвила его шею руками и заговорила сладенькимъ голоскомъ:

— Знаешъ що, мій голобчику милый? Наихали ци гусары... Чи сякъ, чи такъ, а прійдеця зъ ними знатись. Може вони до насъ зайдуть, або насъ зъ ними куды попросять, не можно передъ ними абы-якъ показаться, а въ мене нема ни одной новои сукни. Пиду я въ крамныци, та наберу соби чогось на нову сукню.

Олеся метко отгадала слабую струнку своего мужа. Не смотря на наружную свою апатію, онъ былъ довольно самолюбивъ. Приходъ гусаръ въ свою очередь его занималъ, и онъ далеко не прочь былъ почваниться предъ гусарами своею женою. Но что дѣлать, когда сама-же Олеся всѣ деньги растранжирила?

— Нема грошей, голубко! со вздохомъ произнесъ Балабуха. Эхъ, колибъ ты знала...

— Або на квитокъ не можно взять? перебила его Олеся.—Хиба жиды не повирять?

— Про мене бери й на квитокъ. Будуть гроши, то отдамо, отвѣчалъ Балабуха, и протянулся по обычаю на канапкѣ.

Олеся, въ восторгѣ отъ такого скораго разрѣшенія затруднявшаго ее вопроса, разцѣловавъ мужа, бѣгомъ вышла изъ комнаты и полетѣла въ лавки набирать на платье. Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы новое платье было сшито къ воскресенью, когда, какъ она надѣялась, гусары будутъ въ первый разъ въ церкви и, быть можетъ, зайдутъ и къ нимъ.

Къ воскресенью платье дѣйствительно было готово и Олеся, успокоившись на этотъ счетъ, въ ожиданіи невиданныхъ гостей, еще съ утра субботы занялась очисткой и убранствомъ дома. Въ сѣняхъ, передней и залѣ стѣны были выбѣлены, полы вымыты съ пескомъ, окна, двери вытерты, какъ нельзя лучше, цвѣты въ горшкахъ очищены, а расползшіяся вѣтки укрѣплены и подвязаны. Весь этотъ день Олеся была на ногахъ, все перебирала, вытрушивала, вычищала и разставляла по мѣстамъ. Въ воскресенье, нарядившись по лѣтнему, не смотря на наступавшую осень, Олеся пошла въ церковь, хотя съ разсчетомъ пришла едва-ли не позже всѣхъ. Офицеры-гусары гурьбой стояли у праваго клироса. Всѣ дамы и дѣвицы, сколько ихъ было въ Богуславѣ, явились, какъ

на смотръ. Каждую изъ нихъ брало любопытство посмотрѣть гусаръ и себя показать. Олеся прошла сквозь группу офицеровъ, шелестя своимъ новымъ шелковымъ платьемъ и стала впереди всѣхъ у царскихъ вратъ, но такъ, чтобы можно было искоса поглядывать на гусаръ. Оправляя свое платье, она какъ-бы нечаянно оглянулась на бокъ. Впереди офицеровъ стоялъ одинъ изъ нихъ, рѣзко отличавшійся отъ другихъ своею необычайною стройностію и красотою. Олеся сразу узнала того, кто такъ нежданно поразилъ ея взоръ и сердце. Теперь она лишь ближе и яснѣе могла разглядѣть дивныя черты его лица и всей фигуры. Взглянувъ на него, Олеся задрожала и едва устояла на ногахъ. Лице ея поблѣднѣло, дыханіе сперлось, сердце какъ-бы совсѣмъ замерло. Она ничего не слышала и не видѣла вокругъ себя, ничего не сознавала и не соображала. Прошло нѣсколько мгновеній, и сердце ея вновь забилось, почудились ей какія-то дивныя мелодіи, неземной ароматъ, необычайная сладость въ душѣ и будто рай небесный раскрылся предъ нею...

Служба окончилась, офицеры подходили ко кресту. Еще разъ мелькнулъ предъ глазами Олеси чистый, тонкій профиль, гибкій станъ, черная роскошная голова. Офицеры вышли изъ церкви, Олеся стояла какъ-бы въ чаду; ей хотѣлось не то плакать, не то прыгать и смѣяться.

Перебѣжавъ чрезъ улицу домой, Олеся бросилась къ зеркалу, поправила платье, волосы и сѣла у окна. Мимо ея оконъ по улицѣ валила густая масса мѣщанства въ перемежку съ гусарами. Олеся пристально глядѣла на пестрѣвшіе въ толпѣ синіе мундиры; но то все были рядовые гусары. Толпа все рѣдѣла; наконецъ позади всѣхъ показалась крупная фигура самаго Балабухи. Олеся поблѣднѣла. Она ждала, что въ слѣдъ за нимъ покажутся офицеры; но ихъ не было. За Балабухою шелъ лишь сторожъ съ ключами.

Балабуха вошелъ въ комнаты. Килина подала самоваръ; Олеся заварила чай, сѣла у стола и задумалась. Наливъ стаканъ и потомъ другой мужу, она все ждала гостей; но гости не приходили. Потухъ самоваръ, остылъ и перестоялся чай, Балабуха давно сосалъ трубку. Олеся встала, не пивши чаю, и велѣла убирать со стола.

Только спустя двѣ недѣли, въ воскресенье, послѣ обѣдни, офицеры зашли къ батюшкѣ на водку, какъ въ то время говорилось.

Олеся чуть не умерла отъ радости, увидѣвъ у своихъ оконъ предметъ своихъ мечтаній.

Небольшая, чистенько прибранная свѣтлица переполнилась гостями. Въ глазахъ Олеси заблестѣли мундиры, снурки, аксельбанты, эполеты, ордена. Гости входили и переходили отъ хозяина къ хозяйкѣ: гремѣли сабли, звенѣли шпоры, слышалось ловкое шарканье ногами и звонкій стукъ каблуковъ. Послѣ немолодого уже полковника съ курчавой головой, послѣ четырехъ солидныхъ офицеровъ съ окладистыми баками и геройскими усами, къ Олесѣ подлетѣлъ молодой красавчикъ, звякнулъ шпорами, щелкнулъ подковками, едва склонилъ свой гибкій станъ и проговорилъ:

Поручикъ Казанцевъ.

Олеся едва примѣтила, какъ раскрылись его чудныя, слегка прикрытыя чернымъ пушкомъ, красно-розовыя губы и блеснули бѣлые, нѣжные, какъ жемчугъ, зубы; его глубокіе темные глаза такъ и метнули на нее огнемъ, а его низкій, но звучный и мягкій голосъ откликнулся у нея въ самомъ сердцѣ.

— Ой зомлію, ой умру! промелькнуло у Олеси въ головѣ.

Полковникъ и старшіе офицеры повели съ Балабухою солидный разговоръ о городѣ, церкви, монастырѣ; Казанцевъ съ двумя другими, также молодыми офицерами усѣлись подлѣ хозяйки. Олеся никого не видѣла, никого не слушала, кромѣ одного Казанцева: забывъ всѣхъ и все, она впилась въ него своими глазами и ловила каждое его слово.

Подали чай, а разомъ съ чаемъ водку и закуску. Водка развеселила и безъ того веселыхъ гусаръ. Въ свѣтлицѣ раздавался говоръ, хохотъ, бряцанье сабель и шпоръ. Олеся въ упоеніи и восторгѣ то порхала по комнатамъ какъ птичка, то присаживалась и лепетала въ забытьи, что въ голову взбредетъ. Ея черные волосы и брови, ея карые глаза, горѣвшіе пламенемъ любви, рѣзче отсвѣчивались при нарядномъ бѣломъ платьѣ и производили немалый эффектъ; ея стройная, граціозная фигура и роскошный бюстъ дразнили молодое воображеніе. На щекахъ горѣлъ румянецъ, лице сіяло радостью, упругая грудь то подымалась, то опускалась какъ-бы отъ сильнаго испуга. Молодые офицеры прильнули къ хозяйкѣ, и сама она не могла не замѣтить, что нравится имъ.

— Мабуть вы, панове, говорила между прочимъ Олеся, не сводя глазъ съ Казанцева, добре нудитесь въ нашому Богуслави. У насъ все жиды та мищане; зъ благороднихъ одни хиба служащи. Молодихъ дамъ, баришень мало. Заскучаете вы зовсимъ.

— Ахъ, помилуйте, отвѣчалъ Казанцевъ! можемъ-ли мы скучать, когда вы въ Богуславѣ?

Пораженная столь смѣлымъ комплиментомъ, Олеся не нашлась, что отвѣтить, и только покраснѣла до ушей.

— Побачимъ, продолжала она; ось настане зима. Що тоди вы будете робить? Завянете зъ нудьги. Я за зиму трохи тутъ не вмерла.

— О, не безпокойтесь! заговорили другіе офицеры. Намъ не впервые жить въ такихъ маленькихъ городкахъ. Будемъ устраивать танцовальные вечера, катанья на тройкахъ, прогулки верхомъ.

— Коли я не вмію ïздити верхи, замѣтила Олеся.

— А мы васъ выучимъ, подхватилъ Казанцевъ: это такъ легко, что и учиться собственно нечему.

— Та мене наши богуславськи дамы засміяли-бъ, якъ-бы я поихала верхи, сказала Олеся.

— А вы имъ подадите примѣръ; тогда и они послѣдуютъ за вами, замѣтилъ Казанцевъ и затѣмъ спросилъ:

— Вы однако согласны поучиться верховой ѣздѣ?

— А чомъ-же? Я знаю, що зъ мене будуть сміяться, але то мени байдуже.

И Олеся стала уже мечтать о томъ, какъ она очутится на борзомъ гусарскомъ конѣ и какъ Казанцевъ станетъ ее подсаживать, поддерживать и учить. Увлеченная такими мечтами, она схватилась со стула и съ нервною дрожью завертѣлась по комнатѣ. Казанцевъ и прочіе собесѣдники поспѣшили за ней.

— О, мы разшевелимъ вашъ Богуславъ! громко говорилъ Казанцевъ, вертясь подлѣ Олеси; всѣхъ поднимемъ на ноги, никому не дадимъ заснуть. Заведемъ клубъ, стянемъ всѣхъ и будемъ веселиться на пропалую.

Ни Олеся, ни ея мужъ, до котораго долетѣло слово клубъ, не разумѣли вовсе, объ чемъ толкуетъ развеселившійся Казанцевъ.

— Такъ, или не такъ, добавилъ его товарищъ Погожаевъ, а мы не допустимъ васъ скучать: будемъ собираться, веселиться, танцовать то у тѣхъ, то у другихъ. Надѣемся, и вы не откажете намъ въ своемъ участіи и пріемѣ.

— Зъ великою охотою, отвѣчала Олеся. Я сама люблю танци, та бида, що въ насъ нема доладнихъ музыкъ. Нашп жидки якъ заграють, то вы не схочете й танцювати.

— Къ услугамъ вашимъ всегда готовъ нашъ полковой оркестръ, отозвался полковникъ, вслушавшись въ разговоръ.

— Дуже дякуемъ, отвѣчала Олеся, и обратясь къ своимъ собесѣдникамъ, прибавила: намъ сёго тильки и бракувало. Сподиваемось незабаромъ и до себе васъ просить.

— Мы всегда ваши гости, въ одно слово сказали оба офицера.

— Побачите нашихъ дамъ, добавила Олеся, вскинувъ глазами на Казанцева.

— Если они хоть немножко похожи на васъ, то мы вполнѣ счастливы, брякнулъ Казанцевъ, пристукнувъ каблуками.

Олеся опустила рѣсницы и вспыхнула яркимъ румянцемъ. Полковникъ всталъ; за нимъ поднялись офицеры; всѣ стали прощаться.

— Не забувайте-жъ насъ, просила Олеся всѣхъ и особо повторила это Казанцеву.

Гусары ушли, свѣтлица разомъ опустѣла и только густой дымъ дорогихъ сигаръ носился по краямъ ея. Олеся чувствовала себя какъ-бы въ сильнѣйшемъ угарѣ или опьяненіи: глазамъ ея мерещились блестящіе мундиры и чудная фигура Казанцева; его полные огня глаза какъ-бы свѣтились и теперь предъ ней, пышныя нѣжныя губы улыбались ей, а мягкій низкій голосъ ласкалъ ея душу и западалъ глубоко, глубоко въ ея сердце. Цѣлый день Олесѣ хотѣлось пѣть, играть или слушать музыку. Мечты роемъ вились въ ея головѣ. Какое-то непонятное, безпредѣльное счастье наполняло всю ея душу.

Не прошло нѣсколько дней, какъ Олеся начала приставать къ мужу, чтобы устроилъ вечеръ для гусаръ и пригласилъ всѣхъ знакомыхъ. Нечего было дѣлать, надо было раскошелиться, точнѣе прихватить гдѣ либо денегъ. Балабуха не скупился, когда добылъ денегъ: накупилъ вина, всякихъ «бакалій» и сластей, досталъ изъ погреба подаренный однимъ изъ подвѣдомыхъ священниковъ боченокъ наливки. Олеся пожертвовала послѣдними гусями и индюками, какіе оставались еще на хозяйствѣ, позвала даже повара отъ богуславскаго жондцы. Нѣсколько дней Балабуха то ѣздилъ и ходилъ

съ приглашеніями, то разсылалъ записки. И ему и женѣ хлопотъ было немало.

Долго подготовлявшійся вечеръ наконецъ насталъ. Олеся нарядилась въ бѣлое атласное платье и ждала гостей. Съѣхались и сошлись всѣ богуславскіе знакомые, пріѣхали Олесины сестры, послѣ всѣхъ явились гусары. Оркестръ расположился подъ окнами,—въ домѣ не хватало для него мѣста.

Вечеръ былъ тихій и теплый, совсѣмъ почти лѣтній. Темнота южной ночи придавала эффектный видъ оркестру, его пюпитрамъ и трубамъ, освѣщеннымъ массою фонарей, присланныхъ самими офицерами. Оркестръ загремѣлъ, такъ что окна зазвенѣли. Олеся глянула въ окно на невиданную картину и стала, какъ причарованная. Обернулась назадъ, вся свѣтлица сіяла гусарскими мундирами. Старики давно усѣлись за карты, молодежь толпилась въ свѣтлицѣ. Около Олеси увивался Казанцевъ. Она забыла уже Ломачевскаго, а на Баньковскаго и взглянуть не хотѣла.

Начались танцы. Казанцевъ дирижировалъ ими. Съ первой кадрили, которую танцовала съ нимъ Олеся, онъ рѣшительно приворожилъ къ себѣ всѣхъ богуславскихъ дамъ и дѣвицъ. Всѣ они завидовали Олесѣ, а она чувствовала себя на верху блаженства. Богуславскіе кавалеры совсѣмъ стушевались; дамы и дѣвицы только и ждали приглашенія гусаръ. Офицеры обходились со всѣми чрезвычайно любезно и просто, шутили, смѣялись, говорили дамамъ комплименты, иногда съ легкой ироніей, которую дамы принимали за чистую монету. Мамаши разрядили своихъ дочерей, какъ только могли; каждая разсчитывала залучить жениха, но молодые офицеры найбольше увивались около Олеси. Она была бойчѣе, живѣе и веселѣе другихъ и танцовала лучше всѣхъ.

— Вамъ весело у насъ? спросила Олеся въ одномъ изъ танцевъ Казанцева.

— Я давно такъ не веселился отъ души, отвѣчалъ онъ.

— Такъ говорите, а потимъ будете сміяться зъ насъ. Мы такъ соби по просту, и дамы наши, якъ бачите, продолжала Олеся, глядя прямо въ глаза Казанцеву.

— Сохрани Богъ! Вами можно только восхищаться, безъ застѣнчивости проговорилъ Казанцевъ, искоса поглядывая на ея бѣлоснѣжную шею.

— Мени здаеця, що вы й теперь уже сміетесь зъ мене. Хиба жъ нема кращихъ одъ мене? спросила съ наивностію Олеся, вызывая на новый комплиментъ.

— Да лучше васъ трудно гдѣ либо найти, прошепталъ Казанцевъ чуть не надъ самымъ ухомъ Олеси.

Олеся потупила глазки, слегка улыбнувшись отъ удовольствія.

— У васъ чудное маленькое ушко, продолжалъ Казанцевъ еще тише.—Если-бы не при гостяхъ, я бы поцѣловалъ васъ въ ушко.

Олеся уже просто засмѣялась отъ радости.

— Я не знала, що вы такій... говорила она, чуть дыша.

— Какая прелестная у васъ талія! нашептывалъ Казанцевъ.

— Мабуть вы бачили кращи таліи тамъ въ Петербурзи, возразила Олеся, тая отъ счастья.

— Я вамъ скажу, и въ Петербургѣ такихъ мало,—добавилъ Казанцевъ.

Олеся подошла къ открытому окну и положила руку на подоконникъ. Маленькая пухлая ручка блестѣла, какъ мраморъ. Казанцевъ любовался ею, стоя рядомъ съ Олесею.

— Какая у васъ чудная ручка! Позвольте поцѣловать, сказалъ Казанцевъ, становясь всѣмъ корпусомъ предъ окномъ и накрывая своею ладонью руку Олеси.

Олеся едва замѣтно повела глазами назадъ. Изъ-за оконъ блестѣли трубы музыкантовъ. Оркестръ въ антрактахъ игралъ отрывокъ изъ оперы. Олеся едва слышала музыку; она только упивалась близостью Казанцева, чувствовала его горячую ладонь на своей рукѣ и искоса засматривалась на его ровный матовый лобъ, обрамленный взбитыми чорными кудрями, на его восхитительныя чорныя брови, подъ которыми, какъ двѣ искры, свѣтились чудные глаза. Все это сильно возбуждало ея нервы, волнами поднимало кровь. Олеся едва удержалась, чтобы не кинуться на шею Казанцеву, не впиться устами въ его чудныя брови. Чтобы какъ нибудь прійти къ себя и успокоиться, Олеся попросила Казанцева разсказать ей про Петербургъ, какъ тамъ веселятся люди, какіе бываютъ балы.

— О, у насъ въ Петербургѣ, началъ Казанцевъ такія дива, про какія только въ сказкахъ разсказываютъ: у насъ напримѣръ залы всѣ въ золотѣ, зеркала отъ пола до потолка и даже въ потолкѣ;

у насъ на балахъ танцуютъ разомъ сто паръ, а играетъ пять и больше оркестровъ на хорахъ.

— Хиба у вашихъ залахъ и хоры есть, иначе въ церквахъ?

— А какъ же! хоры кругомъ всей залы, а надъ хорами еще другіе хоры. Высота чуть не съ колокольню, что въ кіевской лаврѣ. Оттуда смотритъ публика, т. е. тѣ, что не танцуютъ, разные тамъ старики, старухи и всякая шваль. Да, у насъ не то, что здѣсь: напримѣръ, дамы при всѣхъ обнимаются и цѣлуются съ кавалерами.

— Не вже! крикнула Олеся, обративъ къ Казанцеву лице.

— Ей Богу, цѣлуются. Есть такой французскій танецъ: какъ скомандуетъ дирижеръ, такъ дамы всѣ и кидаются на шею своимъ кавалерамъ и цѣлуютъ ихъ въ губы, сказалъ Казанцевъ.

Олеся чуть не подпрыгнула: ей страхъ какъ захотѣлось погулять на такихъ вольныхъ балахъ. Однако она не совсѣмъ-то довѣряла Казанцеву.

— Вы жартуете. Мабуть глузуете надъ нами селянами.

— Ей, ей, не жартую. На то у насъ столица! Наши дамы не такія скромницы, какъ ваши: кутятъ съ кавалерами и любезничаютъ, не стѣсняясь.

Олеся только плечами пожимала. Казанцевъ умолкъ; ее потянули думы въ тѣ счастливые края.

— Чи не часъ уже столы накрывати? спросилъ Балабуха, подойдя къ Олесѣ.

— Може й часъ, сказала Олеся и вышла распорядиться.

Столы накрыли, гости усѣлись. Олеся сѣла между Казанцевымъ и Погожаевымъ. Пошли разговоры, шутки, прибаутки, а среди ихъ приправливанья и услуживанья съ неизбѣжнымъ заигрываньемъ посредствомъ бросанія шариковъ и т. п. Офицеры ѣли шибко, пили на славу, но и дурачились не мало. Въ срединѣ ужина Олеся чувствуетъ, что ея ногу затрогиваютъ то съ одной, то съ другой стороны. Она оттолкнула ногу Погожаева и тихонько наступила башмачкомъ на ногу Казанцева. Казанцевъ бросилъ на нее продолжительный взглядъ, повелъ рукой подъ столомъ, нащупалъ ея руку и сжалъ такъ крѣпко, что Олеся чуть не вскрикнула. Ужинъ тянулся долго; много говорили и еще больше пили.

— Вашъ ужинъ вкуснѣе нашихъ, болталъ Казанцевъ. У насъ какъ подадутъ на столъ цѣлую серну, либо жареного медвѣдя,

такъ не знаешь, какъ и справиться съ ними. Да ужъ намъ надоѣли эти серны, да медвѣди; ваши гуси да индюки куда вкуснѣе.

— Не вже въ васъ ѣдять ведмедивъ?

Какъ-же, непремѣнно!

— И такъ таки подають на стилъ цилого ведмедя?

— Цѣлехонькаго, доложу вамъ. Лежитъ, какъ живой.

— Ну, вы, панове, мабуть мализли въ хмари. Я-бъ зроду не ѣла печеного ведмедя.

— Э, если-бъ вы попробовали только! Онъ такой вкусный, какъ конфекты съ вареньемъ, моловъ Казанцевъ.

— Хиба ведмедь солодкій? спросила Олеся.

— Ну, да, сладкій: съ одного боку сладкій, а съ другого кислый, добавилъ Погожаевъ.

— А съ третього? спросила Олеся и разхохоталась.

— А съ третьяго ветчина, медвѣжья ветчина, отвѣтилъ Казанцевъ.

Всѣ расхохотались.

Подъ конецъ ужина офицеры налегли на наливку и стали восхвалять молодую хозяйку, которая, какъ и самъ хозяинъ, были тутъ ни при чемъ. Пили за здоровье ихъ отдѣльно и вмѣстѣ. Казанцевъ присталъ, чтобы и Олеся выпила съ ними. Она на радостяхъ выпила рюмку, потомъ другую и тогда нащупала руку Казанцева подъ скатертью и нѣжно гладила ее своей пухленькой ручкой.

Ужинъ кончился, встали изъ-за стола и пустились снова танцовать. Потянулась безконечная мазурка. Ломачевскій и Баньковскій состязались съ Казанцевымъ и Погожаевымъ, и придумываемымъ тѣми и другими фигурамъ, казалось, не будетъ конца. Гости разъѣхались уже передъ разсвѣтомъ и долго вспоминали первый вечеръ съ гусарами.

Послѣ Балабухи въ честь гусаръ давалъ вечеръ исправникъ, послѣ исправника докторъ и т. д. Съ началомъ зимы пріѣхала жена полкового командира, и они также устроили у себя вечеръ. Олесѣ пришлись какъ нельзя болѣе по вкусу и нраву эти оживленные вечера; она утопала въ удовольствіи, и хотѣлось-бы ей такъ жить хоть-бы до самой смерти.

Чтобы доставить себѣ и дамамъ новое развлеченіе, офицеры задумали устроить катанье. Выпалъ снѣгъ, открылась первая санная дорога. Офицеры наладили сани, подобрали лихія тройки, съ росписными дугами, съ погремушками, съ побрякушками, съ колокольчи-

ками и бубенчиками, и однажды послѣ обѣда забрали приглашенныхъ заранѣе дамъ и покатили съ ними въ лѣсъ. Офицеры разсѣлись попарно, каждый съ своей дамой; Казанцевъ сѣлъ съ Олесею. Поѣздъ тронулся съ мѣста: зазвенѣли колокольчики, загремѣли бубенчики; жиды высыпали смотрѣть, мальчишки бѣжали за санями за самый городъ, «сидухи» посхватывались съ своихъ мѣстъ и вытаращили глаза. Рьяные гусарскіе кони, загнувъ головы на бокъ, понеслись стрѣлой по чудесной мягкой дорогѣ. Казанцевъ велѣлъ своему кучеру остаться позади всѣхъ. Дорога шла по-надъ Росью, по косогору, перерѣзываемому крутыми западинами, глубокими узкими оврагами. Долины и горы засыпаны были свѣжимъ пушистымъ снѣгомъ. День выдался тихій, въ воздухѣ стоялъ легкій прозрачный туманъ, сквозь который лился тихій свѣтъ вечерняго солнца. Вдали отъ города, на крутыхъ высотахъ виднѣлся густой старый лѣсъ, сплошь покрытый инеемъ. Сумрачныя лѣсныя высоты исполинами выступали на отдаленномъ горизонтѣ, длинный поѣздъ мчался на встрѣчу имъ, гулъ колокольчиковъ и бубенчиковъ разносился по долинамъ и горамъ и заглушалъ стукъ лошадиныхъ копытъ и слабое шуршанье саней по мягкому снѣгу. Поѣздъ спустился на лугъ. Разбросанные на лугу столѣтніе дубы, покрытые инеемъ, выглядывали какъ гигантскіе канделябры, невѣдомою рукою здѣсь водруженные. За лугомъ начался молодой грабовый лѣсъ; двѣ высокія сплошныя стѣны его совершенно скрывали направившуюся въ глубину его дорогу. Поѣздъ понесся въ глубь лѣса. Чѣмъ далѣе онъ мчался, тѣмъ гуще и выше становился лѣсъ: появились громадной высоты клены и ясени и гигантскихъ размѣровъ дубы и липы. Вѣтви деревьевъ, обсыпанныя тонкимъ пухомъ инея, блестѣли тысячами переливовъ нѣжнаго серебристаго свѣта и давали восхитительный видъ. Лѣсъ стоялъ, какъ волшебная царица въ дорогомъ уборѣ. Ни одинъ видъ природы въ лѣтнее время не могъ сравняться съ дивною картиной мертвой зимы: то былъ фантастическій, тихій сонъ заснувшей природы.

Проѣхали добрыхъ пять верстъ, лошади порядкомъ взмылились, а поѣздъ съ прежней быстротой летѣлъ съ горы на гору. Въ глубинѣ лѣса, на одномъ изъ пригорковъ, въ легкомъ туманѣ обозначилась корчма, прикрытая толстой лавой снѣгу. На площадкѣ передъ нею какъ-бы кто раскинулъ роскошный цвѣтникъ: то былъ большой кругъ

густого терну, покрытаго, будто паутиной, пушкомъ снѣга и инея. Раскиданные вкругъ него кустики собачьей бузины, папоротника и бурьяну казались теперь дорогими цвѣтами, выкованными изъ серебра. Высокая, одинъ одна, береза опустила внизъ свои роскошныя тонкія вѣтви, точно распущенные волосы, посыпанные серебристой пудрой.

Олеся, сидя рядомъ съ Казанцевымъ, едва примѣчала дивную красу лѣса; она наслаждалась бесѣдою съ нимъ, любовалась его глазами и бровями. Вдругъ среди лѣса загремѣлъ оркестръ; Олеся вздрогнула.

— Де це грае музыка? спросила она.

— Это, вѣроятно, русалки поютъ: они знали, что мы пріѣдемъ въ лѣсъ, вотъ и встрѣчаютъ насъ, отвѣчалъ смѣясь Казанцевъ.

Повернувшись однако въ бокъ и вытянувъ голову впередъ, Олеся увидѣла у корчмы блестѣвшія трубы и синіе куртки гусаръ. Эффектъ былъ полный не для одной Олеси. Музыка разбудила сонный лѣсъ; эхо отъ оркестра раздавалось въ горахъ и долинахъ, какъ-бы разомъ играли нѣсколько оркестровъ.

Лошади остановились у корчмы, но устроиться въ ней для пированья оказалось невозможнымъ. Въ корчмѣ царили невообразимая грязь и смрадъ: у порога стояла бочка съ водкой; сивушный запахъ стоялъ въ воздухѣ, перемѣшанный съ запахомъ луку, протухлой рыбы и жидовскаго тряпья; полунагія жиденята валялись на земляномъ полу, оборванный жидъ въ засаленной ермолкѣ, патынкахъ и лапсердакѣ, сновалъ по комнатѣ. Заглянувшія въ корчму дамы повыскакивали обратно, закрывая носы, хватаясь за виски. Офицеры вынесли изъ корчмы длинный столъ, накрыли его привезенной скатертью и поставили подъ старыми липами, на задней сторонѣ корчмы, вытащили и лавки и прикрыли ихъ коврами. Всѣ усѣлись вокругъ стола подъ покровомъ нависшихъ вѣтвей. Хлопнули пробки, шампанское полилось въ рюмки и стаканы, оркестръ заигралъ тушъ. Офицеры крикнули: за здоровье дамъ! дамы должны были выпить до дна. Опять хлопнули пробки, опять полилось вино,—выпили за здоровье гусаръ. Пили еще за здоровье полковницы, потомъ особо за здоровье каждой изъ присутствовавшихъ дамъ. Пошли веселые разговоры; офицеры курили, дамы закусывали, музыка играла; не замѣтили, какъ сумерки зашли. Гулянье удалось, какъ и самое

катанье. Всѣмъ было весело, никому не хотѣлось ѣхать домой. Сѣли вновь въ сани и понеслись дальше въ лѣсъ.

Туманъ разсѣялся, изъ-за лѣсу проглянула луна и освѣтила верхушки деревьевъ. Поѣздъ мчался, картины мѣнялись. Начинался старый дубовый и березовый лѣсъ; дорога шла въ непроглядную чащу его; высокія деревья мѣстами совсѣмъ закрывали ее нависшими вѣтвями. Но поднялась луна и освѣтила лѣсъ по горамъ и долинамъ, обливая своимъ свѣтомъ дальнія и близкія мѣста, каждое дерево, каждую вѣтку. Когда поѣздъ взлеталъ на высокій пригорокъ, вправо отъ дороги виднѣлась Рось, мѣстами скованная льдомъ и прикрытая снѣгомъ, мѣстами вовсе не замерзшая. Широкій раздолъ по обѣимъ ея сторонамъ блестѣлъ ослѣпительной бѣлизной, донося тихій шумъ и плескъ катящейся по камнямъ воды. Вокругъ царила мертвая тишина, въ воздухѣ чувствовалась постоянно освѣжающая влага.

Казанцевъ съ Олесею и на этотъ разъ ѣхали позади. Вино расшевелило ихъ думы и мечты; Олеся впилась глазами въ прекрасное лице Казанцева, освѣщенное матовымъ блѣднымъ свѣтомъ. Лице казалось какъ-бы выточеннымъ изъ слоновой кости; черные кудри оттѣняли мраморную бѣлизну его. Казанцевъ взялъ за руку Олесю и поцѣловалъ.

— Любишь-ли ты меня, моя ненаглядная, какъ я тебя люблю? прошепталъ онъ надъ самымъ ухомъ Олеси.

Олеся задрожала, схватила его руками за щеки, притянула къ своему лицу, впилась въ его уста своими горячими устами и будто замерла. Колыхнулись серебристыя вѣтви высокаго береста, задрожало марево луннаго блеска въ долинѣ, зашумѣла сильнѣе вода въ Роси. Олеся какъ-бы очнулась, придвинулась ближе къ своему милому, цѣловала его въ щеки, въ брови, въ глаза, обняла его за шею, опустилась на плечо и зарыдала, какъ дитя.

— Отъ чего ты плачешь, моя милая? еще тише пролепеталъ Казанцевъ.

— Одъ того, що люблю тебе. Теперъ я зрозумила, що до сёго часу никого не любила. Мени здавалось, що я любила, а я тильки сама себе дурыла. Якъ ты мене перестанешъ любити, то я вмру.

Казанцевъ нѣсколько встревожился; столь пламенная любовь немного испугала его; она вовсе не входила въ его разсчеты, ему

просто хотѣлось позабавиться отъ скуки. Но Олеся вновь кинулась ему на шею, вновь впилась въ его губы такъ, что ему наконецъ трудно было дышать. Вдругъ надъ самыми ушами ихъ зазвенѣлъ колокольчикъ; то поѣздъ повернулъ назадъ, и мимо ихъ пронеслись первыя сани. Олеся разняла руки, Казанцевъ оправился на мѣстѣ. Сани одни за другими промелькнули мимо ихъ и они снова очутились позади всѣхъ. Олеся прильнула щекою къ лицу Казанцева. Она была счастлива: ей хотѣлось ѣхать, летѣть безъ мѣры и конца. Глубокія долины, освѣщенныя яснымъ свѣтомъ луны, передвигались какъ дивныя декораціи. Олеся чувствовала, что сердце ея переполнено неизъяснимымъ блаженствомъ, что любовь залила всю ея душу, какъ весенняя вода заливаетъ луга. Вотъ засвѣтились окна въ корчмѣ, изъ чернаго дымаря вился клубьями дымъ. Корчма мелькнула предъ ихъ глазами, какъ картина въ быстро вращаемой панорамѣ. Олеся не спохватилась, какъ проѣхали лѣсъ. Скоро заблестѣли огоньки въ окнахъ жидовскихъ хатъ; поѣздъ очутился въ городѣ. По улицамъ сновали жиды, проходилъ какой-то обозъ, поспѣшавшій на ночлегъ. Олесѣ показалось, что ей снился какой-то чудный, сладкій, какъ радость, сонъ и что она какъ будто-бы проснулась. Поѣздъ остановился у квартиры Казанцева. Масса жидовъ, мальчишекъ и всякаго празднаго люда окружала ее; изъ оконъ билъ яркій свѣтъ подъѣздъ былъ также освѣщенъ, въ сѣняхъ гремѣлъ оркестръ, много саней столпилось передъ домомъ. Приглашенные изъ окрестностей Богуслава офицеры встрѣчали возвратившихся съ катанья. По всему сдавалось, будто въ домѣ идетъ свадьба. И Олесѣ чудилось, будто она возвращается изъ церкви отъ вѣнца, что она повѣнчана съ Казанцевымъ. Она хотѣла этому вѣрить и даже какъ будто вѣрила. Въ довершеніе всего Казанцевъ, какъ женихъ невѣсту, заботливо высадилъ ее изъ саней и ввелъ подъ руку въ свою квартиру.

Гусары въ складчину давали вечеръ для своихъ богуславскихъ знакомыхъ и завезли дамъ просто на вечеръ. Квартира Казанцева избрана, какъ наиболѣе просторная. Къ пріѣзду катавшихся собрались здѣсь и мужчины. Обширная жидовская комната была прибрана и украшена: на стѣнахъ висѣли дорогіе ковры, группами и звѣздами расположены были ружья, сабли, клинки, штыки, кинжалы, пистолеты. На столахъ разставлены были батареи бутылокъ, стаканы съ чаемъ, тарелки съ закусками, вазки съ

десертомъ. Дамы разсѣлись въ перемежку съ кавалерами; Казанцевъ усадилъ Олесю за столъ и самъ сѣлъ рядомъ съ нею. Олеся цвѣла, какъ пышный цвѣтокъ; налитые счастьемъ глаза блестѣли, какъ яркія звѣздочки, лице горѣло огнемъ. Она оперлась о спинку канапы, впилась глазами въ лице Казанцева и ничего не видѣла, ничего не слышала.

— Золото мое, счастя мое! тебе я ждала, за тобою вмирала, тебе я шукала, литала за тобою, якъ сиза зозуля, и таки тебе знайшла,— думала Олеся, глядя въ глаза Казанцеву.

Гости выпили чай, закусили и снова принялись за чай. Принесли шампанское; захлопали пробки, полилось рѣкой дорогое вино. Офицеры чокались съ дамами, кричали: ура! Оркестръ гремѣлъ, въ комнатѣ поднялся гвалтъ, какъ-бы на полѣ битвы. Гусары поддержали свою славу по части выпивки, но когда затѣмъ перешли къ танцамъ, то въ обращеніи съ дамами стали позволять себѣ нѣкоторыя вольности, Казанцевъ-же и просто таки обнималъ Олесю въ танцахъ и прижималъ ее къ себѣ. Замѣтивъ это, дамы начали одна за другой уходить домой. Одна Олеся оставалась еще и готова была сидѣть хоть до разсвѣта, но и ее наконецъ увелъ мужъ почти насильно. Гусары проводили ихъ съ шумомъ.

Пышную зиму переживала Олеся. Она не замѣчала, какъ летѣло время, не спохватилась, какъ минулъ Филипповъ постъ и настали рождественскіе праздники. Эта зима была для нея какъ-бы настоящимъ благодатнымъ лѣтомъ: для нея какъ будто по лѣтнему свѣтило солнце, цвѣли пахучіе цвѣты, распѣвали соловьи. Казанцевъ съ товарищами заходилъ къ Балабухамъ чуть не каждый день, приглашалъ и ихъ къ себѣ. Олеся перевезла къ себѣ своихъ сестеръ, разсчитывая выдать ихъ за офицеровъ замужъ. Каждое воскресенье Олеся устраивала у себя вечеринки для гусаръ, танцовала до разсвѣта и вытрусила до чиста карманы своего мужа.

Придумывая все новыя развлеченія для своихъ кавалеровъ, Олеся начала возить ихъ въ гости къ сосѣднимъ священникамъ. Объ Рождествѣ съѣздили къ о. Мелхиседеку, а на Новый годъ задумали погулять у о. Харитона.

— Поидьмо до ёго, говорила Олеся гусарамъ; я вамъ покажу давню кохавку свого чоловика. Онисія Степановна нагодуе васъ такою гусятиною та поросятиною, якои вы не ïли и въ Петербурзи.

Та ще тамъ таки наливки та варенуха, що вже ни въ кого тутъ не знайдете, а гусей та поросятъ повенъ двиръ.

И гусары охотно покатили въ Ольшаницу съ Олесею и ея сестрами, захвативъ съ собою и самаго Балабуху, чтобы подчиненный ему о. Харитонъ былъ щедрѣе на угощеніе.

День былъ ясный, тихій и не очень холодный. Санная дорога стлалась скатертью по ровному полю. Гусары весело летѣли на тройкахъ въ дугу съ колокольчиками и бубенчиками. Въ Ольшаницѣ никто не ждалъ такихъ гостей. У о. Харитона собралась своя сельская компанія: зажиточнѣйшіе прихожане съ женами и дѣтьми, нѣсколько сельскихъ дьячковъ, прежнихъ сослуживцевъ Моссаковскаго, и его первый кумъ, нищій Шмадъ. Гости подвыпили уже порядкомъ; въ свѣтлицѣ шла шумная бесѣда. Столъ заваленъ былъ грудами паляницъ и книшей, среди которыхъ возвышались полумиски съ поросятиной и гусятиной, порѣзанной въ мелкіе куски. Тутъ-же, въ особыхъ полумискахъ, стояли пироги, сметана, яблоки и разные коржики и маковники. Гости закусывали, чѣмъ кто хотѣлъ, послѣ каждой рюмки, а рюмка то и дѣло ходила по рукамъ: Онисія Степановна потчивала женщинъ, о. Харитонъ угощалъ мужчинъ.

Вдругъ за дворомъ раздался звонъ колокольчиковъ, грохотъ бубенчиковъ; въ ворота влетѣли сани, запряженныя рослыми и рьяными конями, за ними другія, потомъ третьи. Колокольчики залились мелкою дробью у самыхъ оконъ. Вся компанія Моссаковскаго бросилась къ окнамъ и съ ужасомъ отскочила, завидѣвъ сани, переполненныя гусарами.

— Ой лишечко! Станови ïдуть! крикнула одна молодица.

— Ой, москали! Та якъ ихъ багато! Це московська закуція! подхватилъ староста.

Всѣ гости о. Харитона кинулись въ разсыпную. Одни убѣгали чрезъ сѣни въ кухню и хижку, другіе прятались въ «кимнату», взбирались по лѣстницѣ на чердакъ, скрывались позади дома, а то и просто удирали домой. Нѣкоторые изъ молодицъ бросили въ свѣтлицѣ дѣтей и кинулись, какъ вспугнутыя птицы, куда глаза глядятъ. Нищій Шмидъ убѣжалъ въ клуню и зарылся въ солому. Запоздавшіе уходомъ попали на крыльцѣ въ группу гусаръ и дамъ и чуть не свалили ихъ съ ногъ. О. Харитонъ, перепуганный на

смерть, не зналъ, что дѣлать, и только бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Онися, увидѣвъ чрезъ окно Олесю въ компаніи гусаръ, только ударила объ полы руками. Въ свѣтлицѣ былъ такой безпорядокъ, что она не знала, за что приняться: совсѣмъ растерянная, схватила фляжку съ водкой, всадила въ миску съ сметаной, выскочила въ спальню, швырнула миску на постель и попала въ своихъ малыхъ дѣтей. Дѣти закричали; Онися, не обращая на нихъ вниманія, выпихнула изъ спальни двухъ перепуганныхъ молодицъ въ свѣтлицу и въ полголоса пропищала:

— Берить стола, та выносьте черезъ двери!

Молодицы схватили столъ со всѣмъ добромъ и потащили, но не въ спальню, а въ сѣни. Гусары и ихъ дамы какъ разъ въ эту минуту ввалились туда, столъ со всѣми закусками застрялъ предъ ними въ дверяхъ и загородилъ имъ дорогу.

— Хорошая примѣта! замѣтилъ Казанцевъ: видно, что хозяинъ любитъ принимать гостей.

— И стричае насъ хлибомъ-силлю, прибавила Олеся.

— Эге, ще й съ пляшками та чарками! промолвилъ Балабуха, переступая порогъ.

Молодицы кое-какъ вытащили столъ и дали дорогу гостямъ. Гости вошли въ свѣтлицу, которую обыкновенно такъ чисто содержала Онисія Степановна. Теперь свѣтлица походила скорѣе на шинокъ: въ воздухѣ стоялъ водочный запахъ; трое забытыхъ крестьянками дѣтей валялись у печки и съ перепугу орали не своимъ голосомъ, по срединѣ валялись корки хлѣба, брошенныя подъ столъ кости, забытыя гостями шапки и рукавицы. На глазахъ у гостей о. Харитонъ собиралъ шапки и рукавицы; Онися схватила разомъ за руки троихъ дѣтей, выволокла ихъ въ «кимнату» и притворила двери. Балабуха съ Олесей, три ея сестры и десять гусарскихъ офицеровъ стояли предъ изумленными хозяевами.

— Извините! Кажется, мы не въ пору пріѣхали, заговорилъ Казанцевъ, обращаясь къ хозяину.

Хозяинъ стоялъ молча, опустивши руки и только посматривалъ съ изумленіемъ на раздѣвавшихся гусаръ и ихъ блестящіе, на его взглядъ даже смѣшные мундиры.

— Не во время и одинъ гость хуже татарина, продолжалъ Казанцевъ, а насъ такъ много.

О. Харитонъ какъ-бы не слышалъ сказаннаго.

— Мы, кажется, помѣшали вамъ; у васъ были гости, заговорилъ опять Казанцевъ.

О. Харитонъ только повелъ глазами въ сторону наймички, которая влетѣла съ вѣникомъ, чтобы подмести полъ.

На выручку о. Харитона, къ нему подошелъ Балабуха и трижды съ нимъ облобызался, поздравляя съ новымъ годомъ.

— Оце прыихали до васъ посыпать, та бачите, скильки пасыпали вамъ гостей, заговорилъ онъ весело къ о. Харитону и сталъ знакомить съ нимъ нагрянувшихъ офицеровъ.

— Дуже ради; просимо покорно садиця, отвѣчалъ успокоенный о. Харитонъ.—Тильки выбачайте, по просту, по сильскому будемо васъ витати, добавилъ онъ, оглядывая офицеровъ.

Олеся между тѣмъ здоровалась съ Онисею и въ свою очередь представляла ей гусаръ. Первымъ подлетѣлъ Казанцевъ, брякнулъ шпорами, повернулся на каблукахъ и оставилъ замѣтный слѣдъ на глиняномъ полу. Тоже продѣлали всѣ другіе офицеры и всковали полъ, какъ грядку подъ цвѣты.

— И де вона въ биса ихъ набрала стильки! думала про себя Онися, неуклюже отвѣчая на поклоны офицеровъ. Та ще й поодягани такъ, що, прости Господи, весь задъ видно. Томъ-то мабуть вони и туляця коло грубы.

Олеся усѣлась на канапкѣ и закрыла носъ напрысканнымъ духами платкомъ; ея сестры переглядывались, перемигивались и пересмѣивались одна съ другой; гусары загоготали и завертѣлись по свѣтлицѣ, какъ у себя дома. Къ хозяину и хозяйкѣ они обращались съ разговоромъ и со всякими разспросами такъ, какъ-бы съ давнихъ поръ были съ ними знакомы.

— Здоровы-ли вы и какъ поживаете? присталъ къ Онисьѣ Степановнѣ Казанцевъ.

— Спасиби вамъ. Слава Богу, здорова до котрого часу, съ неохотой отвѣчала Онися, а между тѣмъ обвела гостей и стала соображать, сколько-то надо зарѣзать гусей и заколоть поросятъ для Олесиной компаніи.

— А ваши дѣти здоровы? Конечно, у васъ есть дѣти, продолжалъ Казанцевъ.

— Е, хвалити Господа, нехай Богъ не вменшае, и вси слава Богу здорови, отозвалась Онися, а про себя считала: по пивъ-гуски на кожного москалюгу, на благочинного пивъ-поросяты, на благочинну хиба курку, а на паннивъ зъ решты буде.

— Что-же, весело провели праздники? Бывали гдѣ въ гостяхъ? не отставалъ съ разспросами Казанцевъ.

Онися почти не слушала и все высчитывала: по пивъ-гуски зжеруть,—москалица здорови!—то пять гусокъ и порося, та треба мабуть зо три качки, або й билшъ, бо це зъ голодного краю гости.

— Ни, ще нигде не були въ гостяхъ. Мали ïхати до батька писля завтра, едва собралась съ отвѣтомъ Онися, думая про себя: Ой пропадуть мои годовани гуси! Навезла Олеська цихъ пройдисвитивъ. А бодай ты була дорогою голову скрутила и соби и своимъ москалицамъ!

Къ довершенію огорченія, кто-то изъ офицеровъ, выглянувъ въ окно и завидѣвъ на дворѣ огромное стадо гусей, почти вскрикнулъ:

— Ахъ, какое множество у васъ гусей! Ей, ей полъ-двора! Я еще нигдѣ не видалъ столько гусей.

— Такъ воно и е! подумала Онися: це вона навезла сеси голодни галечи на мои гуси.

— Хвалити Бога, сёго року въ насъ гуси добре вывелись, поддержалъ офицера о. Харитонъ: та й поросятъ выплодилось чимало.

— Цей дурень самъ выкаже, чого имъ зувсимъ не треба знать, подумала Онися и добавила въ слухъ:

— Слава Богу, выплодилось багато, та половину вовки росхапали въ чагаряхъ.

— А все таки для госпожи благочинной на вечерю зоставили, поправилъ жену о. Харитонъ, осклабившись предъ Олесей.

— Какъ вижу, ваши вовки очень любезны, замѣтилъ Казанцевъ, если оставили еще на ужинъ. У насъ, какъ станутъ хватать, такъ ничего ужъ не оставятъ.

— Ну, что? какъ ваши волы да коровы? обратился къ о. Харитону одинъ изъ офицеровъ, чтобы сказать что нибудь.

— Слава Богу, вси цили, тильки безрога корова забигла десь у богуславськiй лисъ.

— А знайшли-жъ, чи й доси тамъ гуляе? съ усмѣшкой спросила Олеся, искоса подмигнувъ Казанцеву.

Онися замѣтила это и не на шутку обидѣлась.

— Вона зъ мене сміеться зъ своимъ паскуднымъ москалемъ. Потривай-же! думала Онися. Посьміюсь и я съ тебе и съ твого милого. Казавъ мени жидъ кравець, що ты ввечери нишкомъ одъ свого чоловика бигаешь до сёго гусара. Яжъ тоби отдячу.

— Что-то я никакъ не согрѣюсь, закинулъ одинъ гусаръ, вертясь по комнатѣ и потирая руки.

— И я, кажется, прозябъ, отозвался другой, подпрыгнувъ на каблукахъ.

Допоминаються по чарци, подумала Онися, а о. Харитонъ и прямо заявилъ:

— Треба по чарци та по другій, то й нагріетесь.

Онися вышла въ «кимнату» и вынесла большущую фляжку водки и миску пироговъ съ начинкою. Гусары съ ожесточеніемъ набросились на водку и въ одинъ мигъ опорожнили миску съ пирогами. Онися подбавила водки и пироговъ. Гусары пошли угощаться, не ожидая приглашенія со стороны хозяина. Поднялся говоръ, шумъ, какъ прежде въ компаніи мужичьей.

— Скажите, батюшка, обратился къ о. Харитону Казанцевъ: нельзя-ли у васъ достать какихъ либо музыкантовъ? Мы, знаете-ли, немножко потанцовали-бы у васъ.

— Де вже въ насъ достати музыкантивъ! Хиба покликати старого Шмида, промолвилъ нерѣшительно отецъ Харитонъ.

— Отъ выгадавъ людямъ на смихъ, замѣтила мужу Онися.

Олеся, закрывшись платкомъ, безъ удержу смѣялась. Онися глянула на нее, какъ будто пятакъ ей подарила.

— А чомъ-же? вздумалъ поправиться о. Харитонъ: тамъ якъ утне козака на лири, то й музыкъ не треба.

— Вотъ, вотъ, именно казака! воскликнулъ съ жаромъ Казанцевъ. Позовите въ самомъ дѣлѣ: я отродясь не танцовалъ подъ лиру. Это должно быть очень интересно.

Отецъ Харитонъ посдалъ за Шмидомъ; но тотъ узнавъ, что его зовутъ играть предъ офицерами, схватилъ шапку въ охапку и бѣжалъ въ Чайки. Гусары вертѣлись съ дамами безъ музыки. Онися, глядя на вертѣвшуюся благочинную, смѣялась ей въ глаза. Танцы однако не клеились. Чтобы вознаградить гостей за эту неудачу, о. Харитонъ предложилъ офицерамъ, не желаютъ-ли они отвѣдать варенухи.

— Ахъ, да! это у васъ напитокъ какой-то. Пожалуйста; очень будемъ рады, отвѣчалъ за всѣхъ Казанцевъ.

— А вы ще зъ роду не пили? спросилъ о. Харитонъ.

— Съ роду не пилъ.—Но это, говорятъ, что-то очень оригинальное и очень вкусное, сказалъ въ отвѣтъ Казанцевъ.

— Не знаю, яке вже воно тамъ *вышнальне*, пояснялъ о. Харитонъ, а що смачне, то такъ. Та й мицне-жъ! Якъ ударить у голову, то й за ничъ не прочумаешся.—Ожъ зварить лишъ вамъ, Онисіе Степановно, варенухи; нехай гости покуштують, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Онися вышла въ кухню, распорядилась ужиномъ и послала за старостихой, чтобы та сварила варенуху.

Ужинъ поспѣлъ не скоро и гусары къ тому времени проголодались. За ужиномъ они ѣли не меньше, какъ прежде пили. Предусмотрительность Ониси была совсѣмъ не лишняя, иначе ей пришлось-бы краснѣть за недостатокъ кушанья. Припрашивать гусаръ въ питьѣ также не приходилось: они сами распоряжались водкой и наливками, извинялись даже въ этомъ предъ хозяиномъ, заявляя, что дѣлають такъ, не желая утруждать его лишними хлопотами. О. Харитонъ въ отвѣтъ имъ только кланялся, приговаривая: «кушайте на здоровячко»! Къ концу ужина съѣдено и выпито было почти все. Гусары наклюкались до того, что едва ворочали языками; а тутъ вдругъ варенуха. Опробовали, вошли во вкусъ и пошли пить цѣлыми стаканами.

— Ну, да и сильный-же этотъ медвѣдь! проговорилъ не твердымъ языкомъ Казанцевъ, ознакомившійся съ иносказательнымъ названіемъ напитка. Если допить до конца, то вѣрно и въ дверь не попадешь.

Медвѣдь дѣйствительно крѣпко стукнулъ по офицерскимъ головамъ; спертый воздухъ, табачный дымъ довершили остальное. Офицеры не соображали уже, что они говорятъ и что дѣлаютъ: разстегнули мундиры, развалились на стульяхъ, затянули солдатскую пѣсню, лѣзли къ хозяину и другъ къ другу цѣловаться, заговорили всякій вздоръ, произнося подъ часъ не совсѣмъ пристойныя слова. Отуманенный совсѣмъ Казанцевъ подошелъ къ Олесѣ, взялъ ее за талію и положилъ свою голову на ея плече...

Онисія Степановна вскрикнула и выбѣжала въ свою комнату; о. Харитонъ опустилъ глаза; Балабуха вскочилъ со стула и выта-

рацилъ глаза. Олеся вырвалась изъ рукъ Казанцева и отскочила отъ него.

— Олесю, одягайся! йдьмо до дому! крикнулъ Балабуха и съ этими словами выскочилъ на дворъ и велѣлъ запрягать лошадей.

Гусары не слушали Балабухи, подхватили Олесю и ея сестеръ и пошли танцовать. Подкованные каблуки взрывали смазанный глиною полъ, глина летѣла на стулья, поднялась пыль столбомъ. Балабуха едва могъ вырвать изъ рукъ мертвецки пьяныхъ гусаръ жену и свояченицъ, помогъ имъ одѣться и вывелъ на крыльце. Гусары накинули свои шинели, распрощались, какъ попало, съ хозяевами и пустились за своими дамами. Казанцевъ схватилъ Олесю подъ руку и хотѣлъ усадить ее съ собою, но Балабуха не допустилъ и, усѣвшись съ женой, крикнулъ кучеру: «пошелъ»! Сестры Олеси, вскочивъ въ ближайшія сани, ускакали за ними. Гусары съ большимъ трудомъ размѣстились въ оставшихся саняхъ и пустились догонять дамъ. Всю дорогу Балабуха не сказалъ женѣ ни слова; Олеся въ свою очередь молчала, молча и пріѣхали домой.

О. Харитонъ и Онися по отъѣздѣ гостей только руками разводили, стоя въ своей свѣтлицѣ. Дымъ стоялъ столбомъ, на столѣ страшный хаосъ, полъ изрытъ и загаженъ, точно стадо на немъ ночевало, стулья торчали въ разбродъ, иные были опрокинуты.

— Ну, та й наробила-жъ благочина! Правдиву закуцію навела. А той москалище при всихъ іи обнимае. Чортъ-ма ёму стыда й сорома, говорила Онися, срывая свою досаду.

— Звистно, господа, только и могъ добавить смирный всегда о. Харитонъ.

Спустя два дня Онися поѣхала въ Чайки съ своимъ родителямъ и разсказала все матери, а оттуда проѣхала еще къ Мелхиседеку и тамъ не пожалѣла языка, чтобы выставить Олесю съ самой дурной стороны. О. Мелхиседекъ не замедлилъ побывать у Балабухъ и передать благочинной, что разсказываетъ про нее Онися. А Онися всѣмъ твердила одно и тоже, прибавляя: «не боюсь я іи!», и даже бывшимъ у нея жидамъ портнымъ сообщила, что только знала о благочинной. Жидки разнесли тѣ вѣсти по цѣлому уѣзду.

Между тѣмъ Балабуха, по возвращеніи домой, не счелъ возможнымъ ограничиться и на этотъ разъ однимъ молчаніемъ. Войдя

въ комнату Олеси и притворивъ дверь, онъ приступилъ къ ней съ укорами. Олеся разсердилась и надулась.

— Якъ ты сердишся на мене, то три дни мовчишъ. Лучче зробишъ, якъ и теперъ мовчатимешъ, сказала она съ гнѣвомъ: хиба я винна, що пьяный Казанцевъ причепився до мене?

— Якъ-бы не була винна, то винъ-бы не чиплявся до тебе. Не дурно-жъ ты все тягнешь мене до ёго въ гости; не дурно за нимъ двери у васъ николи не зачиняються. Я ёго не пущу въ свою хату, выжену, якъ собаку.

— Казанцевъ хоть говорить до мене; а ты по тиждню мовчишъ и слова до мене не промовишъ.

— Я и всихъ гусаривъ съ хаты повыгоню!

— Якій смиливый! Здаеться, гусаринъ не жидъ, або якій ляшокъ. Гусаривъ не безпечно зачипаты,—воны тоби й бороду одрижуть, сказала Олеся.

— Ну, вже-жъ и ты не будешъ пройзджатись зъ Казанцевымъ: я тебе не пущу.

— Я й сама пойду. Гусары не вовки, мене не ззидять.

— Побачимо. А тымъ часомъ щобъ ты знала, що я того не стерплю, щобъ ты кохалась та залицялась зъ якимсь пройдисьвитомъ, та вводила мене й себе въ славу.

— Ать, нема намъ чого говорити зъ тобою. Йди лучше спати! крикнула Олеся и повернулась къ мужу спиною.

Балабуха хлопнулъ дверью и отправился спать. Весь слѣдующій день батюшка и матушка не говорили другъ съ другомъ ни слова. Балабуха занялся скопившеюся къ новому году отчетностію, Олеся приводила въ порядокъ свои спутанныя впечатлѣнія и изорванное гусарами платье. Она однако ни мало себя не винила.

Чи-жъ я винна, думала про себя Олеся, що той гусаринъ лучче одъ мого Марка, що полюбила я ёго такъ, що теперь мабуть и смерть не розлучить мене зъ нимъ? Чоловикъ сердиться, то й нехай соби сердиться; не хоче до мене говорити, то й я не буду до ёго говорити.

Не говорили и второй день Балабуха съ Олесею. На третій день вечеромъ зашелъ Казанцевъ съ товарищами; Олеся какъ будто воскресла. Пошла веселая болтовня: припоминали Ольшаницу, варенуху, простодушнаго о. Харитона, смѣялись, хохотали, какъ ни въ

чемъ не бывало. Балабуха не выдержалъ, схватилъ шапку и пошелъ къ сосѣду священнику за Рось, откуда вернулся домой лишь въ полночь. Гости ушли; Олеся заперлась въ своей комнатѣ. Балабуха досталъ свой дневникъ и сталъ записывать впечатлѣнія минувшихъ дней. Много скорбныхъ чувствъ, безотрадныхъ, близкихъ къ отчаянію мыслей было вылито имъ на бумагу. Подъ напоромъ ихъ не выдержалъ Балабуха, всталъ съ мѣста, палъ на колѣни предъ образомъ и долго, горячо молился, обливаясь слезами,—молился о томъ, чтобы Богъ обратилъ обезумѣвшую жену на путь истины и послалъ въ его жилище миръ и покой.

Вмѣсто желаннаго мира и покоя въ слѣдующее воскресенье явился къ нему въ домъ Казанцевъ съ полковымъ оркестромъ. Это Олеся запросила нарочито офицеровъ на танцы, выписала снова своихъ сестеръ, пригласила нѣкоторыхъ городскихъ дамъ и задала жестокую выпляску. Балабуха руки опустилъ. Онъ сталъ впадать въ апатію, сидѣлъ въ своей комнатѣ съ чубукомъ въ рукахъ и безъ перерыву курилъ, совершенно безъучастно относясь къ затѣямъ жены и сводившей ее съ ума гусарской компаніи. Что ни воскресенье, появлялись всей гурьбой гусары съ оркестромъ, по всему дому раздавался гулъ, шумъ, гамъ, смѣхи и танцы. Балабуха сидѣлъ въ своей комнатѣ, ничего не слышалъ, ни чего не видѣлъ;его мысли летали гдѣ-то далеко, уходили въ глубь его души, замирали въ истерзанномъ сердцѣ. Въ свою очередь и на него собиравшаяся вомпанія привыкла не обращать уже никакого вниманія, какъ будто-бы онъ былъ содержатель заѣзднаго дома, или его совсѣмъ дома не было.

Олеся веселилась, когда неожиданно на ея голову свалилось великое горе. Казанцевъ съ товарищами намѣтили въ винномъ погребкѣ жидовочку Хайку, дочь винарщика, молоденькую, шестьнадцати лѣтъ, дивной красоты. Гусары кинулись на новинку и скоро въ сердцѣ Казанцева мѣсто Олеси заступила Хайка. Казанцевъ съ товарищами сталъ рѣже бывать у Олеси и чаще появляться въ винарнѣ Шмуля, чтобы полюбоваться его восхитительной дочкой. Хайка до тѣхъ поръ подавала вино гусарамъ, пока не влюбилась на смерть въ Казанцева. Послѣдовало нѣмое объясненіе; Казанцевъ занялся Хайкой, чтобы довести новую интрижку до желаемаго конца. Цѣлую недѣлю Казанцевъ не показывалъ глазъ къ Олесѣ; по цѣлымъ часамъ она сидѣла у окна, тщетно высматривая его.

Казанцевъ не показывался. Однажды Олесю взяла страшная тоска, она накинула не себя шубу и пошла на рынокъ, въ надеждѣ гдѣ либо встрѣтить Казанцева и затянуть его къ себѣ. Былъ базарный день. Часть торгующаго люда уже разъѣхалась, очистивъ отъ запруды торговую площадь и проходящую чрезъ нее дорогу; остались продавцы, которые торгуютъ за полдень. По одной сторонѣ площади на утоптанномъ снѣгу разложено было необозримое множество всякой глиняной посуды, по другой сидѣли торговки съ бубликами, гречаниками, блинами, вареннымъ мясомъ, жареной рыбой и паляницами, стояли столы мѣнялъ, лотки съ пряниками, маковниками, коробки офеней съ разнымъ товаромъ, а далѣе рядъ уипатовъ съ смолою и дегтемъ. Рядовые гусары сновали по рынку, иные несли на плечахъ вязки сѣна.

Олеся завидѣла издали гусаръ и у нея отлегло немного на сердцѣ,—мелькнула надежда встрѣтиться съ Казанцевымъ. И точно, какъ только она вышла на средину рынка, на встрѣчу ей вылетѣла изъ-за пригорка кавалькада офицеровъ, а по срединѣ ихъ самъ Казанцевъ. Кавалькада неслась, какъ вихрь, и на глазахъ Олеси пронеслась по обоимъ рядамъ торговцевъ и торговокъ. Тѣ едва успѣли отскочить. Затрещали подъ копытами лошадей горшки, миски, полумиски, яндолы, золійники, макитры, близнюки и глечики, полетѣли черепки на всѣ бока, зазвенѣли деньги мѣнялъ, покатились во всѣ стороны бублики и булки, разлетались по воздуху пряники, маковники, куски мяса и рыбы, брызги смолы и дегтя облѣпили покупателей и продавцевъ. Поднялся крикъ и гвалтъ невообразимый. Торговцы и торговки разсыпались, собирая и приводя въ порядокъ свой товаръ, разметанный во всѣ концы и на половину или совсѣмъ уничтоженный. Жиды кричали: *гвултъ!* жидовки: *ай вей миръ!* бѣдныя «сидухи» плакали на весь базаръ, гончари и дегтяри отплевывались и отряхались, проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ, гусаръ. «Бый ихъ сила Божа, тихъ проклятихъ москаливъ? И звидкиля вони взялись? Бодай вы роспропали, псяюги, бодай вы страшного суда не диждали!»...

Олеся тщетно махала платкомъ на Казанцева; Казанцевъ повернулъ прямо къ Шмулю, за нимъ поскакала вся кавалькада. Потерпѣвшіе кинулись къ полковнику, но тщетно: товаръ пропалъ «такъ и на сей день», какъ говорили они. Олеся прошла мимо

винарни, заглянула въ окна; Казанцевъ пилъ съ дружиною, отворачивая голову. Олеся все гуляла невдалекѣ и только подъ вечеръ подстерегла своего милаго на возвратѣ изъ винарни и затащила его къ себѣ. Весь вечеръ она хохотала надъ продѣлкой гусаръ. Но это была уже послѣдняя, одна изъ самыхъ дикихъ ихъ проказъ въ Богуславѣ. Настала весна; зазеленѣли вербы вдоль Роси, показалась трава надъ ея берегами. Казанцевъ принесъ Олесѣ странную вѣсть: гусарамъ назначено выступать изъ Богуслава.

Олеся поблѣднѣла, какъ мѣлъ, потомъ, придя въ себя, зарыдала и бросилась Казанцеву на грудь. Казанцевъ сидѣлъ, молча, какъ истуканъ; онъ думалъ про свою Хайку.

— Мій милый, мій дорогій! Якъ ты пойдешъ, то я вмру, не переживу и однои годины безъ тебе. Цей домъ, и Богуславъ, будуть для мене гирше тюрьмы, гирше лютого пекла, говорила Олеся, рыдая.

— Не плачь, душа моя! Я тебя не забуду, никогда не забуду, утѣшалъ ее Казанцевъ.

— Та що мини зъ того, що ты мене не забудешъ, коли я тебе билше вже не бачитиму?

— Я тебѣ оставлю мой портретъ. А тамъ, дастъ Богъ, я какъ нибудь пріѣду къ тебѣ и мы увидимся.

— Э-э-э!.. Пойдешъ та й забудешъ про мене. Я тебе ни за що въ сьвити не покину, пиду пишки сьлидкомъ за тобою!

— Вотъ несчастье! Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ потащится, думалъ Казанцевъ, не выпуская изъ мысли Хайки.

— Я готова йти за тобою хочъ на край сьвита! Пиду за тобою, де ступить твоя нога, буду ѣздити за тобою и дивитись на тебе. Серце мое! не кидай мене, бо я вмру. Я тебе одного полюбила щиро, гаряче, якъ никого николи не любила! Возьми мене зъ собою! крикнула Олеся и опять пала на грудь Казанцеву и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

Казанцевъ только поглядывалъ на двери: онъ очень боялся, чтобы какъ нибудь не вошелъ сюда Балабуха и не засталъ его въ такомъ положеніи.

— Милый мій, моя рыбонько! пойду я съ тобою! Визьми мене, а то сьлидкомъ буду бигти за твоимъ конемъ черезъ мисто.

Вотъ напасть, ей Богу! думалъ Казанцевъ, которому Хайка дала уже клятву, что уйдетъ съ нимъ отъ отца. Какъ же я буду выкрадывать обѣихъ разомъ?

— Ну, хорошо, хорошо, моя милая! сказалъ онъ потомъ Олесѣ. Не оставлю я тебя, возьму съ собою. И вотъ какъ: ночью я подъѣду къ вашему саду, а ты выйдешь ко мнѣ чрезъ садъ и мы укатимъ далеко, далеко!

Олеся вскочила съ мѣста, страшно захохотала, стала бѣгать по комнатѣ, ломала руки, закидывала голову назадъ, кидалась Казанцеву на грудь, рыдала и вновь начинала бѣгать по комнатѣ и хохотать. Казонцеву показалось, что она совсѣмъ сошла съ ума. Онъ выглянулъ въ сѣни, притворилъ двери и боязливо оглядывался во всѣ стороны, пока Олеся не успокоилась. Придя въ себя, она сѣла подлѣ Казанцева, положила голову на его плече и какъ будто заснула.

Послышался скрипъ дверей въ сѣняхъ: то Балабуха прошелъ въ свою комнату чрезъ сѣни. Казанцевъ тихонько приподнялъ голову Олеси, взялъ киверъ и какъ котъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, накликалъ-же я себѣ бѣду! думалъ Казанцевъ, удирая въ винарню къ жидовочкѣ Хайкѣ. Это какая-то сумасшедшая попадья; она пожалуй и въ самомъ дѣлѣ побѣжитъ за мною среди бѣлаго дня чрезъ весь Богуславъ, полетется слѣдомъ за нами. Надѣлаетъ тогда хлопотъ, да и товарищи потѣшаться станутъ. Погоди же, матушка! я тебѣ отъучу отъ непрошенныхъ нѣжностей.

Прошло недѣли двѣ послѣ того: зацвѣли сады, защелкали соловьи въ лугахъ и садахъ по-надъ Росью; распустилась весна, какъ пышная красавица-дѣвица. Олеся гуляла въ своемъ саду и только и думала о томъ, какъ она выѣдетъ изъ Богуслава съ своимъ милымъ. Только что она спустилась по дорожкѣ къ Роси, какъ ее догналъ Казанцевъ.

— Завтра на разсвѣтѣ выступаемъ, шепнулъ онъ на ухо Олесѣ: не спи, жди меня! Въ полночь я тихо подъѣду и постучусь въ окно. Будь готова и скорѣе открывай окно. Я тебя отвезу въ корчму, что въ лѣсу по дорогѣ въ Корсунь. Тамъ ты будешь ожидать меня, я же возвращусь на время къ полку, такъ какъ мнѣ надо выступать съ полкомъ. Ну, а потомъ пошлю впередъ фургонъ, ты садись въ него, закрой окна и жди. Какъ только полкъ дойдетъ до корчмы, я сяду съ тобою и покатимъ вдвоемъ, моя милая! Пріѣдемъ въ

Петербургъ, увидишь тамъ дворцы... Будемъ танцовать на балахъ, каждый день шампанское будемъ пить, чортъ побери!..

У Олеси отъ радости и страха ноги задрожали. Она увела за руку Казанцева въ самую чащу вербъ и вишень и усѣлась съ нимъ на камнѣ у самой воды. Надъ головами ихъ распѣвалъ соловей, съ противоположнаго берега Роси доносился стукъ мельничныхъ колесъ и шумъ падавшей по нимъ воды, посрединѣ клокоталъ водопадъ, а у ногъ ихъ выступалъ изъ воды молодой очеретъ и острыми зелеными стрѣлками окаймлялъ широко раскинутое платье Олеси. Въ упоеніи восторга Олеся кинулась Казанцеву на грудь.

— Полно, полно, душа моя! Некогда; мнѣ пора домой, надо въ дорогу собираться.

Казанцевъ поцѣловалъ Олесю, схватился и бѣгомъ пошелъ на гору. Олеся сидѣла на камнѣ, какъ мертвая, потомъ встала и тихо побрела вверхъ. Ставъ у беседки, она окинула глазами все за-Росье и свой садъ. Вечеръ горѣлъ тихимъ пламенемъ вечерняго свѣта, разливавшагося по скалистому берегу Роси, по густо-заросшему саду и отбивавшаго красноватымъ оттѣнкомъ на высокомъ холмѣ вдоль по Роси, гдѣ стоялъ монастырь, и на бѣлыхъ его стѣнахъ. Олеся восхитилась невольно, глядя на всю эту красу; но вспомнила мужа и почувствовала, что ей не жаль покинуть все это, какъ и его самаго. Дѣтей у нея не было, а мужа она не любила.

— Тебе тильки, мій милый, я люблю, тебе одного на всимъ свити! Тебе одного я не покину! мечтала Олеся, переносясь мысленно въ квартиру Казанцева.

Олеся поужинала вмѣстѣ съ мужемъ, но не промолвила къ нему ни слова и ушла не попрощавшись. Балабуха привыкъ къ этому и не удивился и на сей разъ. Затворившись потомъ въ своей спальнѣ, Олеся повынимала изъ сундука лучшія свои платья, достала кое-что изъ бѣлья и верхней одежи, завязала все въ большой платокъ, потушила свѣчку и, не раздѣваясь, легла на кровать и прикрылась одѣяломъ. Она ждала и чутко прислушивалась ко всему. Отъ крайняго возбужденія нервовъ ее попеременно бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Часы пробили двѣнадцать, а Казанцева не было. Время тянулось, какъ тяжелая болѣзнь. Пробилъ и часъ, на дворѣ было тихо и мертво. Но вотъ послышался легкій стукъ колесъ на улицѣ; возъ подъѣхалъ и остановился, что-то зашуршало у плетня. Олеся вскочила

съ кровати, кровь ударила ей въ голову, ей казалось будто искры посыпались у нея изъ глазъ и вся комната какъ-бы молніей освѣтилась. Олеся кинулась къ окну и сразу разглядѣла въ темнотѣ стройную фигуру Казанцева; она раскрыла окно; Казанцевъ схватилъ ее подъ руки и вытащилъ изъ окна на огородъ.

— Тамъ за викномъ на стильци лежить моя одежа, прошептала Олеся; вытягни іи.

Казанцевъ насилу протащилъ чрезъ окно большущій узелъ, донесъ до плетня и бросилъ на возъ. Перепрыгнувъ потомъ самъ чрезъ плетень и пересадивъ Олесю прямо въ возъ, Казанцевъ въ одинъ прыжокъ усѣлся, схватилъ вожжи и ударилъ по лошадямъ. Лошади понеслись стрѣлой и Казанцевъ съ Олесей мигомъ очутились уже въ лѣсу.

Двѣ темныя стѣны свѣже распустившихся деревьевъ стояли по обѣ стороны дороги; на востокѣ обозначалась уже красноватая полоса. Казанцевъ гналъ лошадей изо всей силы; Олеся ухватилась за шею его руками, чтобъ не выпасть изъ воза.

— Чи памятаешъ, мое сердце, якъ мы летили цимъ шляхомъ зимою; якъ ты вперве сказавъ тутъ, що любишъ мене? нѣжно заговорила Олеся къ Казанцеву.

Казанцевъ гналъ лошадей и молчалъ.

— Чи памятаешъ, якій иній тоди выпавъ, якъ дивно сьвитивъ мисяць? Я все памятаю!—Памятаю той вечиръ и те мисце въ лиси, де ты признавався, що любишъ мене. А ты памятаешъ? спрашивала Олеся.

Казанцевъ молчалъ и пуще прежняго гналъ лошадей. Онъ спѣшилъ, ему надо было еще выкрасть Хайку, а на горизонтѣ занималась уже заря.

У темной стѣны лѣса забѣлѣла корчма.

А ось и та корчма, де гравъ колись оркестръ! А ось за корчмою и ти липы, пидъ которими мы пили шампаньске, говоритъ Олеся.

Казанцевъ подкатилъ къ корчмѣ и осадилъ лошадей. Поспѣшно соскочилъ онъ съ воза, снялъ Олесю и сталъ стучаться въ дверь. Корчмарь спалъ, какъ убитый. Казанцевъ дернулъ дверями такъ, что чуть не высадилъ ихъ.

Въ корчмѣ послышался хриплый голосъ жида: хто тамъ?—Ось заразъ, заразъ! отозвался жидъ.

Въ окнѣ блеснулъ огонекъ, скрипнули двери, въ дверяхъ показался заспанный жидъ.

— Пусть у тебя въ хатѣ посидитъ эта пани. Черезъ часъ я заѣду, сказалъ Казанцевъ.

— Про мене, нехай сидять соби хочъ и цилый день. Може треба конямъ вивса, або сина? спросилъ корчмарь.

— Ничего не надо, сказалъ Казанцевъ, вводя Олесю за руку въ корчму.

Жидъ поставилъ на столѣ маленькій огарокъ сальной свѣчки въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, прошелъ въ чуланъ, затворилъ за собой дверь и легъ спать. Казанцевъ обнялъ Олесю, поцѣловалъ и, выступая за порогъ, торопливо проговорилъ: прощай и жди! Чрезъ часъ я буду здѣсь.

Двери затворились; опорожненный возъ сильно застучалъ и вихремъ понесся назадъ. Стукъ колесъ затихалъ и наконецъ совсѣмъ замеръ. Олеся положила свой узелъ на лавку и сама сѣла въ концѣ стола. Въ корчмѣ стало тихо, и только спавшіе жиды сопѣли въ чуланѣ. Огарокъ шабасковой свѣчки чуть-чуть мерцалъ на столѣ. Олеся сидѣла, опершись локтемъ объ столъ и подперевъ голову ладонью. Чуть-чуть замѣтный свѣтъ отъ огарка падалъ на покрывшееся густой краской горячее ея лице. Черные глаза ея блестѣли какимъ-то необычайнымъ свѣтомъ подъ нависшими и слегка припухшими вѣками. Олеся сидѣла, будто мертвая, глядѣла на огарокъ и даже его не видѣла. Всѣ ея думы неслись въ слѣдъ за милымъ. Она не примѣчала огромной бочки съ водкой, стоявшей у порога, не чувствовала тяжелаго промзглаго воздуха въ корчмѣ.

Вдругъ огарокъ вспыхнулъ, затрещалъ, запалъ въ подсвѣчникъ и сразу погасъ.

Олеся рванулась къ нему, немного приподнялась и снова упала на лаву. Въ корчмѣ стало темно, Олеся очнулась.

— Боже мій! Де це я? Що це зо мною діеться? Я їхала, летила зъ нимъ, якъ птиця, на якихсь прудкихъ коняхъ, потимъ мы стали..., потимъ винъ ставъ зъ воза и зсадивъ мене... кругомъ чорный лисъ... корчма, якійсь жидъ. Боже мій, я втикала зъ нимъ. Я теперъ въ корчми...

Олесѣ стало страшно. Она оглянулась вокругъ: окна едва обозначались легкимъ сѣрымъ свѣтомъ въ густомъ мракѣ: столъ.

лавки, стѣны, бочка—все было покрыто непроглядной тьмой: одна лишь огромная печь выступала изъ угла въ какомъ-то неясномъ очертаніи, наводившемъ страхъ. Олеся вспомнила, что она ждетъ Казанцева. Она повернула глаза къ окну, напрягла все свое вниманіе и стала прислушиваться, не застучитъ-ли возъ въ лѣсу.

Несвязныя мысли носились и путались въ головѣ Олеси, какъ въ лихорадкѣ. И чудится ей: шумитъ лѣсъ, а средь шума гдѣ-то далеко застучалъ возъ и все больше приближается къ корчмѣ; вотъ уже у корчмы мигнули рослые кони, кто-то встаетъ съ воза и бѣжитъ къ дверямъ; двери тихо отворились и на порогѣ сталъ Казанцевъ, освѣщенный чуть замѣтнымъ свѣтомъ.

Олеся схватилась съ мѣста и кинулась къ дверямъ. Казанцевъ исчезъ и она ударилась только руками въ черпѣвшія двери. Олеся оглянулась на комнату, черная бочка какъ будто шевельнулась, закачалась печь и темныя дверцы сами собой отворились...

Олеся вскрикнула и выбѣжала на дворъ. На дворѣ уже разсвѣтало. На востокѣ поверхъ лѣса разгоралась чудными, розовыми и желтыми полосами зарница. Свѣжій утренній вѣтерокъ обвѣялъ и освѣжилъ горячее лице Олеси: она пришла въ себя и начала оглядываться вокругъ. Верхушки лѣса освѣтились подъ чистымъ прозрачнымъ небомъ; внизу можно было разглядѣть широкую гладкую дорогу.

— Серце мое, милый мій! Чого ты такъ забарився? На що ты такъ мучишъ мене? шептала Олеся, тихо двигаясь подъ высокими липами.

Олеся сѣла на завалинѣ, свѣсивъ нѣсколько голову внизъ. Прямо передъ нею, внизу двухъ сходившихся за корчмою стѣнъ густого лѣса виднѣлось темное отверстіе,— то узенькая дорожка уходила въ чащу лѣса, какъ въ темный погребъ. Олеся заглянула въ эту темную продушину и ее охватилъ невыразимый страхъ. Разбойники, волки, вѣдьмы, русалки и всякія дива носились въ ея разстроенномъ воображеніи. Она отвела глаза отъ страшной продушины и повернула голову въ другую сторону. Тамъ у самой корчмы росли высокія березы съ густо нависшими вѣтвями и давали такую-же страшную тѣнь. Олесѣ припомнились вдругъ всѣ пугавшіе ее въ дѣтствѣ разсказы про цвѣтъ папоротника, про то, какъ нечистая сила стережетъ этотъ цвѣтъ, какими ужасами она стращаетъ людей, и передъ ея глазами запрыгали черныя рогатыя фигуры съ

козлиными лицами и бородами, съ острыми бѣлыми зубами, съ огненными глазами; особо два глаза, какъ два горящіе угля, сверкнули предъ ней въ темной чащѣ березняка... Олеся вскочила съ завалины и выбѣжала на большую дорогу, проходившую впереди корчмы. По краямъ горизонта, выдвигавшимся изъ-за вершины лѣса, разлился яркій свѣтъ восходящаго солнца и прогналъ всѣ ея страхи.

Становилось все яснѣе и свѣтлѣе; гдѣ-то далеко внизу надъ Росью защелкали соловьи; верхушки лѣса заблестѣли яркимъ свѣтомъ. Лѣсъ стоялъ еще подъ тяжелою росою и какъ-бы въ сладкой дремотѣ слушалъ соловьиныя пѣсни. На вѣтвистомъ дубѣ чуть слышно пропищала птичка, встрепенула крыльцами на вѣткѣ и стряхнула крупныя капли росы; откуда-то пронесся воробей, чирикнулъ на лету и порхнулъ подъ крышу. Олеся совсѣмъ опомнилась и начала ходить впередъ и назадъ по широкой дорогѣ.

— Отъ-отъ загуркотить шарабанъ, и я буду на вики счастлива! думала Олеся, посматривая на дорогу. А шарабанъ не гуркотѣлъ. Только птички щебетали на всѣ лады въ лѣсу и по лугу и наполнили воздухъ своими пѣснями.

Солнце выдвигалось изъ-за лѣса: лѣсъ открылся во всей утренней своей красѣ. Съ вершины горы, сквозь узкую прогалину пробился солнечный свѣтъ и яркимъ пламенемъ брызнули изъ-за горы какъ-бы раскаленные въ огнѣ и острые, какъ иглы, лучи его. Издалека, отъ города понеслись звуки оркестра и тихими мелодіями понеслись по долинѣ Роси и слились съ пѣснями соловья. Олеся услышала эти мелодіи, какъ сквозь сонъ, и вся задрожала.

— Гусары выступають зъ города, подумала Олеся и засмѣялась. Она кинулась въ корчму, схватила свой узелъ и побѣжала по дорогѣ на встрѣчу гусарамъ.

— Отъ-отъ выскочить зза горы вороный кинь! Отъ-отъ загуркотить шарабанъ! думала Олеся, спускаясь въ долину.

Она вышла на гору, а коня и шарабана нигдѣ не было видно, спустилась въ другую долину и вновь взошла на горку,—никто не ѣхалъ и не шелъ. Олеся устала и задыхалась. Она бросила тяжелый узелъ и упала на землю.

Солнце высоко поднялось на небѣ; лѣсъ горѣлъ яркимъ свѣтомъ; звуки военной музыки давно затихли. Впереди за холмомъ послышался стукъ колесъ. Олеся вскочила на ноги и побѣжала

впередъ. Изъ-за холма показался простой драбинчатый возъ, а на возу сидѣлъ мужикъ.

— Тебе пославъ сюды Казанцевъ? спросила его Олеся.

Мужикъ вытаращилъ глаза, сдерживая разбѣжавшуюся лошаденку.

— Мене нихто не посылавъ; я самъ собi йду по своему дилу, отвѣчалъ онъ какъ-то нехотя.

— А далеко йдуть гусары? спросила вновь Олеся.

— А хиба я знаю. Вони выйшли кіивськимъ шляхомъ, а чи далеко одійшли, то про те хто ихъ тамъ знае, бо то зувсимъ въ другу сторону, отвѣчалъ мужикъ, искоса поглядывая на Олесю.

— Кіивськимъ! крикнула Олеся не своимъ голосомъ и не дослушавъ мужика, засыпала его новыми вопросами: а може ты стрився зъ якимъ гусарскимъ офицеромъ? Не йдуть сюды яки гусарськи офицеры? Чи не бачивъ ты чорного шарабана?

— Кажу вамъ, вси офицеры и шарабаны поихали кіивськимъ шляхомъ, пробурчалъ мужикъ и ударилъ по лошаденкѣ.

Олеся выпустила изъ рукъ узелъ и упала на него. Страшная мысль мелькнула въ ея головѣ: а може винъ пиддуривъ мене, насміявся зъ мене? Алежъ, чи винъ-же не кохавъ мене! Чи винъ-же не клявся, не присягався!

Олеся подняла тяжелый узелъ и уже не несла, а тянула его за собой. Взобралась она еще на одну горку; оттуда показался уже на горѣ Богуславъ и видна была вся дорога, до самаго Богуслава. Внизу по дорогѣ тамъ и сямъ сновали пѣшіе и проѣзжали на возахъ, но нигдѣ не видно было ни одного синяго мундира.

Олеся вновь упала на узелъ и зарыдала. Она рыдала громко, ломала руки, припадала головою къ землѣ, но только густой лѣсъ слышалъ ея рыданья, видѣлъ ея слезы. А солнце все выше и выше поднималось вверхъ.

— Що-жъ мени въ сьвіти Божому теперъ робити? громко говорила Олеся, какъ-бы прося у кого совѣта: де мени подити свій соромъ! Йти до батька въ Хохитву ще стыднише; треба вертатись до дому.

Изъ лѣсу боковой дорожкой выѣхалъ какой-то крестьянинъ на легонькомъ возку. Олеся подрядила его свезти ее въ Богуславъ, сѣла на возъ и поѣхала, обливаясь слезами. Въѣхала въ городъ.

По улицамъ, какъ угорѣлые, бѣгали и кричали жиды; у Шмулевой винарни копошилась огромная куча жидовъ и жидовокъ. Они сбѣжались сюда со всѣхъ концевъ разбросаннаго города: жиды яростно герготали, жидовки вейкали и плакали. Олеся проѣхала въ свой дворъ. На встрѣчу ей со двора шелъ глуповатый Прокопъ. Увидѣвъ матушку, онъ простодушно закричалъ:

— Слава-жъ Богу, що вы вернулись! А мы думали, що вы втикли зъ офицеромъ. Батюшка побигли киньми доганяти гусаривъ. А той чорнявый гусаринъ, що ходивъ до насъ, укравъ Шмулеву Хайку.

— Хайку! крикнула Олеся на весь дворъ и подумала про себя: мене проминявъ на Хайку! Будь-же ты проклятъ тричи до вику!

Войдя въ свою комнату, Олеся сѣла у окна и какъ-бы окаменѣла. Ея лице осунулось и покрылось мертвенною блѣдностію, зрачки расширились, вѣки раскрылись, глаза горѣли огнемъ; подъ глазами залегли синіе кружки; губы посинѣли и засохли. Олеся сидѣла въ тяжкомъ раздумьѣ, ничего не видѣла и не слышала. Килина накрыла столъ, подала обѣдъ и просила Олесю къ столу; Олеся не слышала ея словъ, не видѣла ея самой.

Около полудня растворились двери, вошелъ мужъ блѣдный, какъ смерть, съ всклокоченною головою, съ неумытымъ лицемъ. Онъ остановился среди комнаты и лице его какъ будто прояснилось.

— Ты дома! крикнулъ онъ громко и бросился къ Олесѣ; ты не втикла зъ тымъ москалюгою!

Олеся подняла на него помертвѣвшія свои глаза, чуть слышно проговорила: «хотила втикти, та винъ мене пиддуривъ и покинувъ», и съ этими словами упала со стула на полъ, какъ мертвая.

Балабуха бросился къ ней, поднялъ ее, положилъ на постель, схватилъ графинъ съ водою, брызнулъ ей въ лице широкою струею, приложилъ намоченый платокъ къ ея головѣ. Олеся лежала безъ всякихъ признаковъ жизни, блѣдная, какъ полотно.

Пришелъ докторъ, велѣлъ раздѣть ее и уложить въ постель, приставилъ горчичники. Олеся лежала, какъ трупъ и только предъ вечеромъ начала тяжело дышать, не открывая глазъ. Балабуха стоялъ у ея постели, горько плакалъ и все смотрѣлъ на ея красивое блѣдное лице, на полныя круглыя руки, какъ-бы высѣченныя изъ мрамора. На дворѣ вечерѣло; скоро и совсѣмъ смерклось. Балабуха не сходилъ съ мѣста, цѣлый день ничего не ѣвши, и

все держалъ Олесину руку въ своей рукѣ. Настала ночь: Олеся не открывала глазъ, ея дотолѣ блѣдное лице покрылось темной краской, жаръ разлился по всему тѣлу. Въ домѣ все затихло и только изъ гостинной доносился мѣрный стукъ маятника. Перевалило за полночь; Олеся начала произносить невнятно безсвязныя слова.

— Олесю! Олесю! опамятайся! говорилъ Балабуха, приподнимая горячую руку жены.

Неожиданно Олеся открыла глаза, судорожно приподнялась и сѣла на постели. Большіе, мутные глаза блуждали, какъ у мертвеца.

— Ты прыихавъ! Ты не покинувъ мене? Милый мій, сердце мое! Я трохи не вмерла за тобою! Скорише, скорише йдьмо, свитае. Онъ бачишь мисяць злетивъ и сивъ на дереви. Сидлай кони, полетимо, якъ пташки, щобъ нихто насъ не піймавъ, та тилько мерщій, мерщій, мое миле серце!

Олеся обняла Балабуху и положила свою горячую голову на его плече. Балабуха зарыдалъ; слезы закапали и полились по щекѣ Олеси. Олеся упала на подушки и закричала въ безпамятствѣ:

— Ой не одъизджай! ой не покидай мене въ сёму лиси! Онъ ворушиться въ темряви стилъ, ворушиться груба. Зъ грубы щось дивиться на мене страшными червоными очима! Рятуй мене, мій милый!

Олеся закричала. Балабуха взялъ крестъ и приложилъ къ ея горячему лбу. Олеся закрыла глаза и снова стала, какъ мертвая.

— Боже мій, Боже мій! на що ты пославъ мени такій важкій хрестъ! Чимъ я Тебе прогнививъ? молился Балабуха, держа холодный крестъ надъ Олесею и осѣняя имъ ея лице и руки.

Стало разсвѣтать; слабый свѣтъ освѣтилъ комнату и блѣдное лице Олеси; она заснула тяжелымъ сномъ. Балабуха завѣсилъ простыней окно, вышелъ не надолго изъ комнаты, умылся, причесался и, вновь вернувшись, упалъ на колѣни у постели Олеси. Взошло уже солнце и насталъ день, а Балабуха все еще стоялъ на колѣняхъ и молился за Олесю, чтобы Господь простилъ ея грѣхъ, возвратилъ ей здоровье и далъ силы перенести тяжелое искушеніе.

Цѣлую недѣлю пролежала Олеся въ постели и Балабуха все это время не отходилъ отъ ея постели, утѣшалъ жену, сто разъ прощалъ ея вину, убѣждалъ ее мужественно перенести постигшее горе. Спустя недѣлю Олеся поднялась съ постели: она завяла и засохла;

лице утратило свѣжесть и какъ-бы почернѣло, щеки запали, ясныя очи померкли. Природа разцвѣла и разукрасилась зеленью, цвѣтами, Олеся ничего того не замѣчала и какъ-бы жила въ иномъ какомъ-то мірѣ. Ея душу, ея сердце, всю ее пришибло тяжкое горе. Цѣлые дни просиживала она въ саду надъ Росью, глядѣла на далекій просторъ и все впадала въ мрачную задумчивость, пока осенью не породила на свѣтъ Божій крохотную дочку. Балабуха опять разложилъ предъ собой свой дневникъ; думалъ, думалъ и съ великою тугою на сердцѣ только начертилъ въ немъ, вмѣсто всякой записки, большой во всю страницу крестъ, обозначивъ подъ нимъ протекшіе ужасные мѣсяцы.

И. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕКЕЛЬНЫЙ МАРКО [1].

(Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка).

Въ 1879 году въ Одессѣ издана была не оконченная поэма на малорусскомъ языкѣ извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка, подъ заглавіемъ: *Марко проклятый*, на оригиналѣ которой другой малорусскій писатель, П. П. Гулакъ-Артемовскій надписалъ такой отзывъ: «зъ роду лучшого не читавъ, и до смерти вже не прочитаю». Въ этой поэмѣ художественно воспроизведена, хотя прозою, а не стихами, малорусская народная легенда о Маркѣ проклятомъ, — томъ отверженномъ за тяжкіе грѣхи скитальцѣ, котораго не принимаютъ ни земля, ни адъ и который, будучи осужденъ Богомъ на вѣчное странствованіе, живетъ одною жизнею съ народомъ и съ цѣлію загладить свои вины благотворитъ людямъ, впадающимъ въ бѣду, и всему народу, появляясь съ своею помощію въ критическіе для него моменты.

Какъ отдѣльный эпизодъ въ ряду безконечныхъ похожденій и приключеній Марка, въ поэмѣ (41—49) воспроизводится проникновеніе Марка въ адъ и переполохъ, который онъ произвелъ тамъ, разгоняя чертей и освобождая изъ адскихъ мукъ грѣшныя души.

Этотъ именно эпизодъ, — то, какъ по народной пословицѣ, «Марко товчеся по пеклу», и составляетъ сюжетъ помѣщаемаго нами стихотворенія: «Марко пекельный». Стихотвореніе принадлежитъ несомнѣнно концу XVIII вѣка; это очевидно по его языку и пріемамъ, сильно напоминающимъ извѣстныя пасхальныя и рожде-

[1] Записано въ 1835 году, въ тенчинской станицѣ черноморскаго войска отъ козака 76 лѣтъ Вакулы Губы.

ственскія вирши того-же времени, о которыхъ установилась традиція, что они были говорены черноморцами Потемкину. Основная мысль стихотворенія, сущность его содержанія состоитъ въ изображеніи похожденій Марка въ адѣ съ цѣлію разрушить его, истребить его обитателей и извести изъ него грѣшныхъ. И цѣль, по легендѣ, почти достигнута, разоренное Маркомъ «пекло» запустѣло на долго, но опять является по грѣхамъ запорожцевъ. Отсюда видна не только сокровенная цѣль автора стихотворенія, но и кругъ слушателей или читателей, для которыхъ оно предназначалось. Цѣль его дидактическая, а писалось оно для запорожцевъ и всего вѣроятнѣе въ самомъ-же Запорожьѣ.

Стихотвореніе: «Марко пекельный» воспроизводитъ лишь одну малѣйшую часть той обширной легенды о «Маркѣ проклятомъ», матеріалы которой, варьируемые до безконечности, покойный Алексѣй Петровичъ собиралъ болѣе 30 лѣтъ, и воспроизводитъ не только отлично отъ собранныхъ имъ повѣрій, но и внѣ всякой связи съ прочими частями легенды. Очевидно, стихотвореніе писано въ ту еще пору, когда легенда о Маркѣ имѣла живое обращеніе въ устахъ народа и въ объясненіи связи воспроизведенной ея части съ другими не настояло никакой надобности; притомъ-же эта часть имѣетъ здѣсь какъ-бы самостоятельный, цѣльный видъ и Марко не напрасно названъ здѣсь «пекельнымъ», а не «проклятымъ»,— онъ является въ адъ не въ силу одолѣвающихъ его мукъ, а по особому повелѣнію св. апостола Петра, чтобы узнать и повѣдать людямъ о мукахъ претерпѣваемыхъ въ адѣ, избіеніе-жъ чертей и разореніе ада является какъ-бы мимоходомъ.

Стихотвореніе принадлежитъ времени, которое мы привыкли называть временемъ упадка и истощенія малорусской литературы, но которое на самомъ дѣлѣ есть только малоизвѣстное и мало обслѣдованное время. Побольше откроется такихъ произведеній, какъ печатаемое теперь и напечатанныя прежде, и мы должны будемъ значительно измѣнить взглядъ на происхожденіе новой украинской литературы.

Стихотвореніе захватываетъ одну изъ богатѣйшихъ и выдающихся народныхъ легендъ и въ этомъ наибольшій его интересъ. «Каждый народъ, говоритъ А. П. Стороженко, имѣетъ своего скитальца: древніе греки Одиссея, французы Вѣчнаго Жида, Сантенера, испанцы Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечтешь; у русскихъ Кащей безсмертный, а у малороссіянъ *Марко проклятый*; но, кажется, малороссійскій Марко заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ». Но понятно, что сказано о цѣлой легендѣ, того нельзя примѣнять вполнѣ къ одной только ея части.

Передаемъ текстъ стихотворенія по списку не вполнѣ исправному, въ которомъ не одинаковый размѣръ стиха мѣстами спутывается и совсѣмъ теряется.

Сидайте-жъ, хлопци, вси гуртомъ,
А вы, дивчата, геть въ отдилы,
Щобъ не було мижъ вами якои веремія!
А якъ-же буде хто жартувати,
Того въ потилицю будемъ гнати!
Мовчить та слухайте,
Яку я вамъ буду казку казати:
Про хлопця молодця, козака-яригу,
Що Маркомъ прозывався,
Та ще й пекельнымъ звеличався,
За те, що у Господа спасения зодбавъ,
Та чортивъ у покли налякавъ;
Налякавъ такъ, що рогати й доси видъ козакивъ втикають,
Та знай одно, що тильки лають.
А запорозькій якъ духъ почують,
То заразъ въ таръ-тары мандрують!

———

Бувъ соби козакъ Марко, ледарь завзятый,
Батька й матирь не поважавъ,
А все тильки пивъ та гулявъ:
На улицю до дивчатъ першимъ поспишався,
А у церкви послиднимъ зоставався,
Щобъ мерщій можна було втикати,
Якъ нигъ на выхидъ почне благословляти:
Зъ чужими жинками женихався,
Та старихъ людей цурався.
Зъ его буйною головою
Не було никому спокою.
Тильки разъ оцёму Марку
Святый Петро у сни зъявився,
Тоди, якъ винъ говивши запричастився
—«Ты теперь, каже, новихъ грихивъ не маешъ.
А якъ проспеся, то виьять нахапаешъ, —
А якъ за тебе Господа благавъ,
Щобъ винъ тоби на покуту часъ давъ.

Теперъ-же сей часъ наступае.
И тоби ничого наминаця.
Та треба у пекло збираця.
А якъ, рекъ, тамъ трохи побудешъ.
То души спасення здобудешъ.
Та гляди, зъ чортами не братайся.
А найпаче люцинера цурайся:
Бо сей чортяка надъ чортами,
Якъ гетьманъ мижъ козаками».
—«А щожъ мени зъ чортами робити:
Чи ихъ христомъ хрестити,
Чи тилько по шіи бити?»...
—«У мене, каже, святый Петро.
Е на тебе велика надія,
Що ты мени чортивъ присупонишъ.
Та зъ пекла ихъ повыгонишъ.
Вони козачимъ багломъ завладили,
И бидни козаки давно не пили й не ѣли,
А въ запорожцивъ нема ни якои силы.
Ба позоставались одни тилько жилы.
Уси спасення у Господа благають,
А чорты ихъ въ рай не пускають:
Уси заставы скризь позапирали,
А стежки каминнямъ позакидали.
Якъ-же стали янголи литати,
Та козакивъ зъ багла вытягати,
То чорты почали ихъ тамъ зачипляти.
Щобъ до новихъ грихивъ намовляти.
У багло жинокъ напускали,
Щобъ козакивъ на нови грихи скушали.
Вже де яки почали женихаця,
Щобъ у пекли на викъ позостаця.
А инишхъ стали горилкою частувати.
Щобъ тильки спасення перестали прохати.
Я въ пекло тебе за-для того посылаю.

Що спасення души твоій бажаю.
Будешъ ты тамъ зъ чортами жити.
Та на послузи волю ихъ чинити.
А якъ ввирыця тоби пекельна сила.
Тоди дамъ тоби багато дила.
Будешъ мени зъ пекла козакивъ вызволяти.
Та у рай заставы видчиняти—
Тимъ, що у Господа милости просили
Та спасення души заслужили,
Що видъ чортячихъ ласокъ жахались
И зъ видьмами не женихались.
И котрихъ чорты хотили частувати.
А вони имъ у вичи почали плювати.—
Та тихъ, що видёмъ за лопуцьки хапали.
Та въ пекельне огнище втягали.
Отъ сихъ козакивъ ты будешъ у рай пускати.
Де вони будуть Господа прославляти».
—Сказавши се, святый Петро десь дився.
А нашъ Марко ажъ у пекли опинився.
Его-жъ чорты якъ уздрили.
То мовъ галычъ кругомъ обсили.
Ничого не питають,
Тилки мовъ коты хвостами виляють.
Ажъ ось одинъ бисъ нагодився.
Та зъ крюкомъ до Марка схилився.
Та хотивъ вже ему витаня вчинити.
Щобъ крюкомъ за ребра зачепити.
Та тилко налагодивсь се зробити.
Якъ переставъ до разу жити.
А Марко узявши чортивъ крюкъ у руки.
Ставъ чортивъ оглядати,
Чи не кинеця хто вкьять крюкомъ зачипати.
А чорти такъ полякались,
Що ажъ на вышче гилля позбирались.
Та якъ коты замявкотали.

И хвостами ще бильшъ замахали.
—«Се у васъ, каже Марко, таки звычаи,
Щобъ козакивъ такъ зустричати,
—Та за ребра, мовъ собакъ, чиплятп?
Стривайте-жъ, я васъ помуштрую!»
Та сказавши, почавъ крюкомъ махати,
Та чортивъ зъ гилля, якъ груши збивати.
Чорты-жъ до Марка якъ не наближались
И якъ до ёго вже не присикались,
Та не мали силы его зачепити,
Або чимъ вразити,
Бо Марка свята сила обороняла
И чортивъ геть видпихала.
А Марко знай одно—махае,
Та чортивъ зъ деревъ збивае.
Уже ихъ на гиллякахъ зосталося трохи,
Ростыкались уси, неначе блохи.
А котори по закуткахъ поховались,
Зъ переляку уси . . . .
Та на все пекло такъ накурили,
Що зостатись тамъ не було вже силы.
Марко хотивъ бувъ вже втикати,
Коли ось самъ люциперъ нагодився,
Та, глядючи, ще трохи не сказився.
—«Се, кричить, упьять на той свитъ ганяли,
Та зъ видьмами бенкетували?
Оковитки налигались,
Що ажъ по поясъ обидрались!
Геть берить мени заразъ митлы,
Та вычищайте все видтиль.
Одинъ чортяка митлу взявши,
Та до люципера пришкандибавши,
Ставъ такъ ёму отповидати:
«Се була у насъ, пане люциперу, бійка,
Та така, що якъ и пекло стало,

То сего у насъ николи не бувало!
Забривъ до насъ якійсь волоцюга.
Та вже нихто якъ казарлюга.
А мы хотили ему честь чинити.
Та крючми за ребра зачепити.
Якъ тилки цуцикъ заходився,
А винъ заразъ якъ схопився.
Та такъ бидолагу гепнувъ,
Що той до разу й gegнувъ.
Тоди почавъ ёго крюкомъ махати.
Та насъ зъ деревъ скидати.
Нивечити, та клинцювати.
Багато нашихъ, якъ бачите, побито,
А де яки хочъ и поховались,
Та страму на весь викъ набрались».
—«А дежъ се той казарлюга,
Розтриклятий волоцюга?»
—Кричить люциперъ, росходившись.
—«Та вы бо, каже куцый, тише.
Та держить голову нонижче!
А то винъ крюкомъ разъ якъ влучить,
Той макитру вамъ зъ шіи злущить!
Ось дивиця, пане, винъ за кущомъ прихилився.
Та вже й на васъ крюкомъ намирився».
—«Ой, стривай, стривай, козаче!
Треба тутъ якось иначе,
Ставъ люциперъ самъ прохати:
Ничого тоби крючкомъ махати.
Та ходимъ лишь до моеи хаты,
Буду я тебе витати,
И якъ запорожця прійматп.
За понивеченнихъ чортивъ не буду корити.
Бо вони справди за дило побити:
Треба-бъ було унередъ роспитати.
А не крюкомъ за ребра чиплятп.

Тыжъ, куцый, чортивъ поховаешь,
Та зъ цилыхъ шкуры causa поздираешь,
Та у пекло даси наминати,
Щобъ можна було на ремень продати».
—«Якъ бы мене, каже Марко, такъ зустричали,
То й не булобъ чортамъ и печали.
Якъ же ты мене, люцинере, витаешь,
То я твого хлиба-соли не цураюсь».
И повивъ люцинеръ Марка у свій будинокъ,
А дорогою почавъ его питати,
Яка занесла у пекло нечиста мати.
«Дежъ, каже, твоя душа дивалась,
Що видъ чортивъ видцуралась?
Тоби ще черга на свити жити,
Та горилку корявами пити.
Чи може ты, козаче, сказився,
Що у мене въ пекли опинився?»
—«Казись ты зъ чортами
И жинка твоя зъ дитками!
А якъ я тутъ опинився,
То не самъ вже нагодився.
У насъ на тимъ свити усякъ знае,
Що душъ чимало въ пекло попадае.
А нихто не знае, якъ тутъ у васъ жити,
И яку роботу треба вамъ робити.
Отъ якъ я въ васъ наживуся,
Та до дому на той свитъ повернуся,
То вси люди будуть знати,
Якъ васъ зъ земли вытуряти,
Щобъ вы людей не губили,
Та и пеклабъ нами не гатили».
—«Та се ты, козаче, такъ кажешь,
Що нашои добрости не знаешь.
Якъ бы чорты людей не звеселяли,
То вони доси усибъ пропали.

Якъ бы не чорты, чи булабъ у васъ горилка,
И цимбалы, бубны, та сопилка?
Чи вы вмилибъ танцювати,
Весилля гараздъ справляти?
А скильки чорты людямъ грошей пожичали,
Отжежъ и доси ни шага вы не оддали.
А не бійсь, якъ у жидивъ що набиръ забирають,
Незабаромъ и вертають:
Бо жиды не будуть довго ждати,
А йдуть заразъ позывати.
А ты думаешь, велику користь маемъ
Видъ тихъ, кимъ мы пекло набиваемъ?
На тимъ свити усе прогуляють,
А до насъ и безъ штанивъ втикають.
А що запорожци,
Такъ ти прямо голи й боси,
Та ще й чортивъ на сьмихъ пиднимають.
Давайте, кажуть, одежу, що поздіймали,
Якъ не хочете, щобъ мы позамерзали!
А якъ запитаешь, що колись брали гроши,
То вони й кажуть: ось нате вамъ в....
По праздникамъ то насъ ладаномъ ганяють,
А цилый тиждень тютюномъ закликають.
А инчи такъ насъ поважають,
Що на день сторицею поминають.
Чогожъ тоби, козаче, насъ корити,
Якъ вамъ добре зъ нами жити!»
—«Та ты, люцинеру, бачу, добре милишь,
Тилки до чортивъ мене не похилишь».
—Увивши люцинеръ Марка у будинокъ,
Ставъ заразъ прохать сидати,
Та почавъ звычайно ласощами угощати.
«Ижъ, каже, ся страва то ласощи ваши,
А не чортячи наши.
Учора чорты мои на той свитъ литали,

Та у гетьманскихъ кухаривъ накрали».
Ажъ ось й пидручни чорты нагодилисъ.
Та съ переляку по стинкамъ потулилисъ.
«Вы, каже люциперъ, сёго козака теперь не лякайтесь,
Бо винъ теперъ уже васъ не буде бити.
А почне горилку зъ нами пити.
Вы-жъ пана Марка звеселяйте,
Та у музыку ему заграйте».
Де взялась музыка, загудили бубны.
Чорты-жъ за роги брались,
Та въ дрибунецъ пускались.
А Марко сивъ на покути ще выще,
Та знай горилку зъ люциперомъ хлыще!
Чорты-жъ до бочокъ вже добрались,
Та й ни одъ чого не цурались.
Ажъ побачивъ Марко, що люциперъ почавъ белькотати,
Та якъ товаряка мучати,
Та потихеньку додолу спустився,
А тамъ якъ у пекли зпинився,
То й почавъ скризь иськати,
Та пекельни багла озирати.
Розшукавши де багло козаче,
Винъ почавъ его обмиряти,
Та заслонивъ скризь шукати,
Що чорты кризь ихъ холодный огонь выпускають,
А гарячій напускають.
Уздривши-жъ той заслонъ, що чорты огонь впускають,
Та свое багло охолождають,
Винъ почавъ его видвертати,
Та зъ инчихъ багливъ огонь туды пускати.
А чорты знай бенкетують,
Та своеи биды не чують.
Якъ огонь у козачимъ багли переставъ палати.
Тоди почали й козаки приставати
Та гуртомъ помагати;

Якъ же послидній заливъ видкрутили,
То такъ до разу чортивъ и затопили.
Чорты й не оглядились,
Якъ уси попеклись, та поварились.
Тильки де яки зъ люциперомъ повтикали,
Що биля дверей стояли.
Тоди янголи стали налитати,
Та козакивъ зъ пекла вызволяти.
Котри спасення у Господа зодбали
Тымъ, що покаяніе вчиняли.

. . .

Сто литъ пекло пустовало,
И такъ булобъ и пропало,
Та козаки почали гришити,
Та Господа гнивити.
Зъ сёго опьять чорты наплодились,
Та пекло почали робити,
Щобъ де було козацькимъ грихамъ жити.
А Марка й доси не забувають,
Та знай одно, що тильки лають.

Сообщ. **П. И. Зуйченко.**

Екатеринославъ,
іюнь 1885 г.

Библіографія.

Матеріалы для исторіи подольской губерніи.—Изд. редакціи Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1885 г.

Мы не разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей на обиліе историческаго матеріала, иногда очень цѣннаго, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Въ ряду другихъ изданій этого рода немало такого рода матеріала дано и Подольскими Губерскими Вѣдомостями.

Въ настоящемъ году редакція этихъ Вѣдомостей стала печатать особыми прибавленіями историческіе акты и представила очень любопытные матеріалы для исторіи края, частью заимствованные изъ архива подольскаго губернскаго правленія, частью извлеченные г. Ролле изъ случайно доставшагося ему сборника, принадлежавшаго къ архиву бывшаго генералъ-губернатора Тутолмина. Вельможа этотъ имѣлъ помѣстья въ подольской губерніи, въ одномъ изъ которыхъ и былъ его архивъ, нынѣ исчезнувшій: остатки его циркулировали около мѣстечка Рашкова, гдѣ пріобрѣтенъ и сборникъ г. Ролле отъ старьевщика, какъ старая ненужная бумага.

Изданные теперь матеріалы относятся ко времени послѣ второго раздѣла Польши (1792—1795 года) и, хотя ихъ немного, представляютъ немалый интересъ. Всѣ они изъ времени г. губернаторства М. Н. Кречетникова (1792—1793 года) и касаются мѣръ приведенія въ русское подданство края, доставшагося Россіи по второму раздѣлу Польши.

Первый актъ—это секретнѣйшій рескриптъ императрицы Екатерины II, данный назначенному генералъ-губернаторомъ присоединеннаго края и начальникомъ въ немъ войскъ генералу Кречетникову при отправленіи его изъ Петербурга. Рескриптъ этотъ служилъ инструкціей для

Кречетникова и указывалъ, какія онъ долженъ былъ принять мѣры для того, чтобы переходъ края въ русское подданство совершился съ возможно большимъ спокойствіемъ. Здѣсь императрица прежде всего указываетъ предѣлы присоединеннаго края, знакомитъ Кречетникова съ современными политическими обстоятельствами, приведшими ко второму раздѣлу, и затѣмъ уже говоритъ о томъ, къ чему надо стремиться въ этомъ краѣ.

Такъ какъ время было еще военное и городъ Каменецъ еще не былъ взятъ, то въ рескриптѣ находится немало военныхъ распоряженій. Императрица высказываетъ надежду взять Каменецъ подкупомъ коменданта и лишь въ случаѣ крайности разрѣшаетъ употребить оружіе. Далѣе указывается, какъ поступать съ находящимися въ краѣ польскими войсками: императрица видимо желаетъ, чтобы они перешли на русскую службу, обѣщаетъ имъ сохраненіе жизни и всѣхъ преимуществъ; но не препятствуетъ имъ уйти и въ Польшу, оставивъ лишь оружіе.

Съ умиротвореніемъ края требовалось постепенно приводить его въ нормальный, такъ сказать, видъ и императрица рекомендуетъ сдѣлать это такъ мягко, чтобы новые подданные сочли за счастье свое присоединеніе къ Россіи. Особенно требуетъ она позаботиться о спокойствіи края, о порядкѣ въ дѣлахъ, правосудіи и т. п., чего никогда не было въ Рѣчи Посполитой.

Всѣ рекомендуемыя императрицею мѣры въ сущности логически вытекали изъ самаго факта присоединенія; но при этомъ она видимо желаетъ во всемъ, не исключая и религіи, сохранить *по возможности status quo*, на сколько это не противорѣчитъ самой идеѣ русскаго подданства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кречетникову приказано обстоятельно ознакомиться съ краемъ, составить вѣрную его карту, сдѣлать счисленіе крестьянъ всѣхъ разрядовъ, опись доходовъ, опись монастырей, школъ піаровъ и т. д. За послѣдними Кречетникову рекомендуется имѣть строгій надзоръ въ виду вредности ихъ ученія, основаннаго на французскомъ суемудріи.

Присоединенныя земли расписаны были по намѣстничествамъ съ раздѣленіемъ на губерніи и уѣзды. Новыхъ губерній образовано было три и въ нихъ назначенъ былъ извѣстный служебный персоналъ, согласно съ принятыми въ Россіи штатами.

Кречетниковъ долженъ былъ обнародовать манифестъ о присоединеніи края и привести жителей къ присягѣ. Не желающіе присягнуть могли выѣхать за границу, но теряли свои имущественныя права въ краѣ. Приводить крестьянъ къ присягѣ не указано, такъ какъ за вѣрность ихъ отвѣчали ихъ владѣльцы.

Въ рескриптѣ не находимъ никакого указанія на положеніе русскаго населенія въ присоединенномъ краѣ и отношенія къ нему господ-

ствовавшаго польскаго элемента, не смотря на то, что эти ненормальныя отношенія слишкомъ рѣзко заявили себя въ предшествовавшее двадцатипятилѣтіе и послужили поводомъ къ самому раздѣлу Польши.

За рескриптомъ слѣдуетъ указъ сенату о введеніи въ присоединенномъ краѣ русскаго управленія съ назначеніемъ чиновниковъ, которымъ даны значительныя преимущества по службѣ. Позднѣе Кречетниковъ переводилъ сюда чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній, напримѣръ изъ знакомой ему Тулы. То былъ первый опытъ обрусѣнія, продолжающагося и доселѣ.—Рядомъ съ этимъ актомъ помѣщенъ и указъ синоду объ образованіи въ краѣ православной іерархіи.

Четвертое мѣсто занимаетъ указъ Екатерины 1793 г., служащій отвѣтомъ на донесеніе Кречетникова о томъ, что присоединеніе края совершилось благополучно. Императрица объявляетъ для края, собственно для владѣльческаго польскаго класса, нѣкоторыя финансовыя льготы.

За этими первостепенной важности актами слѣдуетъ ордеръ Кречетникова подчиненнымъ ему лицамъ о дѣятельности ихъ въ новомъ краѣ, а также отвѣтъ его на запросы оставшихся здѣсь мѣстныхъ властей, которыя, по новости дѣла, не могли сразу приспособиться къ русскому управленію. И тѣ, и другіе составлены, разумѣется, въ духѣ высочайшей инструкціи.

Напечатаннымъ актамъ предпослано небольшое предисловіе, уясняющее ихъ историческое значеніе. Мы отмѣтимъ одно обстоятельство, рѣзко бросающееся въ глаза.

Толеранція Кречетникова относительно присоединенной польской шляхты простиралась до того, что помѣщикамъ, которые сохранили имѣнія и въ Польшѣ, онъ разрѣшалъ принимать участіе въ образовавшихся тамъ избирательныхъ сеймикахъ, предшествовавшихъ Гродненскому сейму 1793 г. Помѣщики могли участвовать и въ этомъ сеймѣ, конечно, если имѣли на это право.

Кречетниковъ скончался въ маѣ 1793 г. и должность его исправлялъ старшій по немъ генералъ Дерфельденъ, отъ котораго имѣемъ здѣсь два ордера съ извѣщеніемъ о вступленіи въ должность; въ одномъ сверхъ того говорится объ учрежденіи коммиссіи для разсчетовъ съ Польшей по продовольствію войскъ.

На мѣсто Кречетникова назначенъ былъ Т. И. Тутолминъ. Изъ актовъ, относящихся ко времени его управленія краемъ (1794—1795 г.) напечатано всего 8 и всѣ они сообщены г. Ролле. Это 6 указовъ Екатерины Тутолмину, одинъ указъ синоду и одна окружная архіепископская грамота. Всѣ эти документы касаются положенія уніатовъ и присоединенія ихъ къ православію.

Имъ предпослано весьма обстоятельное и дѣльное предисловіе, (стр. 90—127) авторъ котораго пользовался, кромѣ напечатанныхъ, еще документами изъ архива подольской духовной консисторіи и мало извѣстными, но по первоисточникамъ составленными статьями, напримѣръ протоіерея Троицкаго: *Мѣры, принятыя преосв. Іоанникіемъ для уничтоженія остатковъ уніи и присоединенія къ православію уніатовъ въ Брацлавской губерніи въ 1795—1796 г.* (Подольскія Епарх. Вѣдом. 1873—1874 г.) и другими.

А. М—чъ.

Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Москва. 1884 г.

Богатѣйшее собраніе матеріаловъ для исторіи Россіи представляетъ собою Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Онъ давно уже приступилъ къ описанію хранящихся въ немъ документовъ и выпустилъ ихъ уже 4 тома. Названное выше обозрѣніе есть оттискъ изъ IV-го тома такого описанія.

Авторъ назвалъ впрочемъ свой трудъ обозрѣніемъ, а не описаніемъ, и совершенно правильно, такъ какъ онъ далъ ключъ къ ознакомленію съ тѣмъ историко-географическимъ матеріаломъ, который хранится въ Архивѣ, но не описалъ его въ подробности.

Обозрѣніе даетъ болѣе систематичности, чѣмъ простое, такъ сказать, предметное описаніе; послѣднее дѣло сложное, требуетъ болѣе времени, издержекъ и труда, хотя даетъ больше предметнаго содержанія. Названный трудъ служитъ такъ сказать руководящею нитью для желающихъ познакомиться съ громадною массою архивныхъ документовъ и значительно облегчаетъ трудъ ихъ въ отысканіи матеріала, потребнаго для занятій каждаго.

Обозрѣніе состоитъ изъ небольшаго предисловія, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о Разрядѣ и его дѣятельности, равно о распредѣленіи по его отдѣламъ завѣдыванія городами, и сдѣлана общая характеристика хранящихся въ немъ матеріаловъ.

Оставляя въ сторонѣ массу другихъ историческихъ данныхъ, представляемыхъ книгами Разряда, авторъ обозрѣнія обращается къ прямой своей задачѣ и перечисляетъ разнообразные источники для топографіи городовъ, заключающіеся въ Архивѣ: воеводскіе наказы, всяческія рос-

писи, переписныя книги городовъ, монастырей, церквей, улицъ, даже дворовъ, строельныя книги и т. д. Подробно останавливаться на нихъ невозможно, такъ какъ для этого необходимо было-бы изложить примѣрную дѣятельность всей городовой администраціи.

Особыя главы посвящены характеристикѣ описаній и списковъ уѣздныхъ населенныхъ мѣстъ, также порубежныхъ мѣстъ и учрежденій; наконецъ авторъ указываетъ, какія свѣдѣнія хранятся какъ въ этихъ, такъ и въ болѣе спеціальныхъ источникахъ относительно гидрографіи Россіи, ея естественныхъ произведеній и статистики населенія.

По обширности подлежавшаго обзору матеріала, полнаго описанія разнообразныхъ его источниковъ нѣтъ, а есть лишь примѣрное, съ нѣкоторыми частнѣйшими указаніями. Говоря напримѣръ о какомъ либо видѣ книгъ, авторъ обыкновенно даетъ характеристику ихъ, затѣмъ перечисляетъ всѣ книги этого вида въ Архивѣ и для образца въ приложеніяхъ печатаетъ одну изъ такихъ книгъ, или покрайней мѣрѣ отрывокъ изъ нея. Къ сочиненію приложенъ и очень хорошо составленный географическій указатель.—Легко понять, какъ все это облегчаетъ работу въ Архивѣ будущимъ изслѣдователямъ.

Большинство сообщенныхъ авторомъ свѣдѣній относится къ сѣверо-восточной Руси; но въ архивѣ есть матеріалы, важныя и для исторіи южной Руси въ прежнемъ ея очертаніи и въ книгѣ Оглоблина есть на нихъ указанія. Много матеріаловъ указано для географіи Слободской и въ частности Бѣлогородской Украйны, собственно Малороссіи или гетманщины, Бѣлоруссіи и даже Новороссіи, въ частности городовъ: Брянска, (напримѣръ описаніе его крѣпости—стр. 22), Полоцка, Смоленска, Нѣжина, Канева и множества другихъ. Особенный интересъ представляютъ матеріалы, касающіеся топографіи Кіева, какъ напечатанныя почти цѣликомъ; это Роспись предположенныхъ починокъ въ кіевской крѣпости» 1681 г. и «Роспись Кіевскаго ограниченія» (т. е. границъ съ Польшею) 1686 г., составленная посольскимъ приказомъ изъ описной книги капитана Ѳ. С. Соломѣина и Ѳ. Наковальнина (стр. 156 и д. и прилож. XXX). Кіева же касается и «Росписной списокъ» 1682 г., изъ котораго авторъ привелъ лишь предисловіе (стр. 23 и другія мѣста, легко находимыя по указателю), и смѣтныя книги, тоже авторомъ лишь указанныя (см. стр. 27 и примѣчаніе, 49, 78, 187).

Кромѣ цѣльныхъ и болѣе или менѣе полныхъ свѣдѣній, въ книгѣ г. Оглоблина разсыпаны чуть не на каждой страницѣ мелкія историческія указанія, какъ напримѣръ о разселеніи малороссіянъ или, по прежнему ихъ названію, «черкасъ» внѣ черты ихъ осѣдлости, напримѣръ въ Курскѣ, въ Усердѣ (тамъ былъ козачій полкъ Коргова), около Путивля,

въ Староайдарскомъ городкѣ, на сѣв. Донцѣ, въ Бѣжецкой Пятинѣ и пр. (стр. 113).

Есть много указаній о положеніи сельскаго хозяйства въ Малороссіи: Опошня и тогда уже славилась своими садами, въ Кіевѣ произросталъ виноградъ.

Всего однако не перечислить. Скажемъ коротко, что если Архивъ Министерства Юстиціи хранитъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства для исторіи Россіи вообще, въ частности для исторіи южной Руси, то книга г. Оглоблина систематически знакомитъ васъ съ той частью этихъ богатствъ, обозрѣвать которую выпало на его долю. Она обличаетъ въ немъ кропотливаго и усидчиваго труженика, умѣющаго разобраться въ громадной массѣ изучаемаго матеріала, умъ строго логическій, пріученный къ послѣдовательности и систематизаціи, результатомъ которыхъ является строго научный характеръ изданія, основательность выводовъ, точность и ясность изложенія. Пожелаемъ отъ души успѣха молодому ученому въ его дальнѣйшихъ работахъ, съ удовольствіемъ отмѣчая, что онъ по рожденію и воспитанію принадлежитъ Кіеву.

А. М—чъ.

Д. Л. Мордовець. Оповидання. Спб. 1885 г.

Очерки, составляющіе эту книжку, рѣзко различаются между собою и по содержанію и по манерѣ. И немудрено: между двумя первыми и тремя остальными прошло двадцать пять лѣтъ. Первые разсказы—произведенія молодости автора. Они памятны читателямъ «Основы». Послѣдніе, кромѣ одного, появляются въ этой книжкѣ въ первый разъ.

Въ этотъ промежутокъ времени прошла почти вся литературная дѣятельность писателя. Этюды современной общественности, повѣсти, монографіи и историческіе романы, путевыя записки, статьи публицистическія и полемическія—сдѣлали имя г. Мордовцева популярнымъ. Въ ряду другихъ, его малорусскія произведенія стоятъ какъ то особнякомъ. Предназначенныя для другой публики, онѣ едва-ли даже извѣстны журнальнымъ читателямъ г. Мордовцева и никогда не пользовались тѣмъ шумнымъ успѣхомъ, какой выпадалъ на долю нѣкоторыхъ изъ его работъ. Но, отличаясь оригинальными чертами таланта автора, въ литературѣ малорусской, обреченной на спорадическое оживаніе и замираніе, онѣ были всегда на примѣтѣ.

Первые литературные опыты г. Мордовцева были на малорусскомъ языкѣ. Въ 1859 году, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, изданъ былъ имъ «Саратовскій Литературный Сборникъ», на половину составленный изъ его трудовъ. Подобно многимъ начинающимъ писателямъ, онъ выступалъ здѣсь въ качествѣ поэта. Въ поэмѣ «Козаки и Море» онъ рисовалъ картины морскихъ козацкихъ походовъ, набѣги на турецкіе берега, битвы, плѣнъ и бѣгство. Это юное произведеніе отзывалось слишкомъ мотивами Шевченка и козацкой поэзіи и было, какъ море, пространно. Тамъ же напечатанъ прекрасный переводъ гоголевской «Ночи наканунѣ Ивана Купала» и сборничекъ украинскихъ сказокъ, второй въ литературѣ послѣ собранія г. Жемчужникова.

Съ разсказа «Солдатка», повтореннаго въ «Оповиданняхъ», предъ нами писатель установившійся. Это повѣсть о горемычной долѣ солдатской жены дореформенной эпохи,—типѣ отошедшемъ теперь въ область исторіи. Изъ «Основы»-же взятъ симпатичный очеркъ «Дзвонарь»—повѣствованіе стараго причетника Тацитурнова, выгнаннаго изъ бурсы за чтеніе свѣтскихъ книгъ. Когда-то, въ шестидесятыхъ годахъ, оба эти разсказа изданы были въ формѣ народныхъ книжекъ. Тщательное письмо и чистота народной рѣчи отличають ихъ. Эти свойства составляли какъ бы традицію той школы украинскихъ повѣствователей, которую мы назовемъ школою «Основы». Литературныя рамки расширились съ тѣхъ поръ, изображенія писателей обнимаютъ большій кругъ явленій, но, кромѣ двухъ-трехъ пошедшихъ впередъ выдающихся талантовъ, новѣйшіе писатели въ письмѣ и языкѣ уступаютъ старымъ: въ то время у пишущихъ господствовало непосредственное изученіе живой народной рѣчи, замѣнившееся теперь изученіемъ книжнымъ.

Названные выше ранніе разсказы автора, грустные по темамъ, совершенно объективны. Ихъ скорбный тонъ вызванъ изображаемыми печальными явленіями жизни. Совсѣмъ иное дѣло лирическіе эскизы послѣднихъ лѣтъ, вещи чисто субъективныя, личныя, «печальныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца». Написаны они въ особомъ родѣ, составляющемъ своеобразную манеру автора. Не слѣдуетъ искать въ нихъ надуманныхъ тенденціозныхъ иносказаній, какихъ нибудь «аллегорій», всегда убійственно скучныхъ. Это—смѣняющіеся въ душѣ образы и думы, раны сердца, которыя вскрываются и издаютъ свой голосъ одна за другою. Образы родного края, его исторіи, его поэзіи, личныя воспоминанія, картины далекихъ полуденныхъ странъ, вѣчно юные библейскіе мотивы, голоса великихъ поэтовъ,—все, что легло на душу и отразилось въ собственной природѣ писателя, возникаетъ и звучитъ въ этихъ причудливыхъ арабескахъ. Писанныя какъ-бы для себя самого, эти са-

монаблюденія предполагаютъ конечно полную свободу концепціи, и грезы смѣняются въ нихъ неожиданно и пестро. Какъ вещи чисто личныя, онѣ улетаютъ поминутно въ область личныхъ воспоминаній. Не разъ мысль писателя обращается къ усопшему нынѣ историку-поэту, съ которымъ его связывала многолѣтняя, искренняя пріязнь. Чтобъ отзываться на эти грезы натуры тонкой и нервной, надо быть немножко задѣтымъ этимъ лиризмомъ самому. Люди размѣренной мысли, практики жизни, прочитавъ эти эскизы, конечно пожмутъ только плечами. Мѣстами вредитъ имъ излишняя отрывочность и пестрота, но отдѣльные образы подкупаютъ поэзіей. Особенно искреннимъ лиризмомъ проникнутъ маленькій очеркъ «Скажи, мисяченьку!», изъ трехъ найболѣе цѣльный и «вылившійся». Противникамъ литературнаго развитія малорусской рѣчи мы указали бы на ея гибкость, сказавшуюся здѣсь въ выраженіи сложныхъ чувствъ и оттѣнковъ душевныхъ движеній; но для такихъ доводовъ уши этихъ господъ устроены не совсѣмъ пригодно.

Когда отъ картинъ прошедшаго мысль писателя обращается къ современности, имъ овладѣваетъ не ребяческое сожалѣніе о перемѣнѣ старыхъ формъ жизни. Онъ сожалѣетъ не о томъ, что гибнетъ само собою, а о томъ, что гаснетъ подъ внѣшнимъ вліяніемъ, о тѣхъ дорогихъ и рѣзкихъ чертахъ духовнаго наслѣдія народа, дальнѣйшая жизнь и развитіе которыхъ были-бы общимъ пріобрѣтеніемъ. Въ злополучномъ вопросѣ о правѣ существованія языка болью отзывается уже необходимость доказывать правду его. Автору вспоминается божественное чудо, освятившее право слова и проповѣди, когда мидяне и пароане услыхали благовѣствованіе на родномъ языкѣ...

Изъ всего сказаннаго ясно, что «содержаніе» эскизовъ г. Мордовцева не легко пріурочить къ обычному анализу. Въ этихъ грезахъ послѣ концерта Сарасате («Сонъ-не сонъ»), въ свѣтлую заутреню («Скажи, мисяченьку!») и предъ клѣткой съ старыми орлами («Изъ устъ младенцивъ») преобладаетъ лирическій порывъ, который мы и пытались характеризовать. Въ ряду многочисленныхъ произведеній даровитаго автора малороссійскіе разсказы отличаются своей задушевностью. Въ нихъ звучатъ тѣ струны, которыя ему какъ-бы родныя, ближе всего. Это служитъ порукою, что настоящее собраніе разсказовъ не будетъ его послѣднимъ словомъ «на миломъ языкѣ его родины».

Г.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 43. Спб. 1885.

Изданія названнаго общества идутъ съ изумительной быстротой; находясь въ рукахъ опытныхъ людей, они ведутся вполнѣ научно и даютъ матеріалъ, имѣющій большой историческій интересъ. Настоящій 43-й томъ «Сборника» содержитъ въ себѣ «Наказы депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ въ коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія». Свѣдѣнія о екатерининской коммисіи, собранныя и печатаемыя теперь «Обществомъ», обнимаютъ собою уже шесть частей, изъ которыхъ три первыя части (тт. IV, VIII и XIV) вышли подъ редакціей Д. В. Полѣнова, а остальныя (тт. XXXII, XXXVI и XLIII) подъ редакціей проф. В. И. Сергѣевича. Въ настоящемъ томѣ помѣщены наказы сената и синода, наказы многочисленныхъ коллегій, канцелярій, магистрата, полиціи, духовенства и академіи наукъ.

Не касаясь всѣхъ заключающихся въ немъ наказовъ, мы, согласно программѣ нашего изданія, отмѣтимъ только тѣ, которые касаются южной Россіи. Это пункты, данные малороссійскимъ духовенствомъ и малороссійской коллегіей своимъ депутатамъ. Особенно подробны и обстоятельны пункты духовенства, выражающаго въ нихъ свои завѣтныя желанія, которыя съ небольшой разницей были почти одинаковы въ епархіяхъ кіевской, черниговской и переяславской, у духовенства бѣлаго и монашествующаго. Всѣхъ пунктовъ около сотни, но они могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ главнымъ.

На первомъ мѣстѣ вездѣ ставятся ходатайства о матеріальномъ обезпеченіи монастырей и церквей, расширеніи ихъ правъ и вольностей или о подтвержденіи прежнихъ. Духовенство проситъ разрѣшить ему вольную покупку и продажу имѣній и пріобрѣтеніе ихъ по завѣщаніямъ, опредѣлить его доходы отъ прихожанъ, подтвердить право свободнаго винокуренія и содержанія шинковъ, освободить имущество и принадлежащихъ ему крестьянъ отъ всякихъ денежныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, при чемъ указывается нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ нарушены интересы того или другого монастыря или церкви и испрашивается удовлетвореніе.

Духовенство заботилось не менѣе и о своихъ личныхъ правахъ и преимуществахъ, требуя, чтобы священно и церковно-служители, вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ, пользовались правами дворянства и освобождались отъ всякихъ платежей. Всеобщую жалобу вызывали оскорбленія, причиняемыя духовенству мірянами, а наиболѣе частые поводы къ нимъ подавали широкія права по имуществу монастырей и церквей.

приводившія ихъ въ столкновеніе съ частными владѣльцами и вообще народной массой. Типичнѣе всего такая жалоба выражена въ пунктахъ черниговской епархіи: «нѣкоторые», сказано тамъ, «не пріемля въ уваженіе, что они церкви святыя сынове, которая правленію духовныхъ лицъ ввѣрена, не только никакого къ духовенству почтенія не имѣютъ, но и всякими язвительными словами отъ единой злобы, которая, не вмѣщаяся въ сердцѣ, на языкъ изливается, духовныхъ въ лице ругаютъ, часто и бьютъ, а временемъ и до смерти безчеловѣчными мучительствы убиваютъ, чего для, для пресѣченія душевредныя и соблазнительныя сея продерзости, соблаговолено-бъ было предписать ругателямъ такимъ найстрожайшіе законы и по законамъ штрафы».

Видное мѣсто въ пунктахъ духовенства занимаетъ и вопросъ о расширеніи правъ кіевскихъ митрополитовъ. Такъ, духовенство проситъ подтвердить древнее право выбора митрополита вольными голосами, какъ клиромъ, такъ и мірянами, позволить имъ титуловаться по прежнему митрополитами кіевскими, галицкими и Малыя Россіи, освободить ихъ отъ всякой зависимости отъ синода въ судебныхъ дѣлахъ, поручить ихъ вѣдѣнію епархіи могилевскую, черниговскую и переяславскую, также какъ и ставропигіальные монастыри кіево-печерскій и межигорскій, то подчинявшіеся митрополиту, то выходившіе изъ послушанія ему и, наконецъ, возвратить ему право назначать и рукополагать архимандритовъ въ вакантные монастыри по своему усмотрѣнію.

Заслуживаютъ вниманія и заботы духовенства объ образованіи. Такъ, напримѣръ, кіевское духовенство ходатайствуетъ о разныхъ льготахъ для кіевской академіи: о подтвержденіи ей права именоваться академіей, о томъ, чтобы никто не позволялъ себѣ самовольно наказывать виновныхъ студентовъ, а обращался-бы къ суду академіи, чтобы воспитанники академіи пользовались предъ другими преимуществомъ на полученіе мѣстъ и производство въ чины, а при постриженіи въ монашество трехгодичный искусъ былъ-бы ограниченъ шестью мѣсяцами, чтобы на воспитанниковъ академіи не распространялось условіе выбора ихъ въ священники мірянами, и они назначались бы въ приходы прямо начальствомъ; для матеріальнаго обезпеченія академіи испрашивалась такая-же сумма, какая отпускалась для московской славяно-греко-латинской академіи, ректоръ-же и учителя просили, чтобы имъ выдали задержанное въ кіевской губернской канцеляріи жалованье за 1764—1768 гг., т. е. за 4 года. Духовенство черниговской епархіи въ свою очередь поручило своему депутату указать въ коммиссіи на необходимость увеличенія объема преподаванія въ черниговскомъ коллегіумѣ и расширенія для него помѣщенія.

Говоря о нуждахъ и значеніи для государства академіи, какъ высшаго образовательнаго учрежденія, духовенство указываетъ на ея древность, говоря, что «начало кіевскихъ училищъ или школъ, при кіево-братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ учрежденныхъ, простирается давностью своею *выше 1615 года*, какъ урядовая подлинная выпись изъ земскихъ кіевскихъ книгъ, въ ономъ монастырѣ имѣющаяся, доказываетъ». Указывая также на древность типографіи и услугу, оказываемую ею дѣлу православія, духовенство проситъ разрѣшить печатаніе, кромѣ русскихъ богослужебныхъ книгъ для снабженія ими церквей въ подвластной Польшѣ правобережной Украинѣ, еще учебниковъ для академіи и школъ и богослужебныхъ книгъ на греческомъ языкѣ, за которыми обращается въ типографію греческое духовенство. При этомъ упоминается между прочимъ, что въ вѣдѣніи кіевскаго митрополита находятся и другія типографіи, именно: типографія, бывшая сначала въ спасскомъ новгородъ-сѣверскомъ, а потомъ переведенная въ черниговской свято-троицкій ильинскій монастырь, типографія въ могилевской каѳедрѣ, въ виленскомъ и другихъ западно-русскихъ монастыряхъ, перешедшихъ въ унію.

Кіево-печерская Лавра и межигорскій монастырь, какъ независимыя ставропигіи, выступаютъ со своими отдѣльными «пунктами». Лавра, повторяя общія жалобы и просьбы всего духовенства, ходатайствуетъ о вознагражденіи ея за оставшіяся на польской сторонѣ ея имѣнія, состоявшія изъ 5 мѣстечекъ съ замками, 47 селъ съ 17 церквями, 7 хуторовъ, изъ которыхъ выходило 20 плуговъ, 36 мельницъ съ ступниками и нѣсколькихъ суконныхъ, бумажныхъ и желѣзныхъ заводовъ, и заключавшія въ себѣ 5620 крестьянскихъ дворовъ. Въ пунктахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаются не лишенныя интереса подробности объ укрѣпленіи кіевскихъ пещеръ. Пещеры эти, «въ самой песковатой землѣ устроенныя», оставались невредимы и цѣлы въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; поверхность горъ, въ которыхъ онѣ находятся, испоконъ вѣка была покрыта лѣсомъ, корнями котораго и связывалась почва. Но въ 1740 г., для какого-то палисадника инженерной командой земля на прилегавшихъ къ пещерамъ косогорахъ была взрыта и деревья вырублены; вслѣдствіе этого уже въ 1741 году вода отъ снѣговъ и дождей, просачиваясь внутрь и встрѣчаясь съ внутренней ключевой водой, сдѣлала вдругъ «немалое поврежденіе» горамъ при Ѳеодосіевой пещерѣ, а потомъ горы «начали часъ отъ часу индѣ знатно оплывать, а индѣ по немногу только посовываться къ берегу днѣпровскому». Въ 1750 году на укрѣпленіе горъ было ассигновано 20,000 руб., деньги были въ исходѣ, «а подчинки того Ѳеодосіевскаго буерака половинная только развѣ часть въ отдѣлкѣ находилась»; между тѣмъ опасность дальнѣйшаго сползанія угро-

жала по прежнему; таже опасность грозила и Антоніевымъ пещерамъ, такъ какъ большія земляныя трещины доходили уже до пещерной церкви; въ виду всего этого Лавра проситъ ассигновать для окончательнаго укрѣпленія горъ необходимую сумму денегъ. О томъ-же (т. е. объ укрѣпленіи его горъ) проситъ и межигорскій монастырь, ссылающійся на свою крайнюю бѣдность вслѣдствіе потери имѣній, оставшихся въ польскихъ владѣніяхъ, и отсутствія всякихъ доходовъ отъ прихода. Межигорская обитель дѣлаетъ при этомъ оговорку, что «хотя монастырь межигорскій и имѣетъ себѣ парохію—*войско запорожское*, съ добровольнаго его согласія, и туда, въ Сѣчь Запорожскую, посылаются отъ монастыря для служенія и преподачи требъ христіанскихъ іеромонахи и іеродіаконы, но оттоль, кромѣ того, что испрошено нѣкоторое число отъ доброхотныхъ дателей, бываетъ въ монастырь про росходъ рыбы да соли, болѣе никакихъ деньгами доходовъ въ полученіи не бываетъ, съ коихъ за соль, въ провоженіи ея въ монастырь, на таможенныхъ заставахъ и указная пошлина взимается». Скудость приходовъ заставляетъ монастырь молить о возобновленіи его церквей, матеріальномъ обезпеченіи братіи и освобожденіи отъ налоговъ, а также о соглашеніи его права на рубку дерева въ близлежащемъ лѣсу съ правомъ мѣщанъ кіевскихъ на земли, лежащія на 25 верстъ въ окрестностяхъ города, тогда какъ самъ монастырь лежитъ всего лишь въ 15 верстахъ отъ него. Какъ Лавра, такъ и межигорскій монастырь, считая себя только въ подчиненіи синода и ссылаясь на патріаршія грамоты, просятъ уволить ихъ отъ власти кіевскихъ митрополитовъ, идя такимъ образомъ въ разрѣзъ требованіямъ послѣднихъ и прочаго духовенства.

Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе и враждебнаго отношенія малорусскаго духовенства къ Румянцевской описи; оно проситъ прекратить начатую ревизію, «съ подробнымъ всего описаніемъ сочиняемую, никогда въ Малороссіи небывалую и малороссійскимъ правамъ и стародавнимъ обычаямъ противную», возбуждающую будто бы только народъ, который, боясь новаго отягощенія его налогами, уходитъ за границу, т. е. въ Польшу, «гдѣ прежняя вольность содержится».

Пункты малороссійской коллегіи не многосложны въ сравненіи съ пунктами духовенства. Сама коллегія была учрежденіемъ смѣшаннымъ на половину изъ великорусскихъ, на половину изъ малорусскихъ чиновъ, потому ея заявленія не имѣютъ цѣльнаго, чисто мѣстнаго характера.

Прежде всего коллегія проэктируетъ раздѣленіе ея на 4 департамента: 1) императорскаго правительства или малороссійскаго генералъ-губернамента, съ высшимъ общимъ управленіемъ и надзоромъ; 2) военнаго коммиссаріата, завѣдывающаго войскомъ; 3) камеръ-конторы, какъ финансово-административнаго учрежденія, и 4) и надворнаго суда, какъ высшей апеляціонной инстанціи для низшихъ земскихъ и гродскихъ судовъ. Въ административномъ отношеніи коллегія предлагаетъ дѣленіе страны на пять провинцій съ четырьмя уѣздами въ каждой. Сверхъ того она находитъ необходимымъ учредить должности нотаріусовъ для утвержденія гражданскихъ сдѣлокъ и адвокатовъ для веденія судебныхъ дѣлъ, обставить большей формальностью и строгостью совершеніе купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества, въ виду частыхъ подлоговъ въ документахъ, переложить государственные доходы съ душъ на земли, упорядочить городское самоуправленіе, учредивъ магистратъ въ каждомъ городѣ съ правомъ суда надъ гражданами и распоряженія хозяйствомъ, и раздѣлить горожанъ на хозяевъ и ихъ служащихъ, пригласить техниковъ для производства всякаго рода опытовъ въ добывающей промышленности и мануфактурѣ и лѣсничихъ для правильнаго лѣсоводства, ограничить право винокуренія необходимостью имѣть для этого 30 четвертей сѣву и лѣсу, устроить дороги и мосты. Вмѣстѣ съ тѣмъ коллегія обращаетъ вниманіе и на нужды каждаго сословія; она ходатайствуетъ о томъ, чтобы дворянство давалось только за особыя услуги государству, чтобы монастыри, церкви и духовенство были обезпечены доходами отъ приходовъ или жалованьемъ, чтобы послѣднему разъ навсегда была запрещена покупка земель и пріобрѣтеніе ихъ по завѣщанію (чего такъ настоятельно требовало духовенство и что, по настояніямъ шляхты, было запрещено ему еще въ эпоху польскаго владычества сеймовой институціей 1635 года, а потомъ по представленію гетмана Даніила-Апостола отмѣнено по постановленію верховнаго тайнаго совѣта 22 августа 1728 года); чтобы нѣсколько монастырей было назначено для призрѣнія увѣчныхъ и нищихъ, чтобы чиновникамъ для предупрежденія лихоимства опредѣлено было достаточное содержаніе, чтобы войско было урегулировано и сравнено въ правахъ съ великорусскимъ, чтобы число крестьянъ, записывающихся въ козачество было ограничено, чтобы свободный переходъ подсусѣдковъ (безземельныхъ свободныхъ людей) былъ подчиненъ контролю и сами они обложены особымъ налогомъ, сообразно съ занятіемъ каждаго, по

меньшимъ сравнительно съ пашенными поселянами, чтобы, наконецъ, данныя нѣжинскимъ грекамъ жалованныя грамоты на льготы были соглашены съ привилегіями горожанъ и безъ нарушенія вольностей послѣднихъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ нужды и желанія южно-русскаго общества, которыя оно получило возможность выразить предъ правительствомъ въ пунктахъ наказовъ, данныхъ имъ своимъ депутатамъ, избраннымъ въ коммисію для сочиненія проекта Новаго Уложенія.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ.

1) Раскопка кургана «Мухина-гора».

Курганъ «Мухина-гора» находится екатеринославской губерніи, павлоградскаго уѣзда, въ артельской волости, въ двухъ верстахъ отъ с. Краснопавловки № 2 къ юго-востоку, на землѣ А. Е. Снѣгиревой, и въ двухъ верстахъ отъ станціи «Краснопавловки» курско-харьково-азовской желѣзной дороги. Прямо на западъ, на разстояніи полуторы версты отъ кургана, протекаетъ рѣчка Орелька, отдѣляющая здѣсь екатеринославскую губернію отъ губерніи харьковской; въ двадцати пяти саженяхъ къ сѣверу земля С. П. Суковкина, въ 200 с. полотно курско-харьково-азовской желѣзной дороги; на югъ ровная степная поверхность безъ особыхъ примѣтъ. Съ наружней стороны курганъ имѣетъ почти овальную форму съ небольшою площадкою на самой вершинѣ и со взвозомъ отъ запада къ востоку по сѣверной половинѣ его; весь курганъ поросъ травой и состоитъ исключительно изъ земляной насыпи, безъ примѣси камней. Свое названіе «Мухина-гора» онъ получилъ отъ бывшаго владѣльца Мухина, предшественника г-жи Снѣгиревой. По разсказамъ старожиловъ, въ давнее время на курганѣ стояла такъ называемая *каменная баба*. По точному измѣренію, въ окружности курганъ имѣетъ 115 сажень, а черезъ вершину, отъ одного края основанія и до другаго, 25 сажень. Не вдалекѣ отъ «Мухиной-горы» расположены еще четыре кургана, на землѣ С. П. Суковкина.

Раскопку кургана «Мухина-гора» я взялъ на себя по порученію императорскаго московскаго археологическаго общества въ виду грозившей кургану опасности быть потеряннымъ для науки. Дѣло въ томъ, что курганъ уже раскапывался съ практическою цѣлью отысканія зарытаго въ немъ, по народному преданію, клада, при чемъ научныя цѣли не могли имѣть мѣста. Раскопку велъ еврей Моисей Милославскій изъ Таганрога по особому условію и контракту съ владѣлицей А. Е. Снѣгиревой. Нечего и говорить о томъ, что раскопка велась на угадъ, способомъ самымъ простымъ, безъ всякихъ пріемовъ, выработанныхъ наукой: прокопана была сперва на сѣверо-восточной окраинѣ кургана яма почти такой формы, какую копаютъ теперь для покойниковъ, глубиною въ два съ половиной сажня: затѣмъ яма была оставлена, и еврей началъ копать траншею, шириною почти въ два аршина и длиною въ четыре сажня, по направленію отъ сѣвера къ югу. Въ траншеѣ еврей углубился на четыре аршина и открылъ здѣсь «ходы»; хотя это были не больше, какъ звѣриныя норы, но онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ принялся за дѣло. Далѣе еврей наткнулся на скелетъ человѣка и, страшно испуганный этой находкой, оставилъ было на время свое предпріятіе; но страсть къ золоту превозмогла, и онъ вновь принялся за курганъ, какъ былъ неожиданно остановленъ въ своемъ предпріятіи... Со слезами на глазахъ Милославскій оставилъ курганъ. Такъ разсказываютъ тѣ четыре человѣка, съ помощію которыхъ еврей велъ раскопку и съ которыми онъ обѣщалъ подѣлиться кладомъ, такъ какъ работали они безплатно.

Курганъ «Мухина-гора» раскопанъ мной глухой траншеей, при чемъ глухая сторона ея оставлена на югѣ, а выходъ (двое воротъ по угламъ траншеи) открытъ былъ на сѣверъ, длина-же траншеи, отъ юга къ сѣверу, 14 саженъ, а ширина ея, отъ запада къ востоку, почти 7 саженъ. Раскопка въ теченіе восьми дней потребовала 288 рабочихъ и тридцати паръ воловъ для вывозки земли; общая стоимость работъ обошлась въ сто девяносто два рубля. Раскопка шла послойно. Всѣхъ слоевъ до материка (желтой глины) снято 28, при чемъ каждый слой равнялся полуторы четверти («штыхъ лопаты»); итого глубина раскопки равняется почти одиннадцати аршинамъ. При раскопкѣ веденъ былъ мною подробный дневникъ съ рисунками всѣхъ пластовъ земли и съ точнымъ указаніемъ

мѣста нахожденія каждой вещи, открываемой въ пластахъ, при чемъ измѣреніе производилось отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и восточной и западной стѣнѣ траншеи, смотря по положенію вещи до мѣстонахожденія ея.

Чтобы ознакомить читателей съ подробностями произведенной мною раскопки, я долженъ изложить ходъ работъ по дневнику. Матерія нѣсколько скучная, но я имѣю въ виду тѣхъ, которые сами пожелали-бы заняться подобнымъ дѣломъ, а такихъ, какъ я убѣдился опытно, находится не мало. Итакъ послѣдуемъ за дневникомъ.

Первый слой. Глубина—полторы четверти. На разстояніи двѣнадцати шаговъ [1]) отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи въ четырехъ шагахъ найдены черепки вмѣстѣ съ дномъ разбитаго *горшка*, изъ черной полуобожженной глины, безъ всякой орнаментики; на двѣнадцать шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи въ четырехъ шагахъ найдена верхняя челюсть *лошадинаго черепа*, лежавшая внизъ лбомъ и имѣющая двѣ четверти съ однимъ вершкомъ длины, и въ двухъ аршинахъ отъ челюсти къ западу, у самой западной стѣны траншеи, нѣсколько древесныхъ *углей;* на разстояніи одинадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи полуаршина найдены обломки *человѣческаго черепа съ позвоночной костью;* на разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найденъ *черепокъ горшка* изъ полуобожженной глины, безъ всякой орнаментики.

Второй слой. Глубина—три четверти. На разстояніи двадцати пяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи чрезъ центръ къ сѣверу и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найденъ черепокъ *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментики; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи чрезъ центръ и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены *ребра человѣческаго скелета*; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдена *ручная кость человѣческаго скелета*; на разстояніи двадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направ-

---

[1]) Шагъ равняется двумъ аршинамъ.

ленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены три черепка разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментаціи; на разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены обломки *реберъ человѣка;* на разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена нижняя челюсть *конской головы*, зубами внизъ; на разстояніи одиннадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ съ половиной шаговъ найденъ кусокъ хорошо сохранившагося дубоваго *дерева;* на разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію прямо къ центру найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины съ орнаментикой, положеннаго на угляхъ; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдена верхняя челюсть *конской головы;* на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены двѣ *конскія головы*, положенныя рядомъ одна возлѣ другой, въ обыкновенномъ видѣ, каждая по двѣ съ половиной четверти длины отъ зубовъ къ концу затылка; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найдены двѣ *конскія головы*, положенныя одна на другую, въ обыкновенномъ видѣ, каждая длины по двѣ съ половиной четверти; на разстояніи семи съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ съ половиной шаговъ найдена *конская голова*, положенная въ обыкновенномъ состояніи и имѣющая длины нѣсколько менѣе двухъ съ половиной четвертей.

Третій слой. Глубина четыре съ половиною четверти. На разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины безъ всякой орнаментики; на разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ

шаговъ найденъ обожженный скелетъ *лошади* вмѣстѣ съ древесными углями. На разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру найдено *копыто лошади*; на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдено *ребро лошади;* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ обломокъ *человѣческаго черепа*, положеннаго на угляхъ изъ древесныхъ вѣтвей и нѣсколько восточнѣе отъ черепа кость *курицы*; на разстояніи пяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найдены *черепъ и кости лисицы*; на разстояніи трехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на растояніи двухъ шаговъ найденъ кусокъ сгнившаго *дерева*; на растояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ кусокъ хорошо сохранившагося берестоваго *дерева*; на разстояніи одного шага отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ небольшой *известковый камень.*

Четвертый слой. Глубина шесть четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена позвоночная *кость быка;* на разстояніи девяти съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи по прямому направленію къ центру и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины; на разстояніи восьми съ половиной шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по прямому направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдено *копыто лошади;* на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ кусокъ *дубоваго дерева:* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи. по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи

шести съ половиной шаговъ найдено *копыто лошади;* на разстояніи трехъ шаговъ отъ южной траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найдена кость *курицы;* на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найдено нѣсколько *углей;* на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи двухъ шаговъ найденъ *черепъ и кости лисицы;* на разстояніи одного шага отъ южнаго конца траншеи и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи одного шага найденъ кусокъ *березы.*

Пятый слой. Глубина семь съ половиной четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ съ половиной шаговъ къ западу найдено *ребро лошади;* на древесныхъ угляхъ и нѣсколько восточнѣе отъ него кость *барана;* на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдена кость *быка;* на разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдена *бронзовая пряжка;* на разстояніи трехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи полутора шага найденъ кусокъ *дубоваго дерева;* въ вершокъ толщиною.

Шестой слой. Глубина девять съ половиной четвертей. На разстояніи десяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ къ западу найденъ небольшой гладко отполированный *камень,* два вершка длины и въ половину этого ширины; на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи шести съ половиной шаговъ найдены черепки разбитаго *горшка* изъ полуобожженной глины; на разстояніи восьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ къ востоку найдены куски *человѣческаго черепа* (лѣвая сторона): на разстояніи шести шаговъ

отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи шести шаговъ найдены *вѣнцы*, горшки изъ чистой, прекрасно обожженной глины, безъ орнаментики; на разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ найденъ *скелетъ человѣка*, съ ногами по колѣна. Положеніе скелета съ запада на востокъ (голова на западъ, ноги на востокъ), лицо вверхъ, руки на груди; длина всего скелета (до колѣнъ) шесть четвертей; ножныя кости имѣютъ по двѣ четверти съ однимъ вершкомъ; ручныя отъ локтя по полуторы четверти, голова вся раздавлена землей, кромѣ нижней челюсти съ зубами, плохо сохранившимися и небольшихъ размѣровъ; признаковъ гроба и другихъ принадлежностей не обнаружено; на разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, наискось къ западу и отъ западной стѣны траншеи найденъ кусокъ *дубоваго дерева*, длиною въ аршинъ и толщиною въ два вершка, положеннаго наискось отъ угла къ стѣнѣ.

Седьмой слой. Глубина одинадцать четвертей. На разстояніи семи шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи трехъ шаговъ найденъ кусокъ *дубоваго дерева*, въ три вершка толщиною.

Осьмой слой. Глубина двѣнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи одинадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ восточной стѣны траншеи на разстояніи четырехъ шаговъ найдена одна половинка прямыхъ желѣзныхъ *удилъ;* на разстояніи девяти шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и отъ западной стѣны траншеи на разстояніи пяти шаговъ найденъ кусокъ *дуба*, толщиною въ четверть, длиною въ полуторы четверти; въ юго-восточномъ углу, въ видѣ полукруга съ небольшимъ (менѣе, чѣмъ одинъ аршинъ) проходомъ съ сѣверной стороны, открыто два *бревна:* береза и берестъ, изъ коихъ береза начинается у самой средины южнаго конца и идетъ въ видѣ правильной полудуги отъ юга къ сѣверо-востоку, а берестъ начинается у восточной стѣны траншеи и идетъ въ видѣ полудуги отъ востока къ западу, поворачивая постепенно къ югу и почти сходится съ концомъ березы (не доходя менѣе, чѣмъ на аршинъ); толщина береста—полторы четверти, длина два

съ половиной аршина, толщина березы два съ половиной вершка, длина два съ половиной аршина.

Въ *девятомъ слоѣ* ничего не найдено.

Десятый слой. Глубина пятнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи двѣнадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію чрезъ центру, и на разстояніи пяти шаговъ отъ правой стѣны траншеи найденъ неполный скелетъ *человѣка* (неиспорченный раскопкою кладоискателя еврея Милославскаго); отъ этого скелета сохранились только нижняя челюсть черепа съ прекрасно сохранившимися зубами и ноги отъ колѣнъ и ниже; длина костей, отъ колѣнъ съ кистями—двѣ четверти съ однимъ вершкомъ; положеніе на востокъ, безъ признака гроба и платья; вещей также не найдено никакихъ; на разстояніи осьми шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи семи шаговъ отъ восточной стѣны траншеи найдены двойныя желѣзныя *удила;* въ юго-западномъ углу траншеи найденъ кусокъ березоваго *дерева*, толщиною въ вершокъ.

Одинадцатый слой. Глубина семнадцать четвертей. На разстояніи двухъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи двухъ шаговъ, по направленію отъ западной стѣны траншеи къ восточной, найденъ скелетъ *человѣка* безъ головы; положеніе съ юго-востока на сѣверо-западъ; правая рука по-надъ правымъ бокомъ, лѣвая положена по животу, ниже груди, при чемъ пальцы ея протянуты нѣсколько дальше праваго бока; лицо вверхъ; длина всего скелета три аршина съ четвертью, длина правой руки пять четвертей; по бокамъ скелета признаки дерева; вещей не найдено никакихъ; въ юго-восточномъ углу траншеи найдены куски дубоваго *дерева.*

Двѣнадцатый слой. Глубина осьмнадцать съ половиной четвертей. На разстояніи четырехъ шаговъ отъ южнаго конца траншеи, по направленію къ центру, и на разстояніи трехъ шаговъ, по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, найдена лопатка *барана.*

Въ *тринадцатомъ* и *четырнадцатомъ слояхъ* не найдено ничего.

Пятнадцатый слой. Глубина двадцать три четверти. Въ юго-западномъ углу траншеи найдено нѣсколько кусковъ *угля.*

Въ *шестнадцатомъ* и *семнадцатомъ слояхъ* не найдено ничего.

Осьмнадцатый слой. Глубина тридцать шесть четвертей. Въ юго-западномъ углу найдены куски *угля*, а въ юго-восточномъ *рѣчныя ракушки*, длиною въ два съ половиной вершка каждая.

Въ *девятнадцатомъ слоѣ* ничего не найдено.

Двадцатый слой. Глубина тридцать девять четвертей. На разстояніи тринадцати шаговъ отъ южнаго конца по направленію къ центру и на разстояніи трехъ шаговъ отъ восточной стѣны траншеи, по направленію къ западной, найденъ *человѣческій черепъ*, окрашенный въ какое-то красное вещество, глазными отверстіями вверхъ, ртомъ къ востоку; ширина черепа черезъ затылокъ—одна четверть съ вершкомъ, длина двѣ четверти.

Двадцать первый слой. Глубина сорокъ съ половиной четвертей. На разстояніи тринадцати шаговъ отъ южнаго конца траншеи по направленію къ центру и на разстояніи трехъ шаговъ, по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, найдена кучка *углей*, числомъ семь.

Въ *семи* остальныхъ слояхъ (всѣхъ двадцать восемь), кромѣ рѣчныхъ *ракушекъ*, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, не найдено ничего.

Послѣ двадцати осьми слоевъ снятой земли обнаружился материкъ, состоящій здѣсь изъ желтой глины, или такъ называемаго „глею". Въ самомъ материкѣ, послѣ того, какъ поверхность его была совершенно выглажена, обнаружено три черныхъ пятна: одно въ юго-восточномъ углу траншеи, у самой стѣны, другое у той-же стѣны, но ниже, на разстояніи осьми шаговъ отъ перваго, по направленію отъ юга къ сѣверу, и третье, самое главное, на двѣнадцать шаговъ ниже южнаго конца траншеи, на четыре шага сѣвернѣе центра и на два съ половиной шага по направленію отъ восточной стѣны траншеи къ западной, иначе отъ втораго чернаго пятна. Первыя два пятна имѣютъ видъ продолговатыхъ квадратовъ, по четыре съ половиной аршина длины и по два ширины каждое, а третье почти овальной формы съ небольшимъ квадратомъ, въ видѣ хвоста, по направленію отъ юга къ сѣверу. Сверхъ того, послѣ очистки насыпи всей траншеи, на разстояніи двухъ шаговъ отъ самаго центра кургана къ западной стѣнѣ траншеи, въ материкѣ обнаружено было еще пять черныхъ пятенъ, въ видѣ небольшихъ квадратовъ, въ одинъ аршинъ длины каждый. Послѣ вскрытія этихъ

послѣднихъ пятенъ оказалось, что здѣсь, въ самомъ материкѣ, на глубинѣ полутора аршина, устроено было *пять очаговъ*, въ аршинъ высоты и три четверти ширины каждый; два изъ нихъ расположены по канавѣ, идущей отъ востока къ западу, а три расположены по канавѣ, идущей отъ сѣвера къ югу и соединяющейся подъ прямымъ углomъ съ первой канавой; при чемъ расположеніе очаговъ, первыхъ двухъ и послѣднихъ трехъ, обращено въ разныя стороны: два на югъ отверстіями, а три на западъ. Въ одномъ изъ очаговъ найдено небольшое количество угля.

Въ томъ изъ трехъ черныхъ пятенъ, которое обнаружено въ юго-восточномъ углу траншеи, найдено два *человѣческихъ скелета*, положенные лицами вверхъ съ юга на сѣверъ, параллельно восточной стѣны траншеи, но притомъ такъ, что первый скелетъ, именно тотъ, что ближе къ стѣнѣ, положенъ выше втораго на двѣ четверти; при чемъ ноги перваго скелета, отъ колѣнъ, подложены подъ ноги втораго, а лѣвая рука того-же перваго скелета вложена въ правую втораго; правая-же рука все того-же перваго скелета, какъ и лѣвая втораго, положены какъ-бы на отлетъ, нѣсколько поодаль отъ скелетовъ; длина перваго скелета два аршина съ половиной, длина втораго два аршина три четверти; длина черепа перваго скелета полторы четверти, ширина одна четверть; длина черепа втораго скелета двумя вершками больше; подъ обоими скелетами, кромѣ кусковъ дерева, не найдено ничего.

Во второмъ черномъ пятнѣ, обнаруженномъ также у восточной стѣны траншеи, на разстояніи осьми шаговъ отъ перваго, найденъ одинъ *человѣческій скелетъ*, положенный также съ юга на сѣверъ, лѣвымъ бокомъ вверхъ, а правымъ внизъ; при чемъ колѣни скелета согнуты по направленію къ востоку, а ступни ногъ выворочены по направленію къ западу; руки положены одна на другую, лѣвая на правую, и откинуты отъ скелета по направленію къ востоку. Длина скелета три аршина и семь вершковъ, черепъ отъ затылка къ носу три четверти, черезъ макушку двѣ. Кромѣ признаковъ дерева возлѣ скелета не найдено ничего.

Третье черное пятно почти овальной формы; въ окружности имѣетъ пять саженъ, но глубины различной: съ восточной и западной сторонъ имѣетъ по одному аршину, съ сѣверной три четверти, а съ южной аршинъ съ четвертью, по направленію къ сѣ-

веру это черное пятно имѣетъ протяженіе въ видѣ продолговатаго квадрата, имѣющаго длины четыре аршина и ширины полтора. На глубинѣ одной четверти черпаго пятна, съ западной стороны, найдено два *угля* и нѣсколько сѣвернѣе отъ нихъ скелетъ *хомяка*, положенный съ юга на сѣверъ съ поворотомъ головы отъ запада къ востоку; длина всего скелета аршинъ; на глубинѣ двухъ четвертей черпаго пятна найденъ другой скелетъ *хомяка*, положенный по направленію отъ запада къ востоку, такой-же длины; во всемъ остальномъ пятнѣ до самаго материка не найдено ничего, кромѣ какого-то *бѣлаго вещества* (известь, мѣлъ или, быть можетъ, березовая кора—трудно опредѣлить), которое отдѣляло весь кругъ черпаго пятна отъ материка. Только въ продолговатомъ квадратѣ чернаго пятна (отъ центра на югъ на разстояніи семи шаговъ) найденъ полный скелетъ *человѣка*, на глубинѣ одного аршина отъ материка. Положеніе скелета почти такое-же, какъ и во второмъ черномъ пятнѣ: скелетъ положенъ правымъ бокомъ, внизъ по направленію отъ юга (голова) къ сѣверу (ноги), съ согбенными ногами въ колѣняхъ; разница лишь въ положеніи лица, которое обращено не къ востоку, какъ-бы слѣдовало по положенію скелета на правый бокъ, а на западъ, что даетъ поводъ думать, что голова умершаго какъ-бы насильственно выворочена; изъ рукъ правая протянута по-надъ правымъ бокомъ скелета, по направленію отъ юга къ сѣверу, но кисть ея загнута по направленію отъ запада къ востоку. Голова отъ подбородка къ концу затылка имѣетъ три четверти, черезъ макушку четверть; въ верхней челюсти черепа не достаетъ пяти зубовъ; носъ довольно поднятъ къ верху, но съ очень низко запавшею перепонкою. Подъ скелетомъ, кромѣ признаковъ дерева и въ небольшомъ количествѣ углей, положенныхъ у лѣваго бока, не найдено ничего.

Таковъ ходъ и результатъ произведенной мною раскопки кургана „Мухина-гора“.—Теперь послѣ всего естественно спросить: къ какому времени относится сооруженіе названнаго кургана и какому народу нужно приписать его? Отвѣтъ можетъ быть только гадательный; вещами курганъ на столько бѣденъ, что разгадать по нимъ съ точностію, какой народъ насыпалъ его, едва-ли возможно. Мы не можемъ утверждать, чтобы курганъ былъ ограбленъ, хотя бы то и такимъ кладоискателемъ, какъ упомяну-

тый еврей Милославскій, такъ какъ всѣ черныя пятна, а это самое существенное въ курганахъ, были открыты въ цѣлости. Скорѣе можно думать, что бѣдность кургана указываетъ и на бѣдность самаго народа, соорудившаго его, что курганъ насыпанъ такимъ кочевымъ народомъ, сравнительно мало осѣдлымъ и мало культурнымъ, какъ извѣстные въ нашей исторіи половцы, иначе называемые куманями и кипчаками, народы тюрско-татарской породы, родственные съ печенѣгами, народы, имя которыхъ записано у нашихъ лѣтописцевъ уже подъ 898 годомъ [1]) Вырвавшись изъ степей азіатскихъ, близъ Каспійскаго моря, вытѣснивъ оттуда народъ узовъ или торковъ, разогнавъ печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, половцы заняли теперешнія придонскія и новороссійскія степи, по берегамъ Черного моря до самой Молдавіи [2])

Что вскрытый курганъ можно приписать половецкой народности, доказательства на это въ самомъ курганѣ. Прежде всего за половцевъ говоритъ самое мѣстонахожденіе кургана: курганъ находится въ предѣлахъ сѣверной части екатеринославской губерніи и у южной части харьковской, гдѣ между прочимъ и кочевали половцы. Далѣе на половецкую народность указываетъ курганъ и тѣмъ, что на немъ стояла каменная баба, что приписывалось и приписывается, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ половцамъ. Подтвержденіе этому находимъ въ свидѣтельствѣ французскаго монаха Рубруквиса, проѣзжавшаго землю половцевъ уже въ XIII вѣкѣ. „У нихъ (половцевъ), говоритъ Рубруквисъ, есть обычай дѣлать изъ земли насыпь надъ могилою покойника и воздвигать ему *статую*, обращенную лицомъ на востокъ [3]) и держащую въ рукахъ чашу на своемъ животѣ“ [4]) Наши лѣтописи (напримѣръ новгородская подъ 1224 годомъ) склонны, повидимому, всѣ курганы приписывать однимъ половцамъ, насы-

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871 г., стр. 9.

[2]) Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, Спб., 1818 г., стр. 71.

[3]) Здѣсь допущена нѣкоторая неточность: изъ множества каменныхъ бабъ, видѣнныхъ мною на курганахъ, далеко не всѣ обращены на востокъ, но нѣкоторыя на сѣверъ, на сѣверо-западъ и юго-западъ.

[4]) См. у Бержерона. Voyages faits principalement en Asie. т. I, ч. X.

павшимъ оные главнымъ образомъ надъ прахомъ своихъ князей или хановъ. Въ „Мухиной могилѣ", какъ мы видѣли, скрыто было восемь лошадей (по преимуществу головы и ноги: кочевнику нужна сообразительность лошади—въ головѣ и быстрота въ ногахъ), двѣ курицы, два барана, быкъ, лисицы, рѣчныя ракушки и два хомяка. Все это опять указываетъ на то, что курганъ насыпанъ былъ половцами: названныя животныя составляли и предметъ богатства и служили въ пищу половчину: „Главное богатство половцевъ, замѣчаетъ на этотъ счетъ Д. И. Иловайскій, состояло въ стадахъ рогатаго скота, верблюдовъ, овецъ и особенно въ конскихъ табунахъ. Почти сырое мясо было ихъ любимою пищею, а кобылье молоко любимымъ напиткомъ; пили также кровь убитаго животнаго. Вообще въ выборѣ пищи половцы, какъ истые дикари, не затруднялись; при случаѣ пожирали и мясо нечистыхъ животныхъ, каковы волки, лисицы, а также мясо хомяковъ, сусликовъ и другихъ землеройныхъ обитателей степи" [1]). „Якоже се и нынѣ при насъ половцы законъ держать отецъ своихъ, кровь проливати, а хвалящеся о семъ и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы.... И полонишна (русскіе у половцевъ) скоты, и кони, и вельблюды... и овци" [2]). Само собою разумѣется, что тѣже названныя животныя, которыя составляли предметъ богатства и служили пищею для половцевъ, могли быть приносимы ими и въ жертву, какъ поминки по умершемъ князѣ или ханѣ, что и обнаружилось при вскрытіи кургана: нѣкоторыя изъ найденныхъ костей животныхъ положены были на угляхъ и обожжены. Къ этому нужно прибавить лишь одну новую черту, неуказанную, кажется, ни нашими лѣтописцами, ни современными половцамъ путешественниками: принесеніе въ жертву человѣка. Въ третьемъ слоѣ кургана, на глубинѣ четырехъ съ половиной четвертей, между другими находками найденъ и обломокъ человѣческаго черепа, положенный на древесныхъ угляхъ. Не есть-ли это также жертва, гдѣ половцы вмѣсто животнаго употребили человѣка, быть можетъ какого-нибудь плѣнника?—Замѣчу еще, что раскопка кургана указываетъ

---

1) Иловайскій, Исторія Россіи. Москва, 1880 г., ч. 2, стр. 76.
2) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 9.

на новый видъ пищи, не названной въ лѣтописи, рѣчныя ракушки и просо. Присутствіе ракушекъ въ курганѣ объясняется близостью р. Орельки, протекающей отъ кургана въ полуторѣ верстѣ на западъ: очевидно половцы ловили ихъ въ рѣчкѣ и употребляли въ пищу. Найденное же въ курганѣ просо свидѣтельствуетъ, что половцы не все-же были кочевниками: быть можетъ, подъ конецъ они стали и культировать землю. Открытые въ курганѣ пять очаговъ, видимо, указываютъ опять таки на тѣхъ-же половцевъ. „Языческая религія собственно половцевъ намъ весьма мало извѣстна По всей вѣроятности, подобно другимъ тюркскимъ народамъ, они были преимущественно *огнепоклонники:* приносили коней, быковъ и овецъ въ жертву своему верховному божеству, творцу вселенной„ [1]). Статься можетъ, поэтому, что открытые пять очаговъ замѣняли у половцевъ жертвенные алтари. Что касается человѣческихъ скелетовъ, найденныхъ въ курганѣ, то изъ девяти только шесть можно считать половецкими: одинъ въ третьемъ слоѣ, положенный на угляхъ, другой въ одиннадцатомъ слоѣ, въ юго-западномъ углу траншеи, и четыре въ материкѣ; остальныя три скелета: одинъ во второмъ слоѣ, разбросанный по частямъ, другой въ шестомъ слоѣ съ ногами по колѣни, и третій въ девятомъ слоѣ, испорченный евреемъ Милославскимъ, мы склонны относить къ болѣе позднему времени, времени близкому къ намъ. По положенію этихъ скелетовъ (лицомъ къ востоку) можно заключить, что то были христіане; но какой національности они принадлежали, объ этомъ можно только гадать. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что это скелеты запорожцевъ, павшихъ въ битвѣ съ татарами. На такое предположеніе наводитъ по крайней мѣрѣ скелетъ съ отрубленными по колѣни ногами.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, степь широкая,
Ничего-жъ ты, поле, не спородило.—
Завродило, поле, ты могилушку,
Ты могилушку одинокую,
Что на самомъ верху той могилушки
Стоитъ кустикъ одинъ-одинешенекъ,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 78.

Что подъ тѣмъ подъ кустомъ молодой козакъ лежитъ,
И порубленный и пострѣлянный,
Въ головахъ у него воронъ-конь его стоитъ...

Быть можетъ, эта-же могила приняла въ себя и какого-нибудь изъ чумаковъ, много лѣтъ ходившаго за рыбой на Донъ или за солью въ Крымъ, но внезапно застигнутаго смертью и погребеннаго товарищами въ высокомъ курганѣ среди степи зеленой.

Ой ходивъ чумакъ симъ рикъ по Дону,
Та й не було пригодоньки николи ёму;
Ой ходивъ-же винъ и въ день и въ ночи,
Занедужавъ чумаченько, зъ Крыму идучи;
Ой упавъ-же винъ, упавъ та й лежить,
Нихто ёго не спитае, що въ ёго болить.
. . . .
Отамане мій, жалуй ты мене:
Возьми мои волы й возы, поховай мене;
Бери волы, бери возы,
Зроби-жъ мени домовину хоть изъ рогозы.
. . . .
Ой у Самари вси дзвоны гудуть:
Оце-жъ того чумаченька на *курганъ* несуть.
Ой у Самари ударили въ дзвинъ:
Це-жъ по тому чумаченьку, що ходивъ на Динъ.
Ой у Самари ударили въ два:
Це-жъ по тому чумаченьку, що бувъ та нема.

Изъ шести скелетовъ, которые мы считаемъ половецкими, одинъ, что въ главномъ черномъ пятнѣ, безъ сомнѣнія принадлежалъ князю или хану, а остальные пять могли принадлежать если не его приближеннымъ, то русскимъ плѣнникамъ, которыхъ очень много было у половцевъ. „Половци-же, приемше градъ (Торъческъ), запалиша огнемъ, и люди разділиша и ведоша я у вежѣ къ сердоболямъ своимъ и сродникомъ своимъ. Мучими зимою, и оцѣпляемѣ у алъчбѣ и въ жажѣ; і въ бѣдѣ побледѣвше лици, и почерпивше телесы; незнаемою страною, языкомъ іспаленомъ, нази ходяще и боси, ногы имуще избодены терньемъ. Съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города, а други: азъ сего села; і тако съвъспрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе,

очи возводяще на небеса къ Вышнему, вѣдущему тайная"[1]). Что касается другихъ найденныхъ предметовъ въ курганѣ, кусковъ дуба, березы, береста, желѣзныхъ удилъ и одной бронзовой пряжки, то они одинаково могутъ быть отнесены какъ къ половцамъ, такъ и къ татарамъ, скиѳамъ, печенѣгамъ и другимъ полу-кочевымъ, полу-осѣдлымъ народамъ, населявшимъ нѣкогда нашъ югъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубую признательность г. землевладѣльцу с. Краснопавловки Г. И. Бѣлявскому, оказавшему мнѣ любезный пріемъ и много содѣйствовавшему въ понесенномъ мною трудѣ.

---

2) Раскопка кургана въ д. Вороной.

Еще въ прошломъ 1884 году, въ началѣ іюня мѣсяца, мнѣ пришлось производить раскопку кургановъ въ д. Вороной, екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда, любимовской волости, близъ днѣпровскихъ пороговъ Лаханскаго и Звонецкаго, въ имѣніи М. Н. Миклашевской. Изъ двадцати пяти кургановъ, вскрытыхъ здѣсь, я остановлюсь на томъ курганѣ, который помѣченъ въ моемъ дневникѣ № 11 (безъ названія). Это второй по величинѣ послѣ могилы Яцёвой и остальныхъ пятнадцати кургановъ, находящихся въ данной мѣстности. Онъ стоитъ на полусклонѣ открытой степи, въ осьми верстахъ отъ д. Вороной и въ четырехъ верстахъ отъ р. Днѣпра, съ лѣвой стороны его. По внѣшнему виду курганъ продолговатъ, въ окружности имѣетъ 47 саж., а черезъ вершину, отъ одного конца основанія до другаго, 15 саж.; вершина—съ двумя продолговатыми воронками, выложенными внутри дикимъ камнемъ и заросшими травой,—глубиною въ одинъ сажень. Кругомъ, у основанія, весь курганъ обложенъ былъ дикимъ камнемъ, видимымъ впрочемъ только по мѣстамъ.

Раскопка произведена посредствомъ колодца, глубиною въ восемь съ половиной аршинъ, кругомъ въ 25 саж. съ отверстіемъ на сѣверо-западъ, шириной въ два сажня. Насыпь снималась послойно (всѣхъ слоевъ 18), причемъ каждый слой брался въ $1\frac{1}{2}$ четверти, а измѣреніе шло отъ центра въ разныя стороны, смотря

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб. 1871 г., стр. 151.

по мѣстонахожденію каждой вещи. При раскопкѣ обнаружено, что курганъ отъ перваго слоя и до пяти аршинъ глубины насыпанъ былъ изъ земли и гранитнаго камня, со строгою послѣдовательностію, т. е. за слоемъ земли слѣдовалъ слой камня, за слоемъ камня слой земли и т. д.; причемъ каждый слой камня такъ плотно укладывался, что и самыя мелкія щели были забиты щебнемъ; самые-же камни попадались иногда такихъ большихъ размѣровъ, что одинъ изъ нихъ едва въ состояніи были сдвинуть съ мѣста десять-двѣнадцать человѣкъ. По всему этому для разработки кургана потребовалось до 280 человѣкъ въ теченіи двѣнадцати дней, кромѣ 24 паръ воловъ.

Всѣхъ слоевъ снято съ кургана 18. Изложу ходъ работъ по порядку съемки.

Первый слой; глубина—полторы четверти. На глубинѣ полуторы четверти на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ юго-востоку, найденъ *горшокъ* изъ полуобожженной глины, безъ признаковъ орнаментики.

Во *второмъ слоѣ* ничего не найдено.

Третій слой; глубина четыре съ половиной четверти; на глубинѣ четырехъ четвертей, на разстояніи трехъ съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверо-востоку, найдены черепки разбитаго *горшка* изъ пообужженной глины безъ признаковъ орнаментики.

Четвертый слой; глубина шесть четвертей; на глубинѣ шести четвертей обнаружено большое *кострище*, во весь кругъ кургана, т. е. въ 22 сажня въ окружности, толщиною отъ одного аршина (къ сѣверо-востоку) и до одной четверти (къ юго-западу); кострище состояло изъ толстыхъ березовыхъ деревъ съ хорошо сохранившеюся на нихъ бѣлою корою, положенныхъ стволами внизъ, вѣтвями на верхъ. По плотности кострище представляло такой мягкій слой, въ которомъ легко можно было провалиться, при самомъ осторожномъ хожденіи по немъ.

Въ *пятомъ слоѣ*—все тоже кострище.

Шестой слой; глубина девять четвертей; на разстояніи двухъ сажень отъ центра по направленію къ сѣверу найдены четыре обожженныхъ кости *лошади;* на той-же глубинѣ, на разстояніи полуаршина отъ центра къ сѣверу, найдены четыре ребра съ

четырьмя позвонками *лошади*; скелетъ ея имѣлъ длины безъ четверти два аршина, положенъ былъ вверхъ спиной.

Седьмой слой; глубина десять съ половиной четвертей; на глубинѣ десяти четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ къ востоку найденъ хребетъ *лошади*, съ востока на западъ; остальныя части той-же лошади открыты въ безпорядкѣ: и выше и ниже десяти четвертей, съ юга на сѣверъ, и съ востока на западъ; между последними костями обнаружены *угли;* на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку найденъ наконечникъ трехъ-граннаго желѣзнаго *копья,* длиною въ два вершка; на той-же глубинѣ на разстояніи пяти аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверу найдены кости *собакъ,* а на разстояніи пяти съ половиной аршинъ отъ центра къ востоку—челюсти *лошади*, положенныя на камни; на той-же глубинѣ, въ юго-восточномъ углу, найдена кость *теленка;* на той-же глубинѣ на разстояніи четырехъ аршинъ и четырехъ вершковъ отъ центра по направленію къ юго-востоку найденъ желѣзный *топоръ* безъ обушка (уничтоженъ ржою), имѣющій около трехъ вершковъ отъ конца лезвія къ обушку и столько-же отъ одного конца лезвія къ другому; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена кость *лошади* и возлѣ нея желѣзный *гвоздь*; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ съ четвертью отъ центра по направленію къ востоку, найденъ обломокъ *желѣзнаго ножа,* съѣденнаго ржавчиной, съ небольшой костяной ручкой и серебряной риховкой между ручкой и желѣзомъ; на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ югу найдена продолговатая желѣзная *трубочка* (на подобіе цѣвки), около двухъ вершковъ длины, и на три четверти къ югу отъ трубочки—желѣзная *пряжка.*

Осьмой слой; глубина двѣнадцать четвертей. На глубинѣ двѣнадцати четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ юго-востоку, найденъ небольшой желѣзный *крючекъ;* на глубинѣ тринадцати четвертей, на разстояніи шести аршинъ и трехъ четвертей отъ центра по направленію къ сѣверу, найдена кость *лошади;* на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ сосноваго *дерева,* длиною больше аршина, и на одну четверть восточнѣе—

кусокъ такого-же дерева, длиною полтора аршина; видимо дерево положено было въ видѣ полукруга по направленію отъ юго-востока къ сѣверу-востоку.

Девятый слой; глубина тринадцать съ половиной четвертей; на глубинѣ четырнадцати четвертей, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ югу, найдены двѣ кости *лошади.*

Десятый слой; глубина пятнадцать четвертей. На глубинѣ пятнадцати четвертей, на разстояніи двухъ сажень отъ центра по направленію къ востоку, найдена ножная часть *человѣка* и на одинъ аршинъ отъ кости къ востоку куски желѣзнаго *кинжала.*

Одинадцатый слой; глубина шестнадцать съ половиной четвертей. На глубинѣ шестнадцати четвертей, на разстояніи десяти аршинъ отъ центра по направленію къ западу, найдены зубы *лошади,* на глубинѣ семнадцати четвертей на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ сѣверу, найдено ребро *лошади,* хорошо сохранившееся; на той-же глубинѣ, на разстояніи пяти аршинъ съ тремя четвертями отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзный *гвоздь* и желѣзная *пряжка;* на той-же глубинѣ, въ юго-восточномъ углу, найденъ кусокъ сосноваго *дерева,* окрашеннаго въ красную краску, длиною въ три аршина и пять вершковъ.

Двѣнадцатый слой; глубина восемнадцать четвертей. На глубинѣ восемнадцати четвертей, на разстояніи одиннадцати съ четвертью аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ желѣзный *кинжалъ,* въ изломанномъ видѣ, величиною съ полъ аршина; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ четвертей отъ центра къ востоку, найдены обломокъ желѣзнаго *копья, гвоздь* и кусокъ *дерева;* на той-же глубинѣ, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены кость *быка* и возлѣ нея желѣзный *ножъ;* на той-же глубинѣ, на разстояніи пяти съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзныя *удила* и возлѣ нихъ кость *лошади.*

Тринадцатый слой; глубина девятнадцать съ половиной четвертей; обнаруженъ слой желтой *глины* толщиною въ палецъ на пространствѣ всего кургана и поверхъ слоя глины березовыя вѣтви; на той-же глубинѣ, на разстояніи шести аршинъ отъ центра по направленію къ югу; найдены куски серебристаго *тополя* съ корою

хорошо сохранившеюся и съ большими камнями поверхъ тополя; на той-же глубинѣ, въ самомъ центрѣ, найдена желѣзная *пряжка* и на полъ-аршина восточнѣе отъ нея кость *лошади* (ребро); на глубинѣ двадцати четвертей, на разстояніи трехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ серебристаго *тополя* съ корой, хорошо сохранившейся; на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найденъ кусокъ *желѣза;* на той-же глубинѣ, на разстояніи девяти съ половиной аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдены желѣзный ободокъ изъ *сѣдла*, желѣзный гвоздь и одинъ позвонокъ человѣческаго *скелета;* на той-же глубинѣ, въ центрѣ подъ воронками, найденъ слой твердой *глины* вмѣстѣ съ кусками деревъ, костей и гвоздей; на той-же глубинѣ, на разстояніи семи аршинъ и двухъ четвертей отъ центра по направленію къ востоку, найденъ позвонокъ *человѣческаго скелета*; на той-же глубинѣ, на разстояніи семи аршинъ отъ центра по направленію къ югу, найденъ кусокъ *кремня*, въ полторы четверти длиною и въ полъвершка шириной; на той-же глубинѣ, на разстояніи четырехъ аршинъ отъ центра по направленію къ востоку, найдена небольшая *кость* неизвѣстнаго животнаго, разрубленная по поламъ. Ниже пяти аршинъ насыпи слой камней прекращается.

Четырнадцатый слой; глубина двадцать одна четверть. На глубинѣ двадцати одной четверти, отъ центра по направленію къ сѣверу, у самой стѣны, найденъ небольшой *кремневый каменъ*. Въ остальныхъ *четырехъ* слояхъ не найдено ничего.

Послѣ снятія насыпи въ восемь съ половиной аршинъ глубины обнаруженъ матéрикъ, состоящій здѣсь изъ желтой глины; въ самомъ центрѣ колодца, противъ воронокъ, которыми оканчивался курганъ на верху, найдено *черное пятно*, находившееся на 24 аршина къ концу колодца на востокъ и на 24-же аршина къ концу колодца на западъ. По формѣ черное пятно напоминало собой продолговатый полукругъ, расположенный прямой линіей на юго-востокъ, а дугой на сѣверо-западъ; причемъ прямая линія равнялась четыремъ съ половиной аршинамъ, а самая дуга девяти аршинамъ; глубина всего чернаго пятна, до материка, опредѣлялась тремя аршинами. Послѣ тщательнаго вскрытія чернаго пятна въ

немъ не оказалось ничего, кромѣ двухъ поломанныхъ *реберъ человѣческаго скелета* да верхней кости *скелета курицы* („кобылки“).

Таковъ результатъ раскопокъ. Оставляю открытымъ вопросъ о томъ, какой народности приписать вскрытый курганъ, не имѣя для рѣшенія его достаточно данныхъ. Замѣчу лишь, что весь строй этого кургана много напоминаетъ разсказъ, записанный у извѣстнаго арабскаго путешественника половины X ст. Ибнъ-Фоцлана,— разсказъ о пріемахъ погребенія *русскими*, приходившими на Волгу для торговли съ болгарами, одного изъ знатныхъ ихъ русичей, умершаго здѣсь [1]). Этотъ-же курганъ напоминаетъ собой одинъ изъ тѣхъ кургановъ, которые насыпались въ честь *русскихъ*-же князей, убитыхъ гдѣ-нибудь на войнѣ, уже спустя много дней послѣ смерти героевъ. То курганы такъ называемой тризны. „И повелѣ (Олга) людемъ съсути могилу велику, и яко съсоша, повелѣ трызну творити. По семъ сѣдоша Деревлянѣ пити, и повелѣ Олга отрокомъ своимъ служити передъ ними“ [2]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ черномъ пятнѣ, кромѣ двухъ реберъ, не обнаружено ни головы, ни ногъ, ни рукъ человѣка.

Д. И. Эварницкій.

Д. Богодаръ,
25 іюня 1885 года.

---

3) Раскопка кургана близъ с. Рыжановки звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Попадающіеся въ «Кіевской Старинѣ» извѣстія о раскопкахъ и археологическихъ находкахъ подали мнѣ мысль сообщить и о произведенной много недавно раскопкѣ. Въ маѣ прошлаго года я раскопалъ одинъ изъ цѣлой группы кургановъ, лежащихъ на поляхъ мѣстечка Рыжановки у границы ихъ съ полями села Залѣсскаго звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи. Поля эти составляютъ равнину, теперь безводную и безлѣсную, пространствомъ версты 3 въ длину и ширину. На ней возвышаются два большіе курганы и до 20 меньшихъ, во взаимномъ разстояніи отъ 150 до 300 шаговъ. Я раскопалъ одинъ изъ большихъ, высотою до 3½

---

[1]) См. А. Гаркави, Сказаніе мусульманскаго писателя о Слав. и Рус., Спб., 1870 г., 97—101.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., стр. 36.

саженей. Раскопка началась съ вершины и производилась крестообразно. Сверху находился слой чернозема, повидимому наноснаго или насыпнаго, перемѣшаннаго съ селитрой. Слой этотъ во многихъ мѣстахъ пробуравленъ былъ корнями росшихъ тамъ прежде деревьевъ. Отъ корней остались теперь только мѣстами наружныя оболочки, внутренность-же совершенно сгнила и унесена или съѣдена вѣроятно насѣкомыми и, какъ слѣды ихъ, остались полости развѣтвленныя и пустыя внутри, въ видѣ артерій; о деревьяхъ свидѣтельствовали не только остатки корней, но и попадавшіеся слѣды желудей. Мягкій черноземъ служилъ жилищемъ множества земляныхъ жабъ. На большей глубинѣ попадались кости разныхъ маленькихъ животныхъ: птичекъ, сусликовъ и т. п. Аршина на 2 глубины найденъ желѣзный наконечникъ пики, длиною около 1/8 аршина, до того изъѣденный ржавщиной, что его можно было-бы сломать между пальцами. Я однако-жъ сохранилъ находку у себя. Далѣе древесныхъ корней уже не было, однообразный слой чернозема съ селитрой продолжается до 1½ сажени глубины, затѣмъ прекратились слѣды корней, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала попадаться селитра. На днѣ кургана я нашелъ кучу красноватой глины высотою до 2 аршинъ, до того твердой, что пришлось ее разбивать топорами. На отлогихъ бокахъ этой глиняной кучи найдено нѣсколько кусковъ угля и остатки бараньихъ роговъ, а равно и куски желѣза, сильно заржавленые, какъ-бы обломки ножа. Подъ глиняной кучей лежала уже цѣлина, глубже по этому копать не было надобности; но за то продолжая крестообразную раскопку съ востока на западъ, я нашелъ, на 1 сажень ниже края подошвы кургана, лошадиныя кости въ безпорядкѣ, разбросанныя на черепкахъ глиняной посуды; костей головы и нѣкоторыхъ костей ногъ не доставало. Тамъ-же найдена часть мѣднаго кольца, въ діаметрѣ болѣе дюйма. Что касается до черепковъ глиняной посуды, то это были части урнъ огромныхъ размѣровъ, однѣ красноватаго цвѣта, другія темнаго, землистаго.

Вотъ все, что дала произведенная мною раскопка. Я не записной археологъ, велъ раскопку не по научнымъ правиламъ, предпринялъ ее, побуждаемый болѣе любопытствомъ, нежели опредѣленными научными цѣлями; но, кажется мнѣ, и я напалъ на такой пунктъ, гдѣ по остаткамъ костей, угля и разбитыхъ урнъ можно предполагать жертвенный алтарь древняго языческаго культа. Но при этомъ за-

гадкой для меня осталось присутствіе въ разрытомъ мною курганѣ огромной массы красноватой глины, чуждой мѣстному слою. Откуда она взялась и для какой цѣли сохранялась здѣсь? При раскопкахъ въ нашей мѣстности остатковъ древней глиняной посуды вообще попадается много: откуда-же она бралась? Неужели всегда первобытные народы получали ее отъ болѣе цивилизованныхъ? Вѣдь и кочевникамъ въ переходной періодъ извѣстны были нѣкоторыя ремесла. Можно поэтому допустить, что въ мѣстности раскопаннаго мною кургана имѣлъ временно осѣдлость какой-то кочевой народъ съ нѣкоторыми уже признаками культуры и что найденная мною глина заложена здѣсь именно для выдѣлки урнъ, но оставле на при внезапной передвижкѣ. Покидавшіе запасъ, быть можетъ, предполагая возвратиться, на всякій случай прикрыли покидаемое землею, что и дало начало кургану, а далѣе природа совершила свое дѣло. Вѣка прошли, пока курганъ покрылся дубовымъ лѣсомъ, пока лѣсъ былъ вырубленъ и замѣненъ пшеницей.

Высказываю мои предположенія, такъ сказать, мимоходомъ, не придавая имъ особаго значенія; настоящая-же цѣль моей замѣтки обратить вниманіе археологовъ на мѣстность, которая по всей видимости принадлежитъ къ древнѣйшимъ населеннымъ пунктамъ края и можетъ быть объектомъ ихъ изслѣдованій.

З.

Г. Звенигородка.
Мая 28 дня 1885 года.

НА МОГИЛѢ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

(*Корреспонденція «Кіевской Старины).*»

Давно хотѣлось мнѣ побывать въ городѣ Брестѣ Литовскомъ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни и сложилъ свои кости извѣстный малорусскій писатель Алексѣй Петровичъ Стороженко. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года, возвращаясь изъ Варшавы въ Кіевъ, я рѣшился наконецъ исполнить свое желаніе.

Поѣздъ приходитъ въ Брестъ въ два часа по-полудни. Едва я успѣлъ выйти изъ вагона, какъ меня окружила толпа жидовъ-извощиковъ и гостинничныхъ коммиссіонеровъ съ обычнымъ азарт-

нымъ предложеніемъ своихъ услугъ. Наконецъ два наиболѣе энергичныхъ жидка выхватили у меня изъ рукъ чемоданъ, такъ что я, опасаясь за судьбу своихъ вещей, по-неволѣ послѣдовалъ за ними, расталкивая назойливо тѣснившихся около меня сыновъ Израиля.

Тощій конь, запряженный въ трясую нейтычанку, еле тащилъ по сыпучему раскалившемуся песку. Три версты отъ вокзала до города показались мнѣ безконечными. Наконецъ мой возница остановился у подъѣзда стараго, крытаго гонтомъ, одноэтажнаго домика съ колоннами, надъ которыми прибита была вывѣска съ громкою надписью «Берлинская гостинница».

Не имѣя въ Брестѣ знакомыхъ, я спросилъ прежде всего, гдѣ живетъ городской протоіерей, разсчитывая разузнать у него кое-что меня интересующее, и, нѣсколько отдохнувши послѣ дороги, отправился къ нему. Такъ какъ его можно было видѣть только около шести часовъ вечера, то я употребилъ остававшійся до этого времени часъ на осмотръ города. Это названіе почти что не подходитъ къ Бресту: на песчаной равнинѣ тянутся по сторонамъ широчайшихъ улицъ полуразвалившіяся лачуги и только какой нибудь десятокъ домовъ напоминаетъ вамъ, что это городъ. Городское населеніе состоитъ почти исключительно изъ жидовъ; какъ я потомъ узналъ, здѣсь на пятьдесятъ тысячъ жителей не болѣе пяти тысячъ представителей другихъ національностей. То и дѣло шмыгаютъ мимо васъ грязные ободранные жидки, жаждущіе гешефта.

Увы! это не тотъ Брестъ, съ которымъ мы знакомы по исторіи западной Руси. Современный Брестъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Брестомъ. Дѣло было такъ. Когда Наполеонъ I ознакомился съ топографіей западной окраины Россіи, то сказалъ о Брестѣ: «кто будетъ крѣпко стоять здѣсь, тотъ будетъ господиномъ всего этого края». Наше правительство воспользовалось указаніемъ великаго стратега: въ тридцатыхъ годахъ городъ со многими церквами и костелами на берегахъ р. западнаго Буга и р. Мухавца былъ срытъ и на мѣстѣ его воздвигнута была огромная неприступная крѣпость, а для города были отведены песчаные бугры, находящіеся въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости. Пока во всемъ городѣ есть только одна православная церковь и одинъ костелъ.

Къ шести часамъ я возвратился къ о. протоіерею. Онъ любезно принялъ меня, назвалъ мнѣ нѣкоторыхъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго Алексѣя Петровича, отъ которыхъ я могъ бы почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ его жизни и судьбѣ оставшихся послѣ него бумагъ, и разсказалъ то, что самъ зналъ про нашего писателя, котораго онъ не разъ видѣлъ по дѣламъ. Между прочимъ о. протоіерей подтвердилъ прежде дошедшій до меня слухъ, что въ бумагахъ покойнаго остались два неизданныя его произведенія: «Былое, но не минувшее» и «Чортъ на весилли».

Желая видѣть мызу, на которой провелъ Алексѣй Петровичъ послѣдніе годы своей жизни и мѣсто послѣдняго успокоенія его, я попросилъ о. протоіерея сопутствовать мнѣ туда, на что онъ обязательно согласился. На другой день, передъ вечеромъ, мы поѣхали на кладбище. По хорошо содержанному шоссе двѣ версты дѣлаются незамѣтно. Кладбище для уѣзднаго города болѣе чѣмъ въ порядкѣ—чистенькія дорожки, много деревьевъ, кустовъ, цвѣтовъ; почти въ центрѣ его церковь и около самой церкви, подъ тѣнью чуднаго каштана, лежитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, огороженная желѣзной рѣшеткой, чугунная плита, подъ которой покоятся бренные останки незабвеннаго Алексѣя Петровича. На плитѣ простая выпуклая надпись: «брестскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Алексѣй Петровичъ Стороженко. 6-го ноября 1874 г.» Съ благоговѣніемъ преклонившись предъ могилой талантливаго человѣка, я попросилъ о. протоіерея отслужить панихиду. Заунывное пѣніе при заходящемъ солнцѣ, лучи котораго робко пробивались сквозь густую листву окружавшихъ насъ деревьевъ, производило на меня сильное впечатлѣніе и навѣвало грусть. Молча вышли мы за ворота кладбища и проѣхали къ мызѣ Горишинъ, принадлежавшей покойному. По дорогѣ пришлось переѣхать черезъ мостикъ, на который о. протоіерей обратилъ мое вниманіе. «Это былъ роковой мостикъ для Алексѣя Петровича. Въ октябрѣ 1874 г. одна половина его перекрывалась; Алексѣй Петровичъ, возвращаясь какъ-то поздно вечеромъ изъ города, въ темнотѣ попалъ именно на эту половину, провалился, сильно простудился, окупувшись въ холодной водѣ, слегъ и ужъ болѣе не вставалъ».

Мыза Горишинъ расположена въ очень миленькой мѣстности—кругомъ зеленѣющіе луга, а по нимъ раскиданы тамъ и сямъ

группы деревьевъ; на право отъ мызы видѣнъ форпостъ, одинъ изъ многихъ, окружающихъ крѣпость. Мыза представляетъ въ настоящее время самое печальное зрѣлище. Переходя изъ рукъ въ руки, она досталась наконецъ какому-то генералу; но наканунѣ перваго его сюда пріѣзда домъ, въ которомъ жилъ покойный Алексѣй Петровичъ, сгорѣлъ до основанія. Владѣлецъ былъ очень этимъ огорченъ и оставилъ мызу въ полномъ запустѣніи; до сихъ поръ, не смотря на то, что это случилось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лежитъ груда почернѣвшаго мусору и стоятъ, печально склонивши свои вершины, обгорѣвшія деревья. Въ саду, представлявшемъ при покойномъ, по разсказамъ бывавшихъ у него, «райскій уголокъ», остались только немногія деревья, насаженныя его трудолюбивою рукой, да видны углубленія на мѣстахъ прежнихъ куртинъ и дорожекъ. Нынѣшній арендаторъ мызы пользуется садомъ, какъ пастбищемъ, что придаетъ усадьбѣ еще болѣе унылый видъ опустѣнія. Тяжело было смотрѣть на такое состояніе того мѣста, которое такъ любилъ и объ украшеніи котораго столь усердно заботился покойный. Мы обошли садъ и поторопились вернуться въ городъ.

С—но.

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ПЕРВОЙ ФУНДАТОРКИ КІЕВСКИХЪ БРАТСКИХЪ ШКОЛЪ.

Въ фундаціонномъ актѣ 1615 г. на дворовыя мѣста, составляющія въ совокупности усадьбу кіево-братскаго монастыря, имя жертвовательницы написано въ такой формѣ («Памятники кіевской коммисіи, т. II): «я Галшка Гулевичовна Лозчина, маршалковая мозырская». Мужемъ ея, какъ извѣстно, былъ мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка, фамилія-же Гулевичовна означаетъ ея прозвище въ дѣвичествѣ. Не смотря на это, очень часто изслѣдователи первоначальной исторіи нашей академіи называютъ фундаторку Гулевиче*вой*, что, очевидно, совершенно неправильно. Но такъ какъ они при этомъ равномѣрно употребляютъ и правильное написаніе, Лозчина или, по современной фонетикѣ *литературнаго* языка, Лозкина, то намъ достаточно ограничиться указаніемъ на эту несообразность, не входя въ ея подробное обсужденіе.

Иначе дѣло съ именемъ. Начиная съ болѣе давнихъ изслѣдователей академіи, до такого знатока мѣстнаго стариннаго языка, какъ М. А. Максимовичъ («О первыхъ временахъ Богоявленскаго братства», и др.), и до новѣйшихъ спеціалистовъ, къ тому-же профессоровъ самой академіи, какъ П. А. Лашкаревъ и С. Т. Голубевъ («Кіевская Старина» 1884 г. октябрь, 1885 г. январь),—всѣ они имя Лозкиной пишутъ неправильно. Начать съ того, что даже передавая его въ актовой формѣ, совсѣмъ безъ надобности вносятъ въ средину слова смягченіе, вмѣсто Галшка—пишутъ Гальшка. Здѣсь первый корень ошибки, ибо «Гальшку», по созвучію съ уменьшительнымъ малорусскимъ именемъ Галя, не трудно было отождествить съ послѣднимъ, т. е. принять его за архаическую форму *Анны*. Вѣроятно, эта ошибка отразилась далѣе, такъ что Гулевичовна-Лозчина можетъ значиться подъ именемъ Анны и въ современныхъ братскихъ помянникахъ. На самомъ дѣлѣ Анною она никогда не была, а имя это въ «Галшку» никогда не сокращалось, какъ можно видѣть напримѣръ изъ современной почти фундаціи монастыря почаевскаго Козинскою-Гойскою, которая такъ и пишется цѣликомъ Анною (Ганна).

Какое-же имя скрывается подъ формою Галшки?

Въ актахъ здѣшняго центральнаго архива XVI—XVII в. форма эта попадалась намъ въ существенно важномъ варіантѣ: Галжка, который могъ образоваться единственно изъ сокращенія нерѣдкаго тамъ-же полнаго имени Галжбета (польское Elżbieta), т. е. *Елисавета*. Это и есть настоящее имя Гулевичовны-Лозчиной. Это подтверждается подобнымъ-же примѣромъ относительно похищенной кн. Дмитріемъ Сангушкомъ княжны Острожской, дочери кн. Александра и Беаты, которая въ однихъ актахъ именуется сполна Елисаветою, а въ другихъ (и чаще) Галшкою. Но мы имѣемъ наконецъ и самое прямое доказательство правильности нашего мнѣнія. Въ житомірской гродской книгѣ 1617 и 1618 г., хранящейся въ центральномъ архивѣ подъ № 13, находимъ два документа, отъ 11 декабря 1618 г., существенно важныхъ для занимающаго насъ предмета. Оба они содержатъ жалобы шляхтича Дениса Лукаревскаго на вдову мозырскаго маршалка Лозки, урожденную Гулевичовну; одинъ изъ нихъ, № 617, касается нанесеннаго ею Лукаревскому оскорбленія, и здѣсь она названа *Галшкою*,

равно какъ въ актахъ той-же книги подъ № 413, 435, 437, 571, 572 (см. печатную Опись); въ актѣ-же подъ № 615 тотъ-же Лукаревскій жалуется на ту-же маршалковую по другому дѣлу, именуя ее *Галжбитою* (Опись, стр. 85). Тождество лица и именъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Необходимо замѣтить, что современницею и едва-ли не сестрою Елисаветы была Анна Гулевичевна, находившаяся въ замужествѣ за другимъ Лозкою же: первая была женою *Стефана, маршалка мозырскаго*, а вторая *Николая, подчашаго кіевскаго*. Эта послѣдняя Гулевичова-Лозчина, овдовѣвши, была во второмъ бракѣ за Ярошомъ Кирдеемъ-Козинскимъ, жила еще въ 1651 году и занимала тогда у межигорскаго игумена Варнавы Лебедевича 2000 злотыхъ подъ залогъ имѣнія Красной-Луки, иначе Никова, съ двумя руднями на р. Талѣ, т. е. въ нынѣшнемъ радомысльскомъ уѣздѣ къ югу отъ м. Иванкова; здѣсь-же ей принадлежали еще: с. Феневичи, Обчитель (теперь д. Оцитель) и не существующее нынѣ поселеніе Лавриновъ или Лавриновка,—очевидно, названное по имени ея мужа. Ей же, какъ видно изъ акта № 336 (годъ 1618), принадлежало имѣніе Мойсейковщина, теперь д. Мойсейки, къ сѣверо-востоку отъ Иванкова [1]). Елизаветѣ-же принадлежало имѣніе Рожовъ, теперь мѣстечко въ томъ-же уѣздѣ, но въ другой мѣстности, около кіево-житомирскаго шоссе.

Мужъ Елисаветы, кромѣ извѣстнаго по другимъ документамъ имени Стафана, въ двухъ актахъ книги № 13 названъ еще Юзефомъ; не столько изъ двуименности, употреблявшейся въ ту эпоху, какъ и въ удѣльной Руси христіанскаго времени, у православныхъ нашего края, сколько изъ полонизованной формы «Юзефъ» можно заключать, что онъ былъ католикомъ. Смерть его послѣдовала между 27 мая 1617 г., когда былъ выданъ позовъ ему лично, и 9 августа 1618 г., когда жена его имуется уже вдовою (таже опись, 1617 г. № 234 и 1618 г. №№ 413, 435—437, 571, 572).

---

[1]) См. также «Межигорскую Старину», № XI, стр. 80—86. Совпаденіе имени съ общепринятымъ доселѣ толкованіемъ имени братской фундаторки, при тождественности мужнихъ фамилій, ввело въ заблужденіе, между прочимъ, и рецензента этого изданія въ прошлой книжкѣ «Кіевской Старины» (См. 1885 г., іюль, стр. 500).

Возстановимъ-же истинное имя, дорогое не для одного Кіева, но и для всего русскаго просвѣщенія, оставимъ въ сторонѣ ничѣмъ незамѣчательную Лозчину Анну, жену Лаврина, а будемъ благодарно вспоминать навсегда жену Стефана-Юзефа,—*Гулевичовну-Лозчину Елисавету!*

Ив. Новицкій.

ЗАПИСЬ О КЛАДѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Нижеприведенный документъ доставленъ мнѣ обязательно г. Ц. А. Абрамовичемъ, который къ несчастью не могъ мнѣ сообщить данныхъ о мѣстности, въ которой онъ былъ составленъ. Документъ написанъ на полулистѣ сѣрой бумаги весьма не четкимъ почеркомъ XVIII столѣтія. Нижній лѣвый уголъ полулиста оторванъ и потому въ текстѣ не достаетъ нѣсколькихъ словъ, которыя замѣнены точками. Составитель былъ очевидно малограмотенъ—правилъ правописанія онъ не соблюдалъ, вслѣдствіе чего въ текстѣ сохранились особенности того областнаго говора, который составитель употреблялъ въ разговорной рѣчи. Желая сохранить этнографическія особенности подлинника, мы сохраняемъ его правописаніе. Не придавая серьезнаго значенія «записи о кладѣ», мы предлагаемъ документъ вниманію читателей изъ-за сохранившихся въ немъ бытовыхъ подробностей, представляющихъ характеристическія черты, относящіяся къ быту станичниковъ и разбойниковъ во второй половинѣ XVIII вѣка въ Слободской Украйнѣ, къ территоріи которой очевидно относятся упоминаемыя въ документѣ событія.

В. А.

Памятная грамота брату Петру Мухи.

Помнишъ братъ, куда ты к намъ ездилъ на любимой нашъ станъ? И ты помнишъ наша атаманская городище; помнишъ, тамъ надъ самою Нястунию былъ колодезь, а напроти яго стаяла бяроза, то такъ к Нястуни въ палавину гарадища на вастокъ нанижи бярозы паддоримъ (sic) ничи—нашъ атаманъ погрипъ клада. Найдешъ, то за еты денги можно купить усю курскую губерню. Смотри братъ, нади! Насъ выганяли, то мы тую бярозу западный бокъ стясали тапаромъ и пробили съ пушки ядромъ. А у верхнихъ въ 30-ти козацкихъ курганахъ, што къ дароги, нетъ сакровиша ничаго, толка въ болшомъ курганя

закопаны нами все лишни худобы: тамъ ружи, три пушки, содла, новоски палили (sic), медный кателъ, а денихъ нету. На триоча (sic) мы схаравили свояго ясавула Антошку Сиврюка,—ты яго зналъ; то у нагахъ закопали яму: на паминъ католъ сирибра, 12 тысичъ цалковыхъ, закопаны мелка на пол аршина, а въ головы поставили вядорный кушинъ медный ис золотомъ; католъ накрыли залезною досткою. Смотри, братъ; а можа я вярнусь. А мы таперъ паехали у Бахмутъ ..... 30 у насъ убили салдаты, узяли ..... и 7 чилавекъ. Прощай братъ, Пятруша! 1779 года.

ПОРТРЕТЪ ГОНТЫ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 годъ была помѣщена прекрасно написанная проф. В. Б. Антоновичемъ, по современнымъ мемуарамъ, біографія уманскаго сотника Ивана Гонты, и къ ней приложенъ портретъ этого знаменитаго въ народной памяти героя Коліивщины или Уманской рѣзни, сподвижника «козацького батька—отамана Зализняка», съ которымъ они въ 1768 году раскуривали «люльки» свои на пожарищахъ польскихъ городовъ и костеловъ и залили ляхской кровью всю правобережную Украйну. Приложенный портретъ, какъ сказано въ пояснительномъ къ нему текстѣ, представляетъ снимокъ, воспроизведенный въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ посредствомъ геліографія, съ оригинала принадлежащаго тому-же профессору Антоновичу, самый же оригиналъ, какъ объясняетъ г. Антоновичъ, написанъ правдоподобно при жизни Гонты для церкви м. Володарки, кіевской губерніи, въ которой Гонта состоялъ старостою, хранился въ ней до 1847 г., пока не былъ пріобрѣтенъ въ собственность тамошнимъ помѣщикомъ, послѣ ссылки котораго достался съ аукціона г. Антоновичу. Въ автентичности означеннаго портрета не можетъ быть по этому сомнѣнія... Но слабость-ли кисти художника, писавшаго этотъ портретъ, или несовершенство сдѣланнаго Экспедиціею снимка, зависѣвшее отъ какихъ-либо случайныхъ причинъ, дали въ результатѣ то, что на названномъ приложеніи къ «Кіевской Старинѣ», какъ кажется намъ, не бросаются въ глаза тѣ выдающіяся черты необычайной силы воли, мужества, ума и внѣшней велича-

вости и красоты, какія несомнѣнно присущи были знаменитому сотнику. Гораздо болѣе, какъ намъ кажется, отпечатлѣны эти черты на портретѣ Гонты, который намъ удалось видѣть недавно въ частныхъ рукахъ, но не въ оригиналѣ, а въ фотографическомъ снимкѣ. Здѣсь Гонта кажется совершеннымъ красавцемъ, лице у него открытое, въ высшей степени энергическое и умное, взглядъ быстрый, смѣлый; въ осанкѣ, чертахъ лица есть нѣчто, напоминающее польскій типъ; въ выраженіи лица столько живой, кипучей, непобѣдимой энергіи и такая могучая сила воли, что вы невольно изумляетесь, какимъ образомъ въ одномъ и томъ-же лицѣ соединилась красота Апполона и желѣзная энергія Петра... На этомъ портретѣ Гонта представленъ въ польскомъ кунтушѣ, но воротъ рубашки небрежно завязанъ простымъ снуркомъ; голова бритая, оселедецъ закинутъ за ухо...

Этотъ фотографическій снимокъ мы видѣли въ Харьковѣ, у отставнаго капитана тамбовскаго пѣхотнаго полка, В. А. Богдановича, который, на нашъ вопросъ, какъ досталась ему эта рѣдкая фотографія, разсказалъ слѣдующее:

Незадолго передъ объявленіемъ войны Турціи, въ 1876 г., тамбовскій полкъ былъ посланъ въ подольскую губернію для расквартированія. Баталіонъ, въ которомъ состоялъ г. Бовдановичъ, поставленъ былъ въ м. Немировѣ, брацлавскаго уѣзда. Солдаты и офиферы размѣстились здѣсь по домамъ обывателей, а командиръ баталіона, маіоръ М., занялъ квартиру въ старомъ заброшенномъ помѣщичьемъ домѣ. Здѣсь вниманіе командира и посѣщавшихъ его офицеровъ привлекли старинные портреты, висѣвшіе на почернѣвшихъ отъ времени стѣнахъ въ залѣ и столовой. На портретахъ были изображены родовитые предки владѣльца усадьбы; тутъ-же было нѣсколько поясныхъ портретовъ королей Рѣчи Посполитой, портреты какихъ-то римскихъ кардиналовъ, польскихъ примасовъ, и т. д. Но между всѣми этими портретами особенно выдавалось изображеніе какого-то козака, съ бритой головой, съ умной и интеллигентной физіономіей. Удивились офицеры, какъ могъ затесаться сюда, въ среду великомощныхъ и ясневельможныхъ магнатовъ и королей, этотъ простой козакъ, съ оселедцемъ на головѣ и простымъ снуркомъ на воротникѣ рубашки. Кто-бы это такой могъ быть? Сняли портретъ со стѣны, посмотрѣли, нѣтъ-ли подъ нимъ

какой подписи, заглянули на оборотную сторону и нашли тамъ польскую подпись: Znakomity Gonta (знаменитый Гонта). Но кто такой Гонта и какъ могъ онъ,—на видъ простой козакъ, попасть въ портретную галлерею богатаго польскаго пана,—никто изъ присутствующихъ про это не зналъ, потому что офицеры знаніемъ исторіи не отличались. Только уже послѣ, долгое время спустя, они узнали, что Гонта былъ уманскій сотникъ и рѣзался съ поляками... Тѣмъ не менѣе лице Гонты и его оригинальный нарядъ такъ понравились офицерамъ, что они рѣшили отослать портретъ его къ знакомому фотографу въ Харьковъ съ просьбою сдѣлать нѣсколько фотографическихъ съ него снимковъ, не ради чего-нибудь, а просто потому, что физіономія «козака» показалась имъ очень «интересною». Спустя три недѣли фотографъ прислалъ имъ обратно портретъ Гонты и снятыя съ него три фотографіи, изъ которыхъ одну взялъ себѣ г. Богдановичъ, другую маіоръ М., а третью поручикъ С.; подлинный-же портретъ повѣшенъ былъ на старое мѣсто, въ столовой помѣщичьяго дома въ Немировѣ. Скоро вслѣдъ за тѣмъ былъ объявленъ походъ противъ Турціи, и тамбовскій полкъ двинутъ былъ за Дунай однимъ изъ первыхъ. Во время похода карточки Гонты у маіора М. и поручика С., насколько намъ извѣстно, затерялись, и изъ трехъ фотографій, снятыхъ съ оригинала, сохранилась только одна—у г. Богдановича, который и показалъ ее намъ въ концѣ прошлаго года въ Харьковѣ.

Было-бы, конечно, въ высшей степени интересно узнать, сохранился-ли въ Немировѣ оригинальный портретъ Гонты, уцѣлѣлъ-ли онъ до настоящаго времени, и если уцѣлѣлъ, то желательно было-бы видѣть его въ печати и получить разъясненіе, почему владѣльцы Немирова рѣшились повѣсить въ своей столовой рядомъ съ портретами своихъ предковъ портретъ Гонты, который былъ заклятымъ врагомъ польскаго шляхетства...

Н. Добротворскій.

Примѣчаніе редакціи. Фотографическій снимокъ съ портрета, о которомъ говоритъ авторъ настоящей замѣтки, года два тому назадъ былъ присылаемъ намъ кѣмъ-то изъ Харькова съ поясненіями, совершенно сходными, и, если не ошибаемся, это именно былъ снимокъ, принадлежащій г. Богдановичу. Мы сличили его

тогда-же съ оригиналомъ, хранящимся у проф. В. Б. Антоновича, и преимущество во всѣхъ указываемыхъ авторомъ замѣтки отношеніяхъ оказалось на сторонѣ нашего оригинала. О поражающихъ чертахъ лица Гонты на этомъ портретѣ можно заключать изъ того, удостовѣреннаго всѣми видѣвшими его факта, что на него невозможно смотрѣть долѣе двухъ-трехъ минутъ, чтобы не почувствовать какого-то давящаго чувства страха предъ этой изумительной силой, отвагой, энергіей и нѣкоторой даже какъ-бы свирѣпостью лица, которыя такъ и бьютъ вамъ въ глаза. Но, всматриваясь въ портретъ, вы не замѣчаете, чтобы это была дикая, грубая сила; напротивъ, во всемъ лицѣ, особенно въ глазахъ и выдающемся челѣ свѣтится умъ и гордая, непреклонная самоувѣренность, а полуоткрытый ротъ съ покосившимися въ одну сторону губами и выдвигающимися зубами отражаютъ какую-то злую иронію и презрѣніе къ жизни. Только при взглядѣ на этотъ портретъ становится понятнымъ то феноменальное хладнокровіе, съ которымъ этотъ герой-мученикъ перенесъ лютѣйшую казнь, смѣясь и бросая шутками въ своихъ мучителей, когда съ него съ живого сдирали полосами кожу. И на этомъ портретѣ Гонта красавецъ, но это въ высшей степени своеобразная, мужественная, грозная красота. Одинъ изъ нашихъ знаканомыхъ снялъ съ этого-же портрета копію и помѣстилъ ее у себя въ имѣніи (черниговской губерніи), въ комнатѣ, предназначенной для ночлега пріѣзжающихъ гостей. По словамъ его, каждый изъ нихъ, переночевавъ въ этой комнатѣ, жаловался на утро, что ему Гонта не давалъ спать, что и побудило радушнаго хозяина вынести портретъ въ другую комнату.

Въ общемъ очертаніе лица Гонты на кіевскомъ и немировскомъ оригиналахъ, какъ видно по фотографіи съ послѣдняго, весьма сходно; разница въ положеніи головы и рта, въ костюмѣ и отчасти въ характерѣ самой живописи: на портретѣ кіевскомъ штрихи нѣсколько проще и рѣзче. Но главная, какъ намъ кажется, причина разницы въ обоихъ портретахъ, которую усматриваетъ почтенный авторъ замѣтки, въ томъ, что онъ имѣлъ предъ собою не самые оригиналы, а съ одной стороны фотографію, весьма отчетливо сдѣланную, а съ другой геліографическій снимокъ, исполненный не совершенно удовлетворительно.

Тѣмъ не менѣе мы охотно присоединяемся къ желанію автора замѣтки, чтобы немировскій портретъ Гонты былъ сохраненъ и изданъ, съ поясненіемъ его происхожденія и дальнѣйшей судьбы, и въ этихъ видахъ даемъ мѣсто самой замѣткѣ.

КОБЗАРЬ КРЮКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Чувствуемъ себя обязанными занести въ историческую и этнографическую южно-русскую хронику еще одну утрату въ области отходящей въ вѣчность старины. Въ первыхъ числахъ іюля умеръ въ г. Лохвицѣ полтавской губерніи кобзарь Иванъ Кравченко (Крюковскій), отъ котораго мною записано было собраніе думъ, напечатанное въ 1884 году въ нашемъ журналѣ. Крюковскій былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей того типа историческихъ пѣвцовъ, о которомъ въ очень близкомъ времени останется только одна память. Отъ него добыто двѣнадцать варіантовъ думъ (девять мною и три другимъ лицемъ), пѣсни и псальмы. Если сравнивать его по количеству сохраненнаго имъ въ памяти историко-поэтическаго матеріала, то изъ извѣстныхъ кобзарей прійдется отвести ему чуть-ли не первое мѣсто. Но онъ уступалъ и Вересаю, съ его своеобразно-философскимъ умомъ и культомъ исторической пѣсни, и Андрею Шуту, благодаря которому дошли къ намъ думы о Хмельницкомъ. Варіанты Крюковскаго, впрочемъ, вполнѣ оригинальны и всѣ хорошаго качества. Такими признали ихъ столь глубокіе знатоки украинской народной поэзіи, какъ покойный Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ, нашедшіе въ нихъ новыя черты и счастливыя по силѣ выраженія. Въ своей средѣ Крюковскій пользовался репутаціей единственнаго старосвѣтскаго кобзаря на огромный районъ средней Полтавщины. Въ молодости онъ велъ подвижную жизнь и обошелъ съ бандурою почти всѣ украинскія мѣстности по лѣвобережью, пробираясь иногда на Донъ и на Черноморье. Бывалъ и на ярмаркахъ сельскихъ и даже городскихъ, какъ въ Харьковѣ и Ромнахъ, гдѣ иногда ему перепадало кое-что отъ дивившагося на него купечества. Лѣтъ двадцать назадъ, съ постепеннымъ вымираніемъ кобзарства, онъ переставъ странствовать и

обратился къ жизни осѣдлаго ремесленника; по обычаю слѣпыхъ изъ народа онъ занимался выдѣлкой издѣлій изъ конопли. У него были ученики, но своихъ историческихъ думъ онъ имъ не передалъ, такъ какъ народъ не понимаетъ и не интересуется болѣе пѣснями этого рода.

Проѣзжая въ срединѣ минувшаго іюля черезъ Лохвицу и зайдя въ его хату, я не засталъ его болѣе въ живыхъ. У воротъ меня встрѣтилъ, стоящій постоемъ въ хатѣ, уральскій козакъ, одинъ изъ расквартированныхъ по городу. На вопросъ о хозяинѣ онъ сказалъ: «Старикъ, слѣпой? померъ. Четыре дня какъ зарыли». Изъ семьи кобзаря не было никого. Сыновья ушли въ Новороссію, на заработки, жена, запивавшая еще и при мужѣ, оказалась въ сосѣднемъ шинкѣ. Невольно вспомнились слова думы о козацкой хатѣ въ отсутствіи хозяина... Тутъ-же, на выѣздѣ изъ города, небольшой черный холмикъ на кладбищѣ обозначалъ могилу Крюковскаго.

Узявъ соби паняночку—
Въ чистимъ поли земляночку,
Та взявъ соби былиночку—
Въ чистимъ поли могилочку...

Кромѣ записанныхъ мною, Крюковскій зналъ еще три думы, которыхъ не вспомнилъ тогда. По счастію онѣ записаны отъ него, вмѣстѣ съ другими, художникомъ Порф. Денис. Мартыновичемъ, писавшимъ съ него этюдъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Мартыновичъ ознакомитъ съ ними интересующихся лицъ. Это думы «О козакѣ Голотѣ», «О Самарскихъ Братьяхъ» и шуточная «О козакѣ Мыхіѣ», еще неизвѣстная въ печати. Какъ дань памяти покойнаго народнаго пѣвца привожу здѣсь, записанную буквально со словъ Крюковскаго, часть его автобіографіи. Здѣсь встрѣтятся еще всѣмъ знакомые отголоски недавняго времени, черты крѣпостнаго произвола, которыя давно слѣдуетъ начать записывать, такъ какъ онѣ должны быть также отнесены къ чертамъ *историческимъ*.

«Я бувъ крипостный Крюковского пана;—отто я по пану Крюковскимъ и прозываюсь. Зъ трехъ литъ мене взято до двора и бувъ я при паничу. До десяти годъ я бувъ видющій. Пидрисъ мій паничъ, отдали ёго въ Гадячъ въ училище. И мене зъ нимъ отдали и одвезли мене зъ нимъ у Гадячъ. Обижа мене паничъ. Прийде оце зъ училища на кватырю, якъ зачне гратьця зо мною,

штиля мене то видсиль, то видтиль, скубе, щипа... Поставе було ракомъ: «стань на чотырехъ лапкахъ... А ну, чи повезешъ мене, Иванька?» Якъ попогрався оттакъ винъ зо мною пивтора года, та якъ заболили у мене очи, якъ заболили, то якъ ляжу ныць, та якъ полежу, такъ пидо мною такъ якъ ричка слёзъ набижить... Прыиде паничъ, «А, Ванька, се ты с... с... у...? Ванька у...! Та якъ почне мене скубти та бити, то въ мене слёзы такъ и бижать, такъ и бижать... Коли вже й йсти за слёзами не можна. Тоди винъ якъ побачивъ, що вже, значить, не переливки, посыла зъ Гадяча письмо до дому въ Лохвицю, шобъ мене взяли до дому въ Лохвицю, а ёму щобъ другого малчика дали. Привезли мене до дому, стали батько призывать знахуривъ, жидивъ и жидивокъ. Жидивка була така, що каже: «выличу хлопця твого», та три мисяци, чи що, коло мене сидила, та ничого й не зробила. Люде кажуть, що въ Полтави є докторъ, то може спользувать. Повезли батько, царство имъ небесне, мене въ Полтаву; такъ той докторъ подививсь на мене, та й каже имъ: «що-жъ, попользую якъ небудь. Покинь ёго тутъ, а въ мисяць навидайся до мене». Такъ у мисяць батько прыихали.—«Не пускайте ёго на дворъ съ пивъ мисяця—одійдуть очи. Привезли мене, та не то пивъ мисяця, а й мисяць не пускали—не помагаеться. Возили у Катарнославъ. Тамъ побувъ пивтора года у больныци. Не помоглось. Повезли ще въ Кіивъ до Короваева; такъ той подывивсь-подывивсь, та й каже: «не выпользую, каже. Вичній калика винъ буде. Повыидавъ, каже, сахаръ чоловички»[1]). Ослипъ я. Перестали очи бачить. А якъ прыиде паничъ до дому, то чого було не робе изо мною изъ слипымъ?! Батько та мати було почують, що паничъ прыихавъ, то й журятьця: «оце вже прыихавъ, буде хлопця мучити». Разъ якъ узявъ мене ганять по двору у литку та въ жнива, такъ турлявъ мене, турлявъ... а тамъ русськи колодязь одкрыли, такъ винъ турлявъ мене, турлявъ та на колодязь и нагнавъ, такъ я туды й шелепнувъ. Такъ русськи тоди: «що вы, паничъ, дилаете? отъ малчикъ убився». Вытягли мене видтиля насилу живого. Довго пролежавъ я писля того... Такъ ото вже я якъ ослипъ, такъ батько та мати порадились та отдали мене въ Гапонивку до слипого до

[1]) Зрачки. Сахаромъ прежде задували въ глаза.

Ивана, таки Кравченка. И винъ Иванъ Кравченко и я Иванъ Кравченко. Винъ ще и Касьяномъ прозываетьця. Узявъ мене на три годы. За пивтора года вывчивъ грать»...

Къ сожалѣнію автобіографія кобзаря на этомъ обрывается. Онъ умеръ лѣтъ семидесяти. Но за то, что онъ сберегъ среди горькой своей жизни, за часть исчезающаго сокровища народной поэзіи, скажемъ о немъ обычнымъ утѣшительнымъ припѣвомъ стародавнихъ думъ: «слава ёго не вмре, не поляже!»...

В. Г.

УКРАИНСКІЙ ВАРІАНТЪ ПѢСНИ «ПРО ЯГНИЧКУ».

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» (стр. 517—523) г. Я. Г. напечаталъ двѣ народныя пѣсни, доставленныя ему г. Михаиломъ Загайскимъ изъ Галиціи, съ береговъ Збруча, изъ скалатскаго уѣзда. Вторая изъ нихъ, «Про сойку»,—въ значительно впрочемъ отмѣнномъ варіантѣ, безъ примѣненія къ Польшѣ и ляхамъ,—была напечатана въ одномъ изъ галицкихъ сборниковъ, у Вацлава зъ Олекса или Жеготы Паули,—навѣрно не упомню. Первая-же, «Про ягничку», ни въ одномъ сборникѣ не находится. Г. Я. Г. полагаетъ, что пѣсни эти происходятъ изъ Украйны и что здѣсь должны быть извѣстны ихъ варіанты. «Сойки» мнѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ не попадалось; другая-же пѣсня записана мною въ г. Таращѣ, и притомъ въ болѣе цѣльномъ видѣ.

Предположеніе г. Загайскаго, что пѣсня эта возникла въ эпоху, когда на Украйнѣ появились ксендзы-миссіонеры, «которые допускали разныя безчинства», можетъ найти нѣкоторое подтвержденіе въ томъ смыслѣ, что пѣсня имѣетъ въ виду духовныхъ лицъ уніатскихъ,—по крайней мѣрѣ, варіанты ея неизвѣстны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ унія не была прочно укоренена и исчезла еще съ половины XVII вѣка. На то-же указываютъ приводимыя ниже шуточныя пѣсеньки о «добродзіяхъ».

Вотъ какъ поютъ «Про ягничку» въ Таращѣ, на такъ называемомъ «Зарѣчьи»:

Ой погнала дивчинонька ягняточка въ поле,
Загубила ягняточко,—«нещаслива доле!

Треба мени вертатися,
Ягняточки пытатися,
Ягняты малого,
Ягняты малого».

Ой не найшла дивчинонька ягняты малого,
Надыбала попа въ лиси, попа молодого:
«И а чи мени вертатися,
И а чи мени пытатися,—
Боюся я ёго,
Боюся я ёго!»

—«Ой не бійся, ты дивчино, не бійся ты мене:
Знайду я те ягняточко, що ты загубила;
Пожартуемъ наедыни,—
Нехай наша журба гине,
Нехай пропада,
Нехай пропада!»

Жартовала съ попомъ довго,—не скажу никому,—
Цилувала-обнимала, та й прыйшла до дому.
Ой прыйшла я до домоньку,—мене мати била:
«Ой а де ты, суча дочко, ягнятко згубила?»
—Ой на-що-жъ вамъ ягняточко,
Буде въ мене дитяточко:
Исъ попомъ гуляла,
Съ попомъ жартувала.

—«Ой пиду я до владыки, буду позывати,
Нехай прескурвый знае, якъ дочку займати!»
—«Ой я твого, а владыки, та и не боюся,—
Есть у мене капшукъ грошей, то я й одкуплюся.
То-жъ парахвія моя,—
Нехай знае дочка твоя
Пастыра свого,
Пастыра свого!»

Я упомянулъ выше о шуточныхъ пѣсенькахъ относительно «добродзіевъ»,—такъ именуетъ и нынѣ народъ священниковъ, по уніатской памяти, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе

упрочена была унія,—на Полѣсьи кіевской губерніи, гдѣ былъ центръ уніатской іерархіи, ибо кіевскіе уніатскіе митрополиты съ андрусовскаго мира пребывали въ Радомыслѣ. Здѣсь именно записаны и приводимыя пѣсеньки: первая въ с. Пилиповичахъ, мѣсто-же записи второй съ точностью не обозначено. Онѣ напоминаютъ намъ то отдаленное время господства уніи.

I.

Ой ты, попе-добродзію,
У мій бибъ [1]) не ходи:
Бо якъ зловлю,—переголю
Половину бороды!

II.

Варила добродзійка лемишку,
Та вдарила добродзія по писку [2]):
«Оце-жъ тоби, добродзію, лемишка,—
Не люби чужихъ жинокъ изтышка!»

Замѣчательно, что и эти пѣсеньки, подобно предъидущей, вовсе неизвѣстны на лѣвой сторонѣ Днѣпра, по крайней мѣрѣ здѣсь онѣ не попадались собирателямъ, хотя эти мѣстности изслѣдованы несравненно тщательнѣе, чѣмъ Правобережье.

Ив. Новицкій.

КЪ ПОРТРЕТУ АДАМА КИСЕЛЯ.

Адамъ Кисель, воевода кіевскій, представляетъ собою весьма крупную личность въ ряду южно-русскихъ дѣятелей XVII ст., той кровавой эпохи козацкихъ войнъ, которая рѣшила безповоротно судьбу Малороссіи и потрясла до основанія могущество Польши. Сынъ бѣднаго волынскаго шляхтича, владѣльца с. Нискеничъ (нынѣ волынской губерніи, владимірскаго уѣзда), онъ неустаннымъ трудомъ и стараніями, путемъ скупли, заимокъ, службы и соединен-

---

[1]) «Ходить въ бобъ» — то-же что «скакать въ гречку», въ одной лѣтописи XVII вѣка — «скочити черезъ плотъ»,—грѣшить противъ седьмой заповѣди.

[2]) По лицу.

ныхъ съ нею пожалованій составилъ себѣ огромное состояніе, владѣлъ обширными помѣстьями, массою селъ, хуторовъ, мельницъ и другихъ угодій на Волыни, въ черниговщинѣ и полтавщинѣ, отчасти въ кіевскомъ воеводствѣ, былъ подкоморимъ, старостою, каштеляномъ и воеводою, а въ концѣ концевъ достигъ званія сенатора и одинъ изъ русскихъ людей того времени носилъ это почетное званіе, къ которому не былъ допущенъ ни одинъ владыка русскій, ни даже самъ митрополитъ кіевскій, знаменитый своимъ происхожденіемъ, образованіемъ и способностями Петръ Могила. Но ни богатство, ни древность и знатность рода (Кисель производилъ свой родъ отъ Владимірова Святолда и это признавалось его современниками), ни высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ и обществѣ не дали ему почетнаго мѣста въ исторіи. Кисель доселѣ не нашелъ своего біографа, не дождался даже отдѣльной и обстоятельной характеристики. Причина этого прежде всего въ личныхъ качествахъ Киселя и характерѣ его жизни и дѣятельности. Кисель не ознаменовалъ себя подвигами военными, ни какими либо громкими гражданскими дѣлами; на его долю выпала мало примѣтная и вмѣстѣ неблагодарная роль посредника и примирителя въ польско-козацкой распрѣ, дошедшей до крайнихъ предѣловъ, до борьбы на жизнь или смерть. Онъ повидимому искренно и съ увлеченіемъ старался примирить враждующихъ, склоняя ихъ къ уступкамъ, взывая къ самымъ возвышеннымъ мотивамъ, но не могъ возвыситься надъ ихъ радикально противуположными стремленіями и понять, что силится согласить несогласимое. Самъ Кисель былъ горячимъ защитникомъ политическаго единства южной Руси и Польши, но вмѣстѣ сторонникомъ польско шляхетскаго общественнаго строя, противъ гнета котораго направлены были всѣ усилія южно-русскаго козачества. Въ періодъ крайняго возбужденія политическихъ страстей роль посредника, принадлежащаго по національности и вѣроисповѣданію къ одной изъ враждующихъ сторонъ, а по складу политическихъ убѣжденій и стремленій къ другой, въ высшей степени трудна и невольно возбуждаетъ подозрѣніе въ обѣихъ. Требовалось необычайное искусство, прямота, твердость, полное безпристрастіе, нѣкоторое даже самоотверженіе, качества, которыми не могъ похвалиться Кисель. Требовался кромѣ того личный высокій авторитетъ, доблести, заслуги; но и этого не имѣлъ

Кисель, хвалившійся при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ лишь древностію своего русскаго рода, усиленное-же увѣреніе имъ обѣихъ противныхъ сторонъ въ своей исключительной преданности подрывало всякое довѣріе къ нему.

Кисель былъ человѣкъ образованный и рѣчистый, писалъ искусно и красно; но однимъ сладкоглаголаніемъ нельзя было расположить къ себѣ людей и пріобрѣсти ихъ довѣріе. Не вѣрили ему козаки, не довѣряла и польская сторона. Въ сенатѣ чуть не въ глаза называли его здрайцею, хлопомъ, русиномъ, а Хмельницкій на горячія увѣренія Киселя, что онъ кости и плоти русской, отвѣчалъ: «кость-то у тебя русская, да польскимъ мясомъ обросла!» Отъ своихъ такимъ образомъ онъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ. Всю жизнь путемъ стяжаній, заискиванья, уклончивой политики Кисель добивался того, чтобы выдвинуться изъ бѣдной и мелкой русской шляхты, презираемой и гонимой, стать на ряду съ первостепенными чинами государства; но когда это положеніе цѣлымъ рядомъ усилій и жертвъ было наконецъ достигнуто, для Киселя не оказалось мѣста между гордыми польскими панами и они едва выносили его присутствіе въ своей средѣ. Онъ снизошелъ къ своимъ, но и тѣ его отвергли. Всѣ усилія Киселя стать между двумя противными сторонами, склонивъ ихъ къ примиренію, кончились ни чѣмъ. Положеніе по истинѣ трагическое!

Отзывы современниковъ установили за Киселемъ репутацію человѣка двуличнаго, мелкаго честолюбца, своекорыстнаго эгоиста, мечтавшаго покойно и съ честью усѣсться на краяхъ двухъ стульевъ; мы думаемъ, что неудача Киселя условливалась болѣе трудностію его политической роли, нежели его личными свойствами. Тогдашнее польско-русское общество представляло изъ себя два непримиримые лагеря, исключавшіе возможность всякаго компромисса: съ одной стороны Хмельницкій, представитель демократическихъ стремленій козачества и поспольства, во всеоружіи народныхъ силъ, взялся, по его собственному выраженію, «перевернуть Польшу вверхъ ногами», съ другой талантливый его соперникъ Іеремія Вишневецкій клялся истребить поголовно всѣхъ козаковъ. Ошибка Киселя въ томъ, что онъ не понялъ совершавшагося на его глазахъ рѣшительнаго историческаго момента; но эту ошибку повторяли, и гораздо съ большею неудачею, всѣ послѣдующіе сторонники союза съ Польшею и со-

храненія грозившаго гибелью народу *status quo*. Что имя Киселя перешло въ исторію въ мало привлекательномъ и слабомъ свѣтѣ, причиною сему не одна неудача его посреднической роли, но и то, что онъ, человѣкъ обыкновенныхъ способностей, стоитъ между двухъ такихъ высоко-даровитыхъ противниковъ, какъ Хмельницкій и Вишневецкій. Достойно вниманія, что одна и та-же южная Русь одновременно дала отъ себя такихъ несходныхъ дѣятелей. Хмельницкій, Вишневецкій и Кисель служили выразителями трехъ обуревавшихъ въ то время ее теченій: новаго радикальнаго, стараго ретроградного и либерально-консервативнаго. Представителемъ послѣдняго и былъ Адамъ Кисель.

Говоря объ немъ, мы съ уваженіемъ однако должны вспомнить о томъ, что онъ не измѣнилъ своей вѣры и народности среди всеобщаго увлеченія польско-католическимъ идеаломъ, и съ тѣмъ-же чувствомъ отнестись къ его напряженнымъ, хотя и безплоднымъ усиліямъ остановить братоубійственную борьбу; голосъ Киселя былъ почти единственнымъ голосомъ мира и любви среди всеобщаго дикаго ожесточенія, грозившаго превратить цвѣтущій край въ пустыню.

Ограничиваемся на этотъ разъ самымъ общимъ очеркомъ личности Киселя, надѣясь въ ближайшемъ будущемъ представить болѣе обстоятельное фактическое о немъ изслѣдованіе, и переходимъ къ ознакомленію читателей съ его портретомъ, снимокъ съ котораго здѣсь прилагается.

По духу своего времени, Кисель былъ набожнымъ человѣкомъ, строилъ церкви и монастыри. Въ 1642 г. имъ основанъ въ черниговскихъ его помѣстьяхъ максаковскій монастырь, а въ монастырской церкви, по обычаю того времени, поставленъ его портретъ во весь ростъ. При введеніи въ Малороссіи штатовъ для духовенства въ 1786 г. монастырь этотъ былъ закрытъ и долгое время оставался въ запустѣніи, пока наконецъ въ 1803 г. не былъ, по повелѣнію императора Александра I, переданъ стародубскимъ раскольникамъ. Къ тому времени портретъ фундатора обветшалъ и раскольники озаботились снять съ него точную копію, отмѣтивъ въ особой надписи судьбу монастыря и портрета. Разысканіемъ и сообщеніемъ намъ этого портрета мы обязаны А. М. Лазаревскому.

Копія портрета на холстѣ, размѣромъ 3 $^1/_2$ аршинъ высоты и 2 аршина ширины. Въ верхней части, въ уровень съ голо-

вою, справа—видъ трехъ-купольной церкви съ колокольнею (купола высокіе конусообразные), и другой меньшей церкви съ трехъяруснымъ куполомъ, а слѣва—гербъ Киселя, состоящій изъ шатра изъ зеленой матеріи, на желтомъ полѣ, съ крестомъ на верху; надъ нимъ темный шаръ съ золотыми обручами, изъ-за котораго выглядываютъ зубчатыя стѣны замка. Одѣтъ Кисель въ красный, опушенный дорогимъ мѣхомъ, съ откидными красными-же рукавами кунтушъ, изъ подъ котораго выдѣляется богатой въ цвѣтахъ матеріи кафтанъ, съ широкой краснаго бархата обшивкой. Въ правой рукѣ пернач̆ь, старой формы, съ острыми шипами, въ лѣвой огромная и широкая сабля въ ножнахъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ. Съ лѣвой стороны столикъ, на немъ книга въ пергаменной обложкѣ, а за нею большихъ размѣровъ шапка голубаго бархата, опушенная сивымъ барашкомъ и перевитая на крестъ золотымъ снуркомъ, съ золотою кистью на верху. По кафтану широкій, шерстяной либо шелковый поясъ съ золотыми кистями слѣва. На ногахъ сапоги желтаго сафьяна. Голова коротко острижена, волосы съ просѣдью, примѣтна начинающаяся лысина. Лице бритое, усы черные, не большіе, концы ихъ приподняты вверхъ.

По краямъ герба буквы: А, К, В, К, С, Н, что значитъ: Адамъ Кисель, воевода кіевскій, староста носовскій. Внизу портрета въ медальонахъ съ правой стороны помѣщена современная оригиналу надпись, гласящая о фундаторѣ и построенномъ имъ монастырѣ, а съ лѣвой позднѣйшая, отмѣчающая судьбу монастыря и портрета. Приводимъ обѣ надписи, съ соблюденіемъ ихъ правописанія.

1) «Ада́мъ зъ Брусы́лова Кисѣль Свято́лдъ, на кисѣль гра́дѣ гнойнѣ, гу̑щѣ и кобисцѣ, воево́да кіе́вскій, ста́роста иносовскій, преставися ҂ах҃нг года̀; мужъ благочестывый и вѣры грекору̑скія вели́кій бѣ побо́рникъ, во словесѣхъ бѣ сла́докъ, оукраинѣ пріятенъ, ѿ древняго и сла́внаго ро́да идїй, Свято́лда, бывшаго иногда̀ рускаго ге́тьмана; оуфондовалъ монастырь максако́вскій, зъ наданьемъ маетностей року ҂ах҃мк».

2) «Сей максаковскій манастырь по волѣ Божіей упраздненъ былъ за императрицы Екатерины Алексѣевны. Впустѣ былъ 23 года. Съ сожалѣнія его опустѣнія, Никодимова монастыря игуменъ Евдокимъ збратіею випросили для возобновленія оного монастыра на старихъ

обрядахъ оу императора Александра Павловича, которій благоволилъ имяннымъ повелѣніемъ перевесть съ Никодимова, за архіепископа Виктора, 1803 года августа 25 день. Совершено же водворенъ синодалнимъ членомъ и каммиссіи духовныхъ училищъ архіепископомъ Михаиломъ и разныхъ орденовъ и кавалеромъ, черниговскимъ и нежинскимъ, ево попеченіемъ и трудами».

Одного году не дожилъ Кисель до присоединенія Малороссіи. Тѣло его похоронено было въ родовомъ его имѣніи, въ с. Нискеничахъ въ церкви, имъ-же построенной; но во время наступившей войны за обладаніе Малороссіею было вырыто и выброшено изъ могилы. Богатый металлическій съ барельефами гробъ и мраморный бюстъ Киселя оставались въ церкви до послѣднихъ годовъ, настоящая-же ихъ судьба намъ неизвѣстна.

Поправка. На стран. 599 настоящей книжки напечатано: *Кто знаетъ* край; слѣдуетъ: *Ты знаешь* край.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XII. 1885 г.

Май, 1885 годъ.

Іюнь, 1885 годъ.

Іюль, 1885 годъ.

стр.

Августъ, 1885 г.